А. А. ГЛУЩЕНКО

МЕСТО И РОЛЬ РАДИОСВЯЗИ В МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ
(1900–1917 гг.)

Часть 4 из 5

Раздел 8
Раздел 9
Раздел 10

Санкт-Петербург
2005

ББК 63.3(2)52+76.03
Г55

Глущенко А. А. **Место и роль радиосвязи в модернизации России (1900–1917 гг.).** СПб.: ВМИРЭ, 2005. – ….. с.; 193 ил. Библ. 652 наим.

В логической взаимосвязи с происходившими в начале XX века модернизационными преобразованиями, военными реформами, двумя войнами и тремя революциями показан процесс создания и функционирования системы радиосвязи России. При этом создание системы радиосвязи рассматривается как социальный заказ общества на определенной стадии развития государства. Впервые в отечественной историографии на широкой документальной базе раскрывается деятельность правительства, торгово-промышленных кругов, научных, учебных и общественных структур в развитии системы радиосвязи и ее результативность, показана роль радио в экономической, политической, военной и социально-культурной сферах государства и общества, возвращаются из небытия имена многих российских связистов.

Монография адресуется специалистам по отечественной и военной истории, по истории науки и техники, краеведам и самому широкому кругу читателей, желающим глубже познать историю великой страны.

Издание осуществлено при поддержке Российского фонда истории связи

Рецензенты:
Гоголевский А. В., доктор исторических наук, профессор
Сырников Э. В., доктор технических наук, профессор
Историческая секция СПб НТОРЭС им. А. С. Попова

ISBN 5-7997-0364-2

© А. А. Глущенко, автор, 2005
© Российский фонд истории связи, 2005
© Военно-морской институт радиоэлектроники, 2005
© Инжиниринг-Сервис, 2005

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть 4 из 5

8. Радиосвязь в торгово-пассажирском флоте …….. 494

Общая характеристика торгово-пассажирского флота России …….... 494
Развитие радиосвязи в торгово-пассажирском флоте России ……. 497

9. Роль радио в социально-культурной жизни России ……... 509

Радиостанции научных организаций и учебных заведений …… 509
Использование радио для фундаментальных научных исследований 515
Радиосвязь в монастырях России ……... 518
Проект "радиофикации" России 1917 года ……... 524
"Криминальный" итог начала радиолюбительства в России …….. 525
Попытки России вхождения в систему международной радиосвязи 529

10. Система связи оборонных ведомств как элемент военного потенциала страны ……..…….. 542

Создание системы связи Морского министерства ……. 543
Совершенствование системы связи Морского министерства в межвоенный период ……..…….....……... 560
Создание системы радиосвязи Военного министерства …… 583
Роль военной радиосвязи в боевой деятельности армии и флота …. 603
Радиосвязь в Русско-японской войне ……...…….……...……... 605
Радиосвязь оборонного назначения в Первой мировой войне ...…... 626

Необходимость применения радиотелеграфа учреждениями, находящимися в ведении Министерства торговли и промышленности, обусловливается тем значением, которое имеют сношения по беспроводному телеграфу для морского промысла вообще и обеспечения безопасности плавания в частности.

Н. Н. Нордман

8
РАДИОСВЯЗЬ В ТОРГОВО-ПАССАЖИРСКОМ ФЛОТЕ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТОРГОВО-ПАССАЖИРСКОГО ФЛОТА РОССИИ

Историческим рубежом, завершившим многовековую эпоху господства парусных флотов, явилась Крымская война 1853–1856 годов. Опыт войны заставил пересмотреть консервативные взгляды, препятствующие техническому прогрессу, и доказал явные преимущества применения металла вместо дерева при постройке корпусов кораблей и использования паровой машины и гребного винта вместо силы ветра и парусов.

В развитии отечественного судостроения были заинтересованы не только военно-морские государственные органы, но и частные предприниматели, стремившиеся приобрести новейшие морские транспортные суда для организации торговых грузовых и пассажирских перевозок как дальнего, так и каботажного плавания. Интересы торгово-промышленного капитала требовали все более широкого товарообмена с зарубежными странами. На мировом рынке Россия выступала как крупный поставщик сырья, нефти и сельскохозяйственной продукции. Однако даже при высоких темпах увеличения производственных мощностей отечественного судостроения оно не могло удовлетворить потребностей страны как для воссоздания ее военно-морской силы на новой основе, так и для повышения ее экономического потенциала в условиях быстрого развития капитализма.

После Крымской войны морское судостроение носило односторонний характер. Если строительство самоходного и особенно несамоходного транспортного флота для внутренних речных путей сообщения было широко развито, то строительство морских торговых судов на отечественных верфях велось в крайне ограниченных размерах.

Слабость отечественной промышленной базы и загруженность крупных верфей заказами Морского ведомства служили главным препятствием на пути развития русского торгового мореплавания.

В составе гражданского транспортного флота пароходы насчитывались единицами и были преимущественно заграничной постройки. Так, по официальным данным до 1860 года из 32 паровых судов, обсуживавших морские внешние и внутренние перевозки, 27 были приобретены за границей. За последующие десять лет, с 1860 по 1870 год, из 68 пароходов, пополнивших состав русского торгового флота, только 8 были отечественной постройки, остальные строились на иностранных верфях.[1]

На 1 января 1880 года из 268 русских морских коммерческих судов, плававших на Балтийском, Белом, Каспийском и Азовском морях, русской постройки было только около двух десятков. Не случайно активный деятель Общества для содействия русскому торговому мореходству Д. Н. Любавин с грустью констатировал: "Известно, что Россия стоит по судоходству даже ниже маленькой Норвегии, не говоря уже про все великие державы и некоторые второстепенные".[2]

---

[1] Русский торговый флот. Список судов к 1 сентября 1904. СПб., 1905, с. XVII.

[2] Известия Императорского общества содействия русскому торговому мореходству. 1904, вып. 61, с. 9–10.

В 1856 году был организован Специальный комитет для изыскания средств к развитию торгового мореходства, в результате деятельности которого возникли крупные паевые пароходные компании. В том же году было основано Русское общество пароходства и торговли, ставившее своей задачей развитие пароходных сообщений на Черном и Азовском морях. Приобретенные этим Обществом торговые суда совершали рейсы по Крымско-Кавказской линии в российские порты, Александрийской линии в порты Средиземного моря, а также ходили вокруг Европы на Балтику.

Создавались пароходные общества также в других морях: на Севере – Товарищество Архангельского и Мурманского срочного пароходства, на Балтике – Рижское пароходное общество, на Каспийском море – пароходное общество "Кавказ и Меркурий".

Особое место занимало пароходное общество Добровольный флот, начало деятельности, которого относится к 1878 году, ко времени окончания Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. По инициативе Императорского общества содействия русскому торговому мореходству в короткий срок были собраны крупные пожертвования для покупки быстроходных судов, которые предполагалось "...в случае войны передавать в распоряжение правительства на военные надобности в качестве крейсеров, в мирное же время обращать на цели торговые".

В короткий срок были собраны крупные пожертвования на эти цели (за год сумма "доброхотных даяний" достигла более 3,8 млн руб.). На них были закуплены четыре парохода, отвечавшие требованиям Морского ведомства. И в дальнейшем пополнение судового состава Добровольного флота также шло за счет покупки судов за рубежом. В 1879 году было положено начало регулярным рейсам судов Добровольного флота на Дальний Восток.[1]

Особенности плавания в замерзающем Финском заливе и на Севере страны вызывали к жизни ледокольный флот, по количеству и мощности судов занимавший ведущее место в мире. В 1899 году по инициативе и эскизному проекту адмирала С. О. Макарова на судостроительной верфи "Армстронг" в Англии началась постройка сверхмощного по тем временам ледокола "Ермак". К 1917 году ледокольный флот насчитывал пять крупных ледоколов с мощностью главных машин от 7 до 10 тыс. л. с. ("Ермак", "Святогор", "Александр Невский", "С. Макаров" и "Федор Литке" и семь ледокольных пароходов с машинами мощностью от 1,6 до 3 тыс. л. с. Все эти суда были построены с 1900 по 1915 год также за границей.

Развитие торгово-пассажирского мореплавания России в конце XIX – начале XX века имеет ряд особенностей.

Во-первых, по утверждению вице-адмирала А. К. Сиденснера, расходуя ежегодно миллионы рублей на устройство портов со всеми вспомогательными структурами для нужд судоходства, и затрачивая около 6 млн. руб. на содержание и поддержку разветвленной сети железных дорог, которые пятью ветвями связывали страну с существующими портами, правительство мало заботилось и еще меньше делало для создания своего торгового флота.[2] Россия не могла обеспечить свои национальные потребности в морских торговых перевозках на собственных судах, поскольку главной задачей было создание мощного военного флота, но и в решении этой задачи монархический режим не смог добиться желаемых результатов, хотя строительство военных кораблей стимулировало развитие почти всех отраслей тяжелой промышленности и играло определенную роль в повышении экономического и технического потенциала.[3] В итоге торгово-пассажирское судостроение на русских верфях и из рус-

[1] Очерк возникновения и деятельности Добровольного флота за время XXV-летия его существования. СПб., 1903, с. 5. *Яровой В. В.* Краткий очерк истории Добровольного флота // Гангут. 1992, вып. 3, с. 71–85.

[2] РГА ВМФ Ф. 23. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–8.

[3] *Цветков И. Ф.* Военное судостроение в России накануне и в период Первой мировой войны (1905–1918 гг.) // Автореф. дис. ...д. т. н. СПб., 1996, с. 4.

ских материалов из-за отсутствия государственной поддержки было невыгодным. Например, постройка парохода вместимостью 1000 т с машинами, обеспечивающими 10-узловую скорость, обходилась в России в 261255 руб., а в Англии – всего лишь 125400 руб.[1]

Динамика изменения численности судов русского торгового флота с 1903 по 1912 год приводится ниже.

Статистические данные о развитии русского парового торгового флота*

Год	Общее количество судов по классам					Всего судов
	пассажирские	грузопассажирские	грузовые	наливные и грузоналивные	служебные	
1903	62	210	180	140	231	823
1904	63	210	183	142	234	832
1905	61	201	196	138	239	835
1906	63	199	201	141	243	847
1907	56	206	220	136	256	874
1908	55	215	240	134	261	905
1909	55	213	237	133	260	898
1910	57	218	249	134	266	924
1911	58	222	268	129	266	943
1912	57	245	294	130	289	1015

*РГА ВМФ Ф. 29. Оп. 1. Д. 25. Л. 280.

При этом в 1912 году из 1015 судов с полной вместимостью 827244 т лишь 772 (760 паровые и 12 моторные) имели вместимость более 100 т, которые распределялись по морям России следующим образом: Белое море – 44 паровых судна валовой вместимостью 20344 т и 2 моторных судна вместимостью 240 т, Балтийское море – 134 паровых судна валовой вместимостью 184096 т и одно моторное судно вместимостью 134 т, Черное и Азовское моря – 333 паровых судна валовой вместимостью 382483 т и 2 моторных судна вместимостью 392 т, Каспийское море – 227 паровых судов валовой вместимостью 170424 т и 7 моторных судов вместимостью 17541 т, Тихий океан – 22 паровых судна валовой вместимостью 39153 т.[2] Во-вторых, крайне ограниченные возможности русского торгового флота, его малочисленность и техническая отсталость вынуждали фрахтовать для перевозок иностранные суда. Не случайно, анализируя состояние отечественной морской торговли, Н. А. Шавров в конце прошлого столетия был вынужден констатировать: "Россия выплачивает, за неимением национального торгового флота, ежегодную дань в размере 60–70 миллионов рублей иностранным государствам, опередившим нас в развитии морского могущества и ссужающим нам свои корабли для перевозки русских произведений на иностранные рынки".[3]

Положение дел мало изменилось и в начале XX столетия: при ежегодном грузообороте российских портов примерно в 1350 млн пудов (вывоз 950 млн пудов и привоз 400 млн пудов) на долю отечественного флота приходилось не более 1 млн пудов или около 8%.Столь незначительная доля русского торгового флота во внешнеторговом грузообороте признавалась современниками "тем печальней", что Россия вывозила морем товаров значительно больше, чем сухопутным транспортом, [4] из-за чего страна выплачивала ежегодно иностранным судоходным компаниям одного только фрахта около 125 млн руб. (в среднем 10 коп. за пуд).[5]

[1] РГА ВМФ Ф. 29. Оп. 1. Д. 25. Л. 143.

[2] РГА ВМФ Ф. 29. Оп. 1. Д. 25. Л. 276, 280.

[3] *Шавров Н. А.* О мерах для развития русского торгового мореходства. Кн. 1. М., 1895, с. 5, 6.

[4] Например, в процентном отношении к общему внешнеторговому грузообороту доля морского грузооборота составляла: в экспорте – 76% в 1905 году, 83% в 1911 году, 71% в 1912 году и 79% в 1913 году; в импорте – 58% в 1905 году, 58% в 1911 году, 58% в 1912 году и 64% в 1913 году (*Кандиба Б. Н.* Русское портостроительство в период войны 1914–1918 гг. Л., 1924, с. 2.

[5] РГА ВМФ Ф. 23. Оп. 1. Д. 15. Л. 1. Встречается также цифра в 140–150 млн. руб. (*Воронков А., Кле-*

РАЗВИТИЕ РАДИОСВЯЗИ В ТОРГОВО-ПАССАЖИРСКОМ ФЛОТЕ РОССИИ

Несмотря на широкое применение радиотехники на судах иностранных пароходных компаний в начале XX века, определенной, четко выраженной политики российского правительства в лице Главного управления почт и телеграфов МВД и Отдела торгового мореплавания и портов Министерства торговли и промышленности в деле развития радиосвязи на судах отечественного торгово-пассажирского флота выработано не было. Более того, регламентирующая вопросы устройства и функционирования судовых радиоустановок правовая база России являлась тормозом в деле массового использования радиосвязи в интересах мореплавания.

Правовая регламентация радиосвязи в торгово-пассажирском мореплавании

Основополагающим моментом, способствовавшим выводу Почтово-телеграфного ведомства из затянувшегося выжидания в применении радио для народнохозяйственных целей, явилось вступление в силу международной Радиотелеграфной конвенции, заключенной в Берлине в 1906 году.[1] В связи с этим в 1909 году постановлениями министра внутренних дел вводятся в действие два документа, определяющие порядок "управления, эксплуатации и надзора" за радиотелеграфными установками империи (Положение о радиотелеграфных станциях)[2] и регламентирующие вопросы радиосвязи судов с береговыми станциями и между собой (Правила радиотелеграфной корреспонденции).[3]

В соответствии с международными нормами Правилами радиотелеграфной корреспонденции устанавливались виды телеграмм, разрешенных к обмену в морской радиосвязи: частные телеграммы без ограничений; частные телеграммы с определенными ограничениями (например, для обмена с судами определенной национальности или пароходной компании, для обмена с судами определенной судоходной линии и т. п.); служебной корреспонденции (например, корреспонденции по обмену между судами определенной пароходной компании для соответствующих надобностей); специальные телеграммы (например, официальная, исключительно коммерческая корреспонденция).

Для обслуживания судовых радиостанций и несения радиовахты на судах под российским флагом допускались радиотелеграфисты, имеющие специальное свидетельство, выданное Главным управлением почт и телеграфов. Такое свидетельство должно было удостоверять умение радиотелеграфиста в регулировании аппаратуры, передаче и приему радиограмм на слух со скоростью не менее 20 слов в минуту, а также знание основ организации связи и правил ведения радиообмена. При этом в свидетельстве обязательно отмечалось, что радиотелеграфист обязуется соблюдать тайну корреспонденции.

Что же касается устанавливаемой Правилами радиотелеграфной корреспонденции тарифной платы за передачу корреспонденции в системе морской радиосвязи, то она не лучшим образом существенно отличалась от таковой, установленной национальными законодательствами других государств и рекомендуемой международной Радиотелеграфной конвенцией 1906 года. В противоречие с международными нормами, согласно которых тариф за радиообмен судов с берегом должен исчисляться "на основе справедливого вознаграждения работы телеграфа", Россия установила непомерно высокие тарифы.

ментьев Ю. Морской флот СССР за 50 лет. М., 1974, с. 3).

[1] Собрание узаконений и распоряжений правительства. 20 марта 1909 года, №43, Отдел первый, ст. 371.

[2] Первые радиотелеграфные станции в Почтово-телеграфном ведомстве в России. СПб., 1910, с. 197, 198.

[3] Правила радиотелеграфной корреспонденции. СПб., 1909, 134 с. Данный документ был разработан в Почтово-телеграфном ведомстве на основе служебного Регламента, приложенного к Международной радиотелеграфной конференции, с внесением в него некоторых изменений, касающихся тарифов за передачу и прием радиограмм.

Тарифная плата за передачу корреспонденции в морской радиосвязи, установленная Почтово-телеграфным ведомством России, состояла из таксы, причитающейся в пользу судовых и береговых станций за передачу телеграмм по радиоканалам, а также из таксы за передачу телеграмм по линиям проводной связи. При этом береговая такса, причитающаяся русским береговым станциям, устанавливалась в 23 коп. (60 сантимов) за слово и судовая такса, причитающаяся судам, носящим русский флаг, составляла 15 коп. (40 сантимов) за слово. Плата за передачу телеграмм по русской телеграфной сети, обмениваемых между судами и берегом, исчислялась дифференцированно в соответствии с установленной внутренней пословной таксой для отдельных регионов страны с добавлением установленной платы в 15 коп. за телеграмму следующим образом.

Пословная такса за передачу телеграммы по телеграфной сети России*

Местонахождение отправителя телеграммы	Местоположение береговой радиостанции, осуществляющей радиообмен с судами и передачу радиограммы получателю		
	Европейская Россия	Азиатская Россия	Финляндия
Европейская Россия	5 коп.**	10 коп.**	5 коп.**
Азиатская Россия	10 коп. **	5 коп. **	10 коп.**
Финляндия	5 коп. **	10 коп. **	2,5 коп. **
Манчжурия	17 коп. **	12 коп.**	–

*Правила радиотелеграфной корреспонденции. СПб., 1909, с. 19.

**Помимо указанной пословной таксы отправитель уплачивал специальный сбор в размере 15 коп. за каждую телеграмму.

Таким образом, при передаче сообщения емкостью в 10 слов из Европейской России на судно, находящееся в одном из европейских морей, отправитель должен был уплатить 2 руб. 30 коп. по таксе в пользу береговой радиостанции, 1 руб. 50 коп. в пользу судовой станции, 50 коп. за доставку телеграммы из почтово-телеграфной конторы пункта отправления к телеграфной конторе при соответствующей береговой радиостанции и, наконец, сбор в 15 коп. за оформление телеграммы (подепешная такса), итого 4 руб. 45 коп. Если же телеграмму следовало передать из Европейской России на судно, находящееся на Дальнем Востоке, или же из Азиатской России на судно в одном из европейских морей, отправитель должен был бы за сообщение в 10 слов уплатить уже 4 руб. 95 коп.

Подобная политика Почтово-телеграфного ведомства в интересах развития радиосвязи на судах торгово-пассажирского флота привела к тому, что, во-первых, отечественные судоходные компании не стремились к массовому вооружению своих судов средствами радиосвязи и, во-вторых, из-за высоких размеров российской береговой таксы в 60 сантимов за слово иностранные суда, находясь в территориальных водах России, предпочитали передавать телеграммы через береговые радиостанции других государств, применяющих пониженные тарифы (например, Франция – 40 сантимов, Испания – 45, Италия – 30, Германия – 18, Швеция – 14 сантимов).

В итоге (на примере сложившегося положения на Балтике), устроенные в Риге и на о. Руно радиостанции, призванные обеспечивать, прежде всего, нужды мореплавания, в 1912–1913 годах имели показатель среднемесячного обмена в 2160 и 2017 слов соответственно, а Ревельской и Либавской станций – еще ниже.[1]

В связи с этим правление Русского общества пароходства и торговли, признавая, "что при столь высоком тарифе судовые радиостанции будут обречены на полное бездействие, ...так как к услугам радиотелеграфа пассажиры будут прибегать лишь в исключительных случаях", предлагало в сентябре 1912 года ГУПиТ изыскать возможность "пересмотреть установленный тариф радиотелеграфа и понизить его хотя

[1] РГИА Ф. 1289. Оп. 10. Д. 2800. Л. 398–400.

бы до среднего размера такого же тарифа, установленного иностранными государствами".[1] Это обращение было с пониманием воспринято руководством Почтово-телеграфного ведомства, признавшего, что столь высокие ставки, несомненно, препятствуют развитию радиотелеграфных сообщений, в связи с чем ГУПиТ предполагало приступить к разработке вопроса о "понижении сих ставок, причем наметило необходимость установления береговой радиотелеграфной таксы не свыше 5 копеек за слово". Признавая, что и судовая такса не должна превышать намеченного предела береговой, Главное управление почт и телеграфов просило сообщить мнение правления РОПиТ, какие именно ставки судовой таксы представлялись бы "желательными".[2]

Хотя своего решения в общегосударственном масштабе данная проблема не получила, в отдельных случаях решением министра внутренних дел тарифная плата за передачу радиограмм устанавливалась в значительно меньших размерах от прежней. Например, Временные правила и условия обмена внутренних радиотелеграмм с частными судовыми радиотелеграфными станциями Черного моря через Одесскую военную береговую радиостанцию предусматривали, в частности, бесплатный обмен служебными телеграммами, пословная плата за передачу коммерческих телеграмм составляла 5 коп. в пользу судовой и 5 коп. – береговой станций, 5 коп. – за передачу телеграммы по линиям проволочного телеграфа и постоянной платы в 15 коп. за каждую телеграмму.[3]

Что же касается других организационных вопросов, регламентирующих развитие радиосвязи в торгово-пассажирском мореплавании, то в этом направлении Почтово-телеграфным ведомством было сделано многое. Во-первых, в соответствии со ст. VI Служебного регламента, приложенного к Международной радиотелеграфной конвенции[4] и ст. 23 Правил радиотелеграфной корреспонденции,[5] судовые радиостанции могли быть устраиваемы частными предприятиями на судах, носящих русский флаг, не иначе как с разрешения ГУПиТ и получения на это установленного свидетельства.

Во-вторых, для получения свидетельства на право эксплуатации судовых радиоустановок владельцы судов должны были заблаговременно представить в ГУПиТ технические проекты сооружаемых радиостанций в соответствии с Общими основаниями для составления технических проектов судовых радиотелеграфных станций.[6]

В-третьих, Правилами контроля за радиотелеграфными станциями на частных судах по технической части (1913), являющимися дополнением к Правилам радиотелеграфной корреспонденции[7] и имеющими силу для судов, совершающих рейсы у берегов Российской империи и посещающих ее гавани и порты, устанавливалась периодичность проверки технического состояния радиостанций и освидетельствования радиотелеграфистов как минимум раз в два года (для океанских судов и пароходов при дальности плавания более 4000 миль в целях безопасности пассажиров и личного состава – во время каждой предрейсовой подготовки).

В-четвертых, еще в июле 1908 года под председательством А. Н. Эйлера была образована междуведомственная комиссия для выработки проекта правил, согласно которых морские суда, выходящие из портов России, были бы обязаны иметь на борту радиостанции. Работа названной комиссии началась, однако, лишь 4 июня 1910 года, когда из ее состава была выделена подкомиссия, разработавшая проект указан-

[1] РГИА Ф. 107. Оп. 1. Д. 1931. Л. 150.

[2] РГИА Ф. 107. Оп. 1. Д. 1931. Л. 175. Здесь следует уточнить, что береговая такса поступала в распоряжение Почтово-телеграфного ведомства, судовая же такса перечислялась судоходной компании или судовладельцу.

[3] РГИА Ф. 1289. Оп. 10. Д. 2454. Л. 23, 24, 28.

[4] Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1909 год. № 43.

[5] Правила радиотелеграфной корреспонденции. СПб., 1909, с. 9.

[6] РГИА Ф. 273. Оп. 6. Д. 1857. Л. 280, 281.

[7] РГИА Ф. 1289. Оп. 10. Д. 2454. Л. 29.

ных правил. Решением министра внутренних дел проект правил был внесен на рассмотрение Временного междуведомственного радиотелеграфного совещания.[1]

Последнее предположение ГУПиТ было весьма актуальным, отвечающим международной практике. В июне 1910 года были одобрены Правила о беспроволочных сооружениях на океанских пассажирских пароходах США,[2] в соответствии с которыми с 1 июля 1911 года считалось незаконным для всякого океанского парохода США или другого государства, "...имеющего пассажиров и везущего 50 или более лиц (включая пассажиров и команду), оставлять или пытаться оставить какой бы то ни было порт Соединенных Штатов Америки, если такой пароход не будет снаряжен находящимся в полной исправности для работы производительным аппаратом для радиотелеграфных сношений в заведовании лица, искусного в обращении с такими аппаратами, каковой аппарат должен быть в состоянии подавать и получать известия на расстоянии, по крайней мере, 100 миль, безразлично ночью или днем, под условием, что постановления этого акта не будут относиться к пароходам, курсирующими только между портами, находящимися на расстоянии не более 200 миль друг от друга".[3]

Инициатива США об обязательности оборудования судов радиостанциями могла получить развитие и в других государствах, в том числе и в России. В связи с этим иностранные пароходные компании, суда которых совершали рейсы в российские порты, запросили Министерство иностранных дел "не предполагается ли издать [в России] правила, согласно которым морские суда, выходящие из русских портов, обязаны иметь на борту радиотелеграфные аппараты и будут ли эти правила касаться лишь русских судов или же будут являться обязательными и по отношению к иностранным судам".[4] В связи с этим ГУПиТ 6 июня 1911 года запросило Отдел торговых портов Министерства торговли и промышленности, не представляется ли "в интересах торгового мореплавания полезным и, в утвердительном случае, необходимым издание закона [об обязательном вооружении торговых судов] уже в настоящее время, или же таковой при настоящих обстоятельствах признается несвоевременным".[5]

В ходе обсуждения вопроса о правилах радиосвязи для судов, вошедших в гавани, или имеющих стоянку у берегов Российской империи в совещании при Отделе торгового мореплавания, состоявшемся 24 июня 1911 года, было отмечено следующее.[6]

> "В силу различных причин эксплуатационные расходы русского торгового флота значительно выше, чем расходы флотов иностранных, каковое обстоятельство, сильно стесняя работу русского флота как на отечественном, так в особенности, на иностранных фрахтовых рынках, весьма ограничивает выгодность вложения капиталов в эту отрасль нашей промышленности. В связи с этим технический прогресс нашего торгового флота достигается гораздо медленнее и с большими затруднениями, нежели на Западе. В частности, радиотелеграфирование в настоящее время уже нашло самое широкое распространение в иностранных торговых флотах, тогда как наши арматоры делают теперь лишь первые шаги на пути к использованию сего способа сношений, представляющего столь многочисленные и существенные удобства для мореплавания.
>
> При таких условиях является весьма важным именно теперь поддержать полезную инициативу наших арматоров, по возможности облегчив устройство и применение радиотелеграфных аппаратов на русских судах и тем содействуя уравнению средств нашего флота со средствами его соперников – иностранных коммерческих флотов.
>
> Между тем, введение уже сейчас спроектированных значительных ограничений радиотелеграфной службы торговых судов в гаванях и вблизи берегов империи может удержать представи-

[1] РГИА Ф. 1289. Оп. 10. Д. 1990. Л. 58, 67.

[2] Циркуляр департамента коммерции и работ США № 227 от 27 июля 1910 г. (РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 1768. Л. 122–126).

[3] Кроме того, данным документом впервые устанавливалось требование иметь для судовой радиостанции аварийный источник питания, обеспечивающий 4-часовую работу станции в режиме передачи (РГИА Ф. 28. Оп. 1. Д. 403. Л. 218–223).

[4] РГИА Ф. 1289. Оп. 10. Д. 1990. Л. 16, 17, 18.

[5] РГИА Ф. 1289. Оп. 10. Д. 1990. Л. 22.

[6] РГИА Ф. 95. Оп. 6. Д. 1820. Л. 45–48.

телей отечественной мореходной промышленности от решительных и широких мер к применению в практике их судов полезного нововведения, тем более, что вероятная, вследствие отсутствия пока достаточного опыта, неприспособленность намеченных правил к некоторым условиям службы отечественных судов усилит для них неудобство применения означенных правил. С другой стороны, нельзя не обратить внимания и на то, что ограничений, подобных проектируемым, русские суда не встретят пока в некоторых иностранных государствах, как то явствует, например, из результатов обращения Русского общества пароходства и торговли по сему поводу в правительственные учреждения Греции и Турции.

Ввиду изложенного, совещание, находя, что правильность и беспрепятственность действий береговых станций должна быть в надлежащей степени обеспечены, вместе с тем полагает, что в отношении русских торговых судов в настоящее время представлялось бы желательным принимать меры сказанного обеспечения в форме соответствующего определения условий пользования радиотелеграфом для каждой данной судовой установки, при выдаче разрешения на устройство таковой, причем, конечно, в главных своих основаниях, условия эти могли бы отвечать одному общему уровню требований, признанному в данное время наиболее целесообразным. Что касается практического осуществления регламентации радиотелеграфирования в указанной форме, то таковое не представит ныне особых затруднений, так как применение радиотелеграфирования в нашем флоте едва ли коснется судов мелких, вместимостью меньше 1000 т; судов же, превышающих эту величину, в составе нашего торгового флота к 1 января 1911 года на всех морях имелось только 132 (125 паровых и 7 парусных, последние – на Каспийском море). Всего вероятнее, однако, что в первое, по крайней мере, время учреждениям, выдающим разрешение на устройство радиотелеграфных установок, придется иметь дело лишь с пассажирскими и торгово-пассажирскими пароходами, коих ныне числится на всех морях 58.

В отношении же иностранных судов, которые, конечно, не могут быть освобождены от подчинения известному порядку пользования радиотелеграфом вблизи береговых станций империи, совещание полагает, что по всем сим судам надлежало бы применять одни общие правила, по возможности аналогичные правилам, действующим в западноевропейских государствах по отношению к судам иностранным, причем по существу технических своих требований правила эти могли бы и не расходиться с установленными для русских судов основными условиями".

Выработанный в 1910 году проект правил для судовых радиостанций и материалы совещания при Отделе торговых портов 1911 года послужили основанием для решения Временного междуведомственного радиотелеграфного совещания от 25 июля 1911 года о том, чтобы "...при окончательной редакции указанных правил иметь две основные их части: отдел о радиотелеграфных станциях иностранных судов, посещающих русские порты, и отдел о радиотелеграфных станциях русского торгового флота".[1] В соответствии с этим решением и проводилась вся дальнейшая работа по созданию соответствующей правовой базы развития радиосвязи в интересах торгового мореплавания.

Обсуждение предложений по изданию Правил пользования радиостанциями иностранных судов при нахождении их у берегов или в территориальных водах России заняло без малого 4 года.[2] Первоначально это было вызвано разногласиями между Морским министерством и Министерством иностранных дел относительно термина "территориальные воды", затем Министерства внутренних дел и Министерства юстиции относительно мер ответственности за нарушение проектируемых Правил, а с началом Первой мировой войны сама проблема как бы потеряла свою актуальность. Только лишь 29 февраля 1916 года министром внутренних дел было направлено в Совет министров представление "Об издании Правил пользования иностранными судами радиотелеграфом при нахождении их у берегов или во внутренних водах Российской империи и мерах взыскания за нарушение означенных Правил".[3] После рассмотрения проекта Правил в правительстве было признано: "1) ...ввести в действие проектируемые Правила распоряжением министра внутренних дел на основании ст. 2 Устава почтово-телеграфного и ст. 5 Положения о радиотелеграфных станциях; 2) ...внести в Государственную думу на утверждение меры взыскания за нарушение означенных Правил".[4]

[1] РГИА Ф. 468. Оп. 17, ч. 2. Д. 1862. Л. 133–135.
[2] РГИА Ф. 1405. Оп. 531. Д. 830. Л. 101–103, 112–114, 117–119, 122–124, 127–129, 139–143, 170–173.
[3] РГИА Ф. 1405. Оп. 531. Д. 830. Л. 352–355.
[4] РГИА Ф. 1276. Оп. 12. Д. 958. Л. 18–20.

Несколько иначе решался и получил свое завершение вопрос об обязательности вооружения морских судов российского торгового флота. К началу 1912 года, т. е. к моменту первоначальных обсуждений данного вопроса в различных инстанциях, в России были оборудованы радиостанциями всего лишь 10 пароходов: ледокол "Ермак" (1909) Министерства торговли и промышленности, "Россия" (1908), "Бирма" (1909), "Курск" (1910) и "Литуания" Восточно-Азиатского пароходства, "Великий князь Константин" (1911) и "Цесаревич Георгий" (1911) Русского общества пароходства и торговли, "Сишан" (1912) и "Симферополь" (1911) Добровольного флота и "Петр Великий" (1912) Рижского биржевого комитета.[1]

Произведя анализ состояния радиовооруженности отечественного флота, Отдел торговых портов 2 мара 1912 года доложил в ГУПиТ, что издание специальных правил, обязывающих выходящие из российских портов суда иметь на борту радиостанцию, является "преждевременным, ввиду отсутствия на большинстве русских судов радиотелеграфных станций".[2] При этом отмечалось, что по собранным в Министерстве торговли и промышленности данным, "подобные Правила изданы только в Соединенных Штатах Америки, в государствах же Западной Европы, где радиотелеграф хотя и развит значительно шире, чем в России", аналогичные Правила не изданы, за исключением Испании и Уругвая, где соответствующий закон был внесен на обсуждение в парламент.

После обсуждения мнения Отдела торговых портов в заседании Временного междуведомственного радиотелеграфного совещания 5 марта 1912 года было признано преждевременным издание постановления об обязательном оборудовании судов торгового флота радиостанциями. Не изменила это мнение и трагедия "Титаника" в апреле 1912 года, хотя на некоторое время вопрос об обязательности оборудования судов радиостанциями опять оказался в поле зрения правительственных органов и общественного мнения.

> «Случай с "Титаником, – писала 16 апреля 1912 года газета "Новое время", – заставляет бросить взгляд на наш собственный коммерческий флот и его обеспеченность от несчастий в подобных случаях. Позаботиться же есть о чем: как ни мал наш флот сравнительно с флотами других стран, тем не менее, по абсолютной величине он состоит из 1500 судов и безопасность их плавания должна быть обеспечена. За границей это дело обстоит так: в Германии обязаны иметь станции беспроволочного телеграфа все суда, которые кроме товаров, принимают на борт и пассажиров; в Англии это обязательно для всех судов так называемого резервного флота, т. е. для таких коммерческих судов, которые в военное время поступают в распоряжение военного флота; в США наличие беспроволочного телеграфа требуется от всех пассажирских и товарно-пассажирских пароходов, приписанных к американским портам и т. д. У нас же никакого аналогичного закона до сих пор нет. По данным Бернского международного телеграфного бюро на 15 июля 1911 года из общего числа (кругло) 1600 судовых станций, русских показано только две – на пароходах "Эстония" и "Россия", принадлежащих Восточно-Азиатскому обществу».[3]

Состояние радиовооружения русского торгово-пассажирского флота

Между тем, несмотря на отсутствие соответствующих требований по обязательности радиовооружения торгово-пассажирских судов, ведущие российские судоходные компании с 1912 года приступают к работам по массовому оборудованию пароходов радиостанциями: Русское общество пароходства и торговли,[4] Добровольный флот,[5] Товарищество Архангельско-Мурманского срочного пароходства,[6] Русское общество Восточно-Азиатского пароходства,[7] ледокольный

[1] РГИА Ф. 28. Оп. 1. Д. 403. Л. 228–234; Ф. 95. Оп. 7. Д. 61. Л. 1–34.
[2] РГИА Ф. 1289. Оп. 10. Д. 1990. Л. 69.
[3] Опасно медлить // Новое время. 1912, 16 апреля.
[4] РГИА Ф. 95. Оп. 16. Д. 240. Л. 1–8; Ф. 107. Оп. 1. Д. 1931. Л. 195–202, 226 и др.
[5] РГИА Ф. 95. Оп. 7. Д. 61; Ф. 98. Оп. 4. Д. 88; Ф. 1289. Оп. 10. Д. 2420; Оп. 13. Д. 544.
[6] РГИА Ф. 97. Оп. 1. Д. 186. Л. 1–59.
[7] РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 1795. Л. 129, 130; Д. 1821. Л. 4–45.

флот Министерства торговли и промышленности[1] и др. В итоге, к началу Первой мировой войны русский торговый флот имел значительное количество судовых радиостанций.

Список радиостанций на судах, носящих российский флаг (14 июля 1914 года)*

Судоходная компания	Наименование судов, имеющих радиостанции	Система радиостанций	Всего
Русское общество пароходства и торговли	"Царь Алексей Михайлович", "Царь Михаил Федорович", "Император Петр Великий", "Императрица Екатерина II", "Император Николай I", "Император Александр III", "Император Николай II", "Королева Ольга", "Великий князь Алексей", "Великая княгиня Ксения", "Великий князь Александр Михайлович", "Принцесса Евгения Ольденбургская", "Великий князь Константин", "Цесаревич Алексей Николаевич", "Цесаревич Георгий", "Святой Николай", "Чихачев", "Одесса", "Иерусалим", "Афон", "Тигр", "Евфрат", "Смелый", "Полезный".	Виллиса-Боаса	24
Добровольный флот	"Тамбов", "Киев", "Владимир", "Саратов", "Ярославль", "Тула", "Кишинев", "Нижний Новгород", "Полтава", "Рязань", "Орел", "Симбирск", "Воронеж", "Пенза", "Екатеринослав", "Пермь", "Новгород", "Могилев", "Курск", "Херсон", "Томск", "Тобольск", "Каменец-Подольск", "Эривань", "Вологда", "Иртыш", "Омск", "Сучан", "Тургай", "Астрахань", "Колыма", "Тверь", "Симферополь", "Сишан", "Ставрополь", "Великая княгиня Мария Николаевна".	Телефункен де Фореста РОБТиТ Маркони	29 3 3 1
Русское общество Восточно-Азиатского пароходства	"Митава", Курск", "Россия", "Царь", "Двинск".	де Фореста	5
Ледоколы Министерства торговли и промышленности	"Ермак"	Телефункен	1**
Рижский биржевой комитет	ледокол "Петр Великий"	Телефункен	1
Императорские яхты	"Штандарт", "Полярная звезда", "Нева", "Стрела", "Александрия".	Телефункен	5
Одесское училище торгового мореплавания	"Великая княгиня Ксения Александровна"	РОБТиТ	1
Камчатская администрация	"Адмирал Завойко"	Телефункен	1
Всего			74

*РГИА Ф. 1289. Оп. 10. Д. 2420. Л. 1–103; Оп. 12. Д. 1795. Л. 30, 31, 129, 130; Д. 2802. Л. 15; Оп. 13. Д. 569. Л. 7; Д. 1860. Л. 6, 7; Оп. 13. Д. 544. Л. 1, 9, 10, 22, 23; Д. 569. Л. 7.

**В 1914 году Министерство торговли и промышленности предполагало установить радиостанции на ледоколах "Владимир", "Ледокол I", Ледокол II", "Ледокол III", "Ледокол IV" и "Гайдамак" с дальностью действия в 100 миль. Однако данные радиостанции не предназначались для обмена публичной корреспонденции, а должны были иметь статус специальных, т. е. для обмена корреспонденцией по вопросам правительственным, служебным, а также вопросам, касающимся плавания судов и т. п. Данная мера была продиктована необходимостью отдания приоритета корреспонденции, исходящей с ледокольных судов (РГИА Ф. 95. Оп. 7. Д. 1557. Л. 49).

Хотя вопросами развития радиосвязи в торгово-пассажирском флоте России занимался Отдел торговых портов и мореплавания Министерства торговли и промышленности, Главное управление почт и телеграфов, Междуведомственный радиотелеграфный комитет, согласование отдельных организационно-технических вопросов осуществлялось с Военным и Морским министерствами, единой общегосударствен-

[1] РГИА Ф. 95. Оп. 7. Д. 1557. Л. 1–59; Оп. 18. Д. 186; Ф. 1289. Оп. 10. Д. 2456.

ной политики в данном направления выработать не удалось. Объяснение сложившемуся положению крылось в общей технической политике русского правительства, ориентированной на рынок, в результате чего потребители получали от поставщиков изделия, далеко не отвечающие мировому уровню развития техники, переплачивая при этом зарубежным фирмам и их посредническим предприятиям в России колоссальные средства.[1]

Следует также подчеркнуть, что до середины 1914 года в России радиостанции общего пользования занимали второстепенное, в определенной степени подчиненное положение, по отношению к радиоустановкам оборонных ведомств, что ограничивало радиообмен гражданских судов как с береговыми станциями, так и между собой.[2] Негативно сказывалось на эффективности развития радиосвязи в гражданском флоте России отсутствие отлаженной системы подготовки радиотелеграфистов; в силу чего, например, судовые радиостанции отдельных пароходных компаний находились в заведовании исключительно радистов-иностранцев.[3] В итоге содержание двух российских радиотелеграфистов на ледоколе "Ермак" обходилось в 1536 руб. в год, общее содержание радиостанции с русским радиотелеграфистом – 1500 руб., а содержание станции на пароходах Русского Восточно-Азиатского пароходства, обслуживаемой радистом-иностранцем, – 2600 руб. в год.[4]

Ратифицировав Радиотелеграфную конвенцию 1906 года и взяв на себя определенные обязательства по обеспечению безопасности судоходства, правительство не разработало всего комплекса мер по фактическому выполнению этих обязательств. Так, соорудив на побережье береговые станции, вооружив часть судов торгового флота радиоустановками и разработав основы организации морской радиосвязи, правительство абсолютно не коснулось совершенствования организации аварийно-спасательной службы, в связи с чем встал вопрос кому должна береговая станция направлять радиограммы о бедствии судов у берегов России.

Согласно действовавшим постановлениям, оказание помощи гибнущим судам возлагалось на местную полицию, чинов Отдельного корпуса пограничной стражи и начальников торговых портов. Исходя из сложившейся организации производства аварийно-спасательных работ, был установлен порядок, согласно которому радиограммы о бедствии должны направляться во все перечисленные структуры, а также ближайшей спасательной станции Общества спасения на водах.[5]

В 1914 году в связи с вводом в действие документов Лондонской международной радиотелеграфной конференции (1912), в Почтово-телеграфном ведомстве на основе приобретенного опыта были переработаны и руководящие документы по морской связи. В дополнение к существовавшим Правилам радиотелеграфной корреспонденции 1909 года[6] были изданы Постановления и правила по радиотелеграфной части.[7] На основе этих документов, а также указаний штабов военных округов и флотов, ка-

[1]Например, стоимость радиостанции системы Виллиса-Боаса обходилась РОПиТ в 2500 руб., в то время как другие пароходные компании уплачивали фирме "Телефункен" за станцию мощностью 2,5 кВт 8750 руб., "Маркони" – за станцию мощностью 1,5 кВт с установкой на судне в Англии 750 фунтов стерлингов (кроме того, фирма обязывалась за 250 фунтов стерлингов в год обеспечивать эксплуатацию станции своим радиотелеграфистом и ее техническое обслуживание при условии отчислений в пользу Маркони поступлений от частных радиограмм в размере 100 фунтов стерлингов и 50% сумм, превышающих названную сумму), фирма Айзенштейна – 5500 руб. за станцию мощностью 3 кВт (РГИА Ф. 97. Оп. 1. Д. 186. Л. 1, 55–58; Ф. 107. Оп. 1. Д. 1931. Л. 4, 8, 10–11, 97, 98).

[2] РГА ВМФ Ф. 418. Оп. 1. Д. 147. Л. 1; Ф. 609. Оп. 3. Д. 609; Ф. 610. Оп. 1. Д. 82,

[3] РГИА Ф. 1289. Оп. 10. Д. 1019. Л. 1–18; Оп. 12. Д. 1821. Л. 4, 23, 28, 39, 40, 42, 45.

[4] Очерк развития радиотелеграфных сообщений в России и за границей. СПб., 1913, с. 28.

[5] РГИА Ф. 95. Оп. 6. Д. 1821. Л. 185.

[6] Правила радиотелеграфной корреспонденции. СПб., 1909, 134 с.

[7] Постановления и правила по радиотелеграфной части. СПб., 1914, 52 с.

ждая судоходная компания издавала свои документы, определяющие организацию оперативно-технической службы судовых радиостанций. Вот, например, как были определены данные вопросы на пароходах Русского общества пароходства и торговли, изданные еще в 1913 году.[1]

Господину капитану парохода Общества.

Главная контора Общества, извещая Вас об открытии обмена частной платной корреспонденции радиостанциями пароходов Общества Александрийской линии с 15 марта, а Крымско-Кавказской линии с 10 апреля сего 1913 г., настоящим сообщает для руководства и надлежащего исполнения господину радиотелеграфисту вверенного Вам парохода следующее:

1) Радиостанции на судах Общества зарегистрированы "общего пользования без ограничений".

2) Обслуживание этих радиостанций должно производиться, строго придерживаясь ст. 48 и 63 "Правил радиотелеграфной корреспонденции", в обеспечение чего от господ радиотелеграфистов отбирается установленная Главным управлением почт и телеграфов подписка.

3) Обязательное во время рейса открытие действия радиостанции следующее: от 2 до 4 час., от 12 до 14 час. и от 18 до 20 час., а в экстренных случаях подача депеш с судна может быть производима во всякое время.

4) Порядок очереди подачи депеш должен быть следующим: а) первая очередь (PRW) – правительственные радиотелеграммы (согласно ст. 9 Правил радиотелеграфной корреспонденции); б) вторая очередь (SG) – депеши корреспондентские; в) третья очередь (SO и SR) – служебные и общественные депеши; четвертая очередь (S) – частные радиотелеграммы.

5) Такса, взимаемая в пользу судовой радиостанции за переданное и принятое слово следующая: а) при обмене радиотелеграмм с русской береговой или судовой радиостанцией 5 коп.; б) при обмене радиотелеграмм с иностранной судовой или береговой радиостанцией 15 коп. (40 сантимов); в) плюс такса за слово в пользу береговой или судовой корреспондирующей с Вами радиостанции по тарифу, указанному последней.

6) Передача радиотелеграмм шифрованных или на секретном языке (за исключением правительственных радиотелеграмм) запрещена.

7) Со дня установки русских береговых станций общего пользования передачу радиотелеграмм на берег с судовых радиостанций Общества в Россию и другие европейские государства (если подателем не будет оговорена береговая радиостанция, через которую надлежит передать его депешу) безусловно, желательно направлять все частные депеши через вышеупомянутые русские береговые радиостанции.

8) В случае, если подаваемая радиотелеграмма по содержанию затрагивает плавание парохода, описывает случай на судне или с судном, или агитационного характера, то таковую телеграмму, если будет подана Вам вне часов дежурства, необходимо предъявить лично, а если будет подана в часы дежурства, то препроводить в запечатанном конверте к капитану для выяснения, может ли быть допустима передача посланных на просмотр депеш без ущерба интересам Общества. В случае если такая депеша не может быть допустима к передаче господином капитаном, то надлежит немедленно известить об этом подателя с объяснением причин. Передача платных депеш частного личного характера абсолютно не должна быть стесняема.

9) Господину капитану по мотивам, выше приведенным, предоставляется право просмотра всех обмениваемых депеш. В обеспечение же сохранения тайны корреспонденции, от господина капитана также взята установленная Главным управлением почт и телеграфов подписка.

10) Плата, взимаемая Вами за депеши, должна быть проставлена как на подаваемом бланке (для контроля таксировки), так и внесена в квитанционную книжку по соответствующим рубрикам.

11) Надлежит ежемесячно препровождать ведомости обмена радиотелеграмм, в двух экземплярах каждую, – один экземпляр с бланками через Радиотелеграфный отдел [РОПиТ] для Управления почтово-телеграфного округа, а второй экземпляр ведомостей, без телеграфных бланков, в счетную часть главной конторы для производства расчетов с Почтово-телеграфным ведомством, а также препровождать ежемесячно с ведомостью в счетную часть главной конторы квитанционную книжку для сличения и сдачи полученных сумм.

Примечание. Деньги, полученные Вами за переданные радиотелеграммы, сдавать на хранение в судовую кассу.

Служебная часть

12) Позывной сигнал вашей радиостанции, согласно извещения Международного бюро в Берне, "...".

13) В случае подачи какой-либо береговой или судовой станцией сигнала "ROR" вменяю в обязанность Вам немедленно прекратить работу; сигнал этот подается в исключительных случаях

[1] Циркуляр правления Русского общества пароходства и торговли. № 2223–А. Одесса, 27 мая 1913 г. (РГИА Ф. 107. Оп. 1. Д. 1931. Л. 230–233).

при подаче правительственной или общественной срочной депеши; за пользование этим сигналом в других случаях виновный будет подвергаться взысканию.

14) Общий позывной сигнал наших пароходов "ROP".

15) При вызовах и передачах депеш строго придерживаться как правил и порядка, указанного в "Правилах радиотелеграфной корреспонденции", так и прилагаемого при сем списка сигналов, применяемых при обмене радиотелеграфной корреспонденции.

16) Во время работы радиотелеграфа в телеграфной рубке, во избежание могущих быть несчастных случаев, посторонних лиц не должно быть.

17) Уход за аппаратами радиостанции, содержание их в должном порядке и чистоте, возлагается на Вас, но о малейшей их неисправности вменяю Вам в обязанность немедленно мне телеграфировать.

18) Допущение лиц для снятия чертежей или срисовывания приборов и схем, а также вскрытие приборов для осмотра посторонними лицами строго запрещается.

19) Допущение пассажиров и посторонней публики для осмотра станции допускается каждый раз с разрешения капитана парохода, при условии применения к ним пунктов 16 и 18.

Директор А. Тимрот
И. д. заведующего радиотелеграфом И. Виллис

Роль радиосвязи в деятельности торгово-пассажирского мореплавания

Оценивая роль радиосвязи в деятельности торгово-пассажирского мореплавания России, обратимся к словам представителя Министерства торговли и промышленности в Междуведомственном радиотелеграфном комитете, лейтенанта запаса Н. Н. Нордмана.[1]

«Необходимость применения радиотелеграфа учреждениями, находящимися в ведении Министерства торговли и промышленности, обусловливается тем значением, которое имеют сношения по беспроволочному телеграфу для морского промысла вообще и обеспечения безопасности плавания в частности.

В области морского промысла введение радиотелеграфа в значительной степени облегчает задачу правильной организации означенного промысла в смысле приспособления его к постоянно изменяющимся условиям торгового оборота. Предприятия, суда которых снабжены станциями радиотелеграфа, имеют возможность не только постоянно следить за положением своих судов, но и передавать им все необходимые сведения и распоряжения и после того, как суда эти уже вышли в море. Таким образом, морские торговые суда, имеющие беспроволочный телеграф, являются, несомненно, более совершенным орудием морской торговли по сравнению с судами, таковыми аппаратами не снабженными.

Что касается безопасности плавания, то ее радиотелеграф обеспечивает двояко: во-первых, он дает возможность судам, находящимся в море, получать с берега имеющиеся там сведения касательно условий плавания (состоянии погоды и т. п.) и, во-вторых, он позволяет потерпевшим аварию морским судам своевременно извещать об этом другие суда или спасательные станции, дабы получить от них необходимую помощь».[2]

Морская радиосвязь в годы войны

С началом Первой мировой войны в соответствии с указанием военных властей была прекращена деятельность всех радиостанций, не входящих в номенклатуру оборонных ведомств, в том числе и судовых станций торгово-пассажирского флота. В соответствии с директивой Морского генерального штаба министр торговли и промышленности 17 июля 1914 года распорядился "прекратить движение частных телеграмм на всех коммерческих судах, на которых имеются установленные радиотелеграфные аппараты".[3]

---

[1] *Нордман Н. Н.* Радиотелеграфные станции Министерства торговли и промышленности. – В кн.: Очерк развития радиотелеграфных сообщений в России и за границей. СПб., 1913, с. 25–28.

[2] К данному следовало бы также добавить мнение доктора Когана, участвовавшего на шхуне "Герта" в 1915 году в экспедиции по поиску лейтенанта Г. Л. Брусилова. Говоря о плавании шхуны в Арктике, автор отмечает, что "в условиях подобных плаваний радиотелеграф, кроме несомненного морального значения для личного состава, оторванного на несколько месяцев от всего общества, может иметь и большое практическое значение, примером чего может служить организация помощи экспедиции Вилькинцкого во время вынужденной ее зимовки у м. Челюскина" (*Доктор Коган*. Плавание экспедиционного судна "Герта" для поисков лейтенанта Брусилова и его спутников в 1915 г. (предварительный отчет) // Записки по гидрографии. 1916, том XL, вып. 1, с. 129–170).

[3] РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 1860. Л. 2, 12

Взгляды на развитие морской радиосвязи в послевоенные годы

Аналогичные меры были предприняты также и к иностранным судам, находящимся в территориальных водах России – по требованию командующих Балтийским и Черноморским флотами им запрещалось работать судовыми радиостанциями, для чего предписывалось "радиотелеграфные аппараты опечатать".[1]

В 1914–1917 годах парк радиоаппаратуры на судах торгово-пассажирского флота существенно расширился, так как значительная часть пароходов с объявлением мобилизации поступила в состав вспомогательного транспортного флота.[2] Война, со всей очевидностью продемонстрировавшая роль радиосвязи в морских перевозках, вместе с тем поставила ряд первостепенных проблем, от решения которых во многом зависела безопасность судоходства в послевоенные годы.

В связи с этим 18 мая 1917 года правление РОПиТ обратилось в Министерство почт и телеграфов с запросом, в котором ставился вопрос о предполагаемой деятельности министерства, "не терпящей отлагательства", по обеспечению "безопасности плавания пароходов, перевозящих пассажиров после войны".[3] Для разрешения данного вопроса в первую очередь признавалось необходимым в законодательном порядке определить: "1) обязательно ли судам, перевозящих пассажиров, иметь радиотелеграф; 2) обязательно ли во время плавания этих судов нести непрерывную службу по радиотелеграфу на случай вызова бедствующего судна; 3) минимальное число радиотелеграфистов на судне в зависимости от условий плавания судна; 4) порядок подготовки судовых радиотелеграфистов, отвечающих действительному своему назначению".

Спустя 1,5 месяца, 8 июля 1917 года, в Министерство торговли и промышленности и Министерство почт и телеграфов поступили заявления Бюро по организации Всероссийского съезда моряков торгового флота за подписью председателя Оргбюро А. Яковлева и председателя секции по радиотелеграфу И. Виллиса, "ввиду опасностей, с которыми будет сопряжено плавание коммерческих судов в ближайшее время по окончании войны, теперь же разработать закон об обязательности установки радиотелеграфных станций на некоторых категориях судов".[4] Одновременно в Междуведомственный радиотелеграфный комитет поступила резолюция Всероссийского съезда моряков торгового флота, где данный вопрос был изложен более конкретно.[5]

Резолюция Всероссийского съезда моряков торгового флота
20 июля 1917 г. № 43

В обеспечение безопасности плавания и охраны жизни как моряков, так и пассажиров, Всероссийский съезд моряков считает обязательно необходимым обязать в законодательном порядке к концу войны:

1. На судах I и II категории, независимо от их тоннажа, иметь радиостанции.

Примечание: Суда, плавающие в водах Белого моря и Ледовитого океана ввиду особых условий плавания, относить к V категории.

2. На судах V категории, как дальнего плавания, иметь радиостанции.

3. На судах VI категории,... переход которых из порта в конечный порт [длится] более суток и экипаж которых [составляет] более 20 человек, необходимо также иметь радиостанции.

4. Независимо от вышеприведенной категории судов... является, безусловно, необходимым иметь радиостанции на ледоколах как спасательных судах.

На основании опыта считаем необходимым для несения службы по радиотелеграфу на судах I и II категорий допускать телеграфистов со свидетельством I разряда, что [же] касается судов V и VI категорий и спасательных судов, то на этих судах возможно допустить для обслуживания радиостанций радиотелеграфистов со свидетельством II разряда.

Исходя из обеспечения безопасности плавания полагаем необходимым постановить, что служба по радиотелеграфу во время плавания на судах I, II и V категорий и на спасательных судах

[1] РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 1860. Л. 32.
[2] РГИА Ф. 107. Оп. 1. Д. 1931. Л. 269.
[3] РГИА Ф. 95. Оп. 7. Д. 3004. Л. 3.
[4] РГИА Ф. 95. Оп. 7. Д. 3004. Л. 4, 5,
[5] РГИА Ф. 95. Оп. 7. Д. 3004. Л. 12, 13.

должна быть непрерывна на случай вызова бедствующего судна, что же касается судов VI категории, то на этих судах предоставить владельцам право устанавливать время работы радиостанций на условиях, предусмотренных [Лондонской] международной конвенцией.

Независимо от популярных лекций по радиотелеграфу, читаемых в мореходных школах, считаем крайне необходимым в интересах постановки личного состава на должную высоту, организовать и открыть специальные курсы для подготовки судовых радиотелеграфистов, знающих английский язык и совмещающих в себе техника-надсмотрщика вверенной ему дорогой радиостанции, и лица, умеющего ориентироваться в расчетах и таксировках депеш и вести свою отчетность.

Что же касается вопроса о технической возможности осуществить к началу мирного времени плавания радиотелеграфные установки на судах, то мы полагаем, что пароходные предприятия могли бы на первое время просить, как Морское министерство, не снимать с судов установленных радиостанций при переходе судов на мирное плавание, а также просить Военное ведомство передать им для установки на судах для обеспечения безопасности плавания по окончании войны необходимое количество передвижных полевых радиостанций.[1]

Подписали: товарищ председателя Съезда Бобчинский
Секретарь Зыков

Письмо Бюро по организации Съезда моряков торгового флота 17 июля было рассмотрено на заседании Междуведомственного радиотелеграфного комитета, который постановил образовать особое совещание с привлечением к участию в нем постоянных членов МРК и представителей "заинтересованных ведомств и общественных организаций".[2] Названное совещание в заседании 24 июля, обсудив оглашенную резолюцию Съезда моряков относительно установки радиостанций на судах для обеспечения безопасности мореплавания и со своей стороны вполне присоединяясь к пожеланию Съезда о немедленном осуществлении означенных мероприятий, признало "необходимым продолжить обсуждение настоящего вопроса в совещании при Отделе торгового мореплавания с участием представителей заинтересованных ведомств, сведущих лиц и общественных организаций в целях немедленного проведения в жизнь намеченных Съездом моряков мер и дополнения Лондонской конвенции правилами относительно установки судовых радиостанций, касающихся судов каботажного плавания".[3]

При докладе результатов работы совещания при МРК от 24 июля министр торговли и промышленности разрешил 6 сентября образовать при Отделе торгового мореплавания Особое совещание по вопросу об установке радиостанций на торговых судах. Председателем совещания был назначен член Технического совета Министерства торговли и промышленности Р. М. Ловягин; от ведомств и организаций представителями в совещание были включены Я. Я. Линтер (от Междуведомственного радиотелеграфного комитета), Н. В. Москалев (от Главного военно-технического управления), К. Ф. Престин (от Главного управления кораблестроения), И. Р. Виллис (от правления РОПиТ), А. И. Патрикеев и М. О. Шамет (от Совета съездов судовладельцев), В. О. Дрейч (от правления Добровольного флота), Н. Е. Путов (от правления Русского регистра), И. А. Сергеев (от Центрального комитета Всероссийского съезда моряков), А. В. Сабанин (от Министерства иностранных дел) и Г. Д. Павлов (от Управления внутренних водных путей). Первое заседание совещания было назначено на 20 сентября 1917 года,[4] однако работа его не состоялась. Таким образом, вопрос об издании в России закона об обязательности установки радиостанций на судах, носящих русский флаг, до октября 1917 года своего разрешения так и не получил.

---

[1] Относительно последнего пункта резолюции Съезда Морской генеральный штаб сообщил мнение помощника морского министра: "Признавая, что вопрос о радиотелеграфе на коммерческих судах имеет огромное значение и особенно в первые годы после войны, когда плавание будет особо опасным из-за плавучих мин и минных заграждений, предлагаю обсудить вопрос о передаче радиостанций, установленных на транспортах, их владельцам с сохранением интересов казны и войти в сношение с Министерством торговли и промышленности об организации обязательной радиотелеграфной службы на коммерческих судах хотя бы на некоторый период после войны" (РГИА Ф. 95. Оп. 7. Д. 3004. Л. 11).

[2] РГИА Ф. 190. Оп. 8. Д. 512. Л. 36; Ф. 273. Оп. 6. Д. 1860. Л. 215.

[3] РГИА Ф. 95. Оп. 7. Д. 3004. Л. 8, 9.

[4] РГИА Ф. 95. Оп. 7. Д. 3004. Л. 14–16.

Заслуживает быть отмеченным то обстоятельство, что устройство радиотелеграфа в тех отдаленных местностях, о которых имелось лишь смутное представление, значительно способствовало оживлению всей близлежащей округи и вокруг радиостанций, построенных одиноко в тундре, зарождается через год-два поселок, начиналась торговля, открывались школы для туземцев, селились у станции миссионеры и вообще зарождались первые признаки культурной жизни...

Из справки Главного управления почт и телеграфов

9
РОЛЬ РАДИО В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РОССИИ

Великие социальные и военные потрясения, которые произошли за сравнительно небольшой период российской истории – с конца XIX века по 1917 год, – оказали огромное воздействие на культурное развитие страны, и в этом состояла первая его особенность. Другая особенность заключалась в том, что в начале XX века усилилась интеграция русской культуры в общемировую: с одной стороны, в России находили широкое применение новинки научно-технического прогресса (телефон, телеграф, радио, автомобиль, летательные аппараты), достижения точных наук, получили распространение в литературе и искусстве различные стилевые направления, а с другой – общемировая культура существенно обогатилась достижениями русской науки, литературы и искусства. Русская культура, не теряя своего национального характера, все более превращалась в органическую составную часть общемировой культуры. Резко возросли научные, литературные и художественные связи России с другими странами.

Особенностью рассматриваемого периода отечественной истории являлось также то, что достигнутый уровень производительных сил России того времени не соответствовал необыкновенному скачку в развитии ее науки. Естествознание ушло далеко вперед по сравнению с развитием страны. Множеству революционизирующих открытий научно-технического характера не находилось применения в собственной стране: они либо целиком уплывали за границу, либо целыми десятилетиями оставались под спудом.

Вопросы истории русской культуры начала XX века следует рассматривать через призму совершавшегося перехода от аграрного к индустриальному обществу. Экономика все в большей степени предъявляла спрос на относительно образованного работника. Это обусловило определенный рост грамотности и увеличение различных видов учебных заведений.

РАДИОСТАНЦИИ НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Потребности промышленности, транспорта, связи способствовали успешному развитию в России естественных наук, росту их прикладного значения и, как следствие, дальнейшему распространению сети специальных средних и высших технических учебных заведений. Специфика научной деятельности в России на рубеже XIX – XX веков состояла в том, что основные исследования велись на кафедрах университетов и высших технических школ, а также в рамках научных обществ, порядок организации и регистрации которых был существенно упрощен после реформ 1861 года. На рубеже веков в России формирование системы научных обществ (Русское географическое общество, Русское физико-химическое общество, Русское техническое общество и др.) в целом завершилось. Но деятельность их требовала координации действий. Император-

ская Академия наук была очень малочисленной и поэтому не могла осуществлять эту работу – назрела потребность создания научно-исследовательских институтов.[1]

Зарождение в Росси технических наук, необходимых для разработки технических средств, было обусловлено двумя встречными процессами. Во-первых, использованием естественнонаучных законов, теорий и отдельных данных при изучении технических объектов, применением методов научного познания. Во-вторых, стремлением включить новые технические знания в программы подготовки специалистов, призванных обеспечить эффективное использование техники данной отрасли, а также обобщение отдельных наблюдений и фактов технико-производительного характера, и, прежде всего, опыта создания технических средств.

Радиостанция Института инженеров путей сообщения

Исторически первым учебным заведением России, в лабораторном оборудовании которого появилась радиотехника, является Институт инженеров путей сообщения в Санкт-Петербурге. Во время Русско-японской войны в 1904 году по инициативе министра путей сообщения князя М. И. Хилкова для нужд железнодорожной переправы через о. Байкал были устроены две береговые станции. Тогда же была заказана третья станция для установки на ледоколе с целью поддержания связи с берегом во время рейсов по озеру. Однако эта станция не была установлена на судне, а в 1905 году передана во временное пользование Института инженеров путей сообщения.[2]

Радиостанция была приобретена у фирмы "Телефункен" за 4005 руб. 9 коп., имела мощность 0,5 кВт и с самого начала ее работы служила как для учебных занятий студентов института, так и для научных исследований в электротехнической лаборатории. Со временем, учитывая ее предназначение, станция была дооборудована рядом приспособлений: волномерами, катушками с переменной индукцией и т. п.; вместо аккумуляторов для питания использовался генератор переменного тока. Станция постоянно поддерживалась в работоспособном состоянии и периодически производила учебные сеансы связи с радиотелеграфной станцией Электротехнического института.[3]

Радиостанция физического кабинета Академии наук

Вторая радиостанция, предназначенная для научных целей, была установлена в 1908 году в физическом кабинете Академии наук. В письме Академии наук в Департамент общих дел Министерства внутренних дел от 12 июня 1908 года испрашивалось разрешение "на производство физическим кабинетом исследований в области электромагнитных колебаний и применения их к радиотелеграфии и радиотелефонии".[4] При этом подчеркивалось, что исследования будут касаться главным образом измерительных методов, причем, во избежание помех практическим радиостанциям, проектируемая установка при опытах, требующих излучения полной мощности передатчика, будет работать в интервале времени от 21 до 23 часов.

При докладе ходатайства Академии наук министру внутренних дел П. А. Столыпин 25 июня разрешил устройство радиостанции.

Радиостанция Электротехнического института

Третья радиостанция, используемая преимущественно в целях подготовки инженеров-электриков, была оборудована в Электротехническом институте императора Александра III. Учебное заведение, в стенах которого готовились также специалисты по радиотехнике, подчиненное непосредственно Почтово-телеграфному ведомству, смогло устроить учебную станцию в качестве "самостоятельного учебно-вспомогательного учреждения" из пожертвованных приборов. Когда же руководство

[1] См. *Соболева Е. В.* Наука и ученые в пореформенной России. Дис. ...д. и. н. Л., 1985, с. 240–245.

[2] РГИА Ф. 273. Оп. 6. Д. 343. Л. 115–135.

[3] *Глущенко А. А.* Первые радиотелеграфные станции Министерства путей сообщения России. – В кн.: Наука и техника: вопросы истории и теории. СПб., 1977, с. 131.

[4] РГИА Ф. 1289. Оп. 9. Д. 1152. Л. 2.

института запросило средства на замену устаревшего оборудования, ГУПиТ вначале поддержало эту инициативу, однако вскоре в корне изменило свою позицию, предположив вместо учебной радиостанции соорудить практическую. Иначе как странной и близорукой подобную "заботу" Главного управления почт и телеграфов о подготовке кадров радиотехнического профиля, в которых так нуждалась страна, назвать нельзя.

В июне 1911 года на имя начальника Главного управление почт и телеграфов поступила докладная записка директора Электротехнического института П. Д. Войнаровского следующего содержания.[1]

> «Учебная станция беспроволочного телеграфа, или радиотелеграфная лаборатория Электротехнического института возникла уже после окончательной организации других лабораторий, на которые были отпущены особые кредиты, и оборудование ее производилось частью из кредитов, отпускавшихся на содержание телеграфной и телефонной лабораторий, частью из небольших ассигнований из остатков от специальных средств Электротехнического института. Большую помощь радиотелеграфной лаборатории оказали приборы, пожертвованные акционерным обществом Русских электротехнических заводов "Сименс и Гальске" и предоставленные Главным управлением почт и телеграфов. При быстром развитии техники радиотелеграфных сообщений, в современном состоянии радиотелеграфная лаборатория совершенно не отвечает потребностям преподавания специального курса беспроволочного телеграфа и требует пополнения новейшими единственно применяемыми в широких размерах в России и за границей приборами станций с "музыкальной" или "звучащей" искрой. Настоятельно необходимо также установить железную мачту высотой 60–74 метров в парке Министерства внутренних дел и устроить излучающую сеть проводов.
>
> На все означенные устройства согласно составленной по сношению с фирмами смете потребуется расход в сумме 22000 рублей.
>
> Ввиду важного государственного значения правильной научной постановки преподавания радиотелеграфии в институте, Совет института постановил просить Ваше превосходительство о возбуждении перед министром внутренних дел ходатайства об отводе в распоряжение института места в парке министерства, прилегающем к зданию института для установки железной мачты для радиотелеграфной сети и об отпуске 22000 рублей на устройство названной мачты и сети и оборудование учебной радиотелеграфной станции новейшими системами аппаратов и приборов со "звучащей" искрой, применяемыми на государственных станциях радиотелеграфии в России и за границей».

Доводы П. Д. Войнаровского были учтены руководством ГУПиТ, что нашло отражение в докладе М. П. Севастьянова министру внутренних дел от 14 июля 1911 года. Отмечая, что уже первые опыты по строительству радиостанций в Петропавловске-на-Камчатке и Николаевске-на-Амуре вызвали чрезвычайные затруднения в правильной постановке радиосвязи в стране из-за отсутствия в Почтово-телеграфном ведомстве специалистов, на которых возможно было бы возложить как первоначальное устройство станций, так и дальнейшее их обслуживание, начальник ГУПиТ признал "в целях подготовки специалистов по радиотелеграфу как для правильной постановки этого дела в ведомстве, так и для устранения зависимости от фирм при предстоящем сооружении новых станций" крайнюю необходимость скорейшего сооружения новой учебной радиостанции, оборудованной всеми новейшими приборами. При этом признавалось наиболее целесообразным устроить ее в Санкт-Петербурге с размещением в здании Электротехнического института.

Согласно предварительным расчетам сооружение такой станции мощностью 1,5 кВт не должно превысить 22000 руб. Так как во время доклада выяснилась необходимость создания специальной учебной радиолинии, было решено устроить еще одну радиостанцию подвижного типа в окрестностях Санкт-Петербурга, в результате чего на устройство двух станций было разрешено запросить 30000 руб.[2]

---

[1] РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 1771. Л. 10. На оборудование станции беспроволочного телеграфа в институте удалось выделить около 2500 руб., отпущенных на приобретение приборов, машин и учебных пособий. К 1911 году лаборатория располагала двумя радиостанциями: Попова-Дюкрете образца 1902 года, вышедшей из практического использования более пяти лет назад, а также системы "Телефункен" образца 1904 года, замена которой на практических установках была произведена три года назад.

[2] РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 1771. Л. 11–17.

Получив разрешение на финансирование устройства учебных радиостанций, руководство ГУПиТ решило несколько изменить их первоначальное предназначение. Устраиваемая стационарная станция, по мнению руководства Почтово-телеграфного ведомства, должна была, при соответствующем увеличении ее мощности, обеспечить связь столицы с правительственными станциями в Ревеле и Архангельске, и "по мере возможности, могла служить и для учебных целей по подготовке инженеров к службе на радиотелеграфных станциях".[1]

На запросы в АО Русских электротехнических заводов "Сименс и Гальске" и Русское общество беспроволочных телеграфов и телефонов фирмы высказались за устройство станции мощностью 5 кВт и заявили следующие цены на аппаратуру и оборудование для нее. АО Русских электротехнических заводов "Сименс и Гальске", "желая облегчить задачу ознакомления с радиотелеграфом и содействовать подготовке специалистов в этой области", предложило безвозмездно для проектируемой радиостанции передатчик и приемник стоимостью в 15000 руб., а на недостающие приборы заявило цену в 5038 руб. 60 коп. и 5425 руб. за мачту, т. е. всего 10463 руб. 60 коп. Русское общество беспроволочных телеграфов и телефонов за полную станцию с железной мачтой заявило цену 28950 руб. Отдавая предпочтение проекту АО Русских электротехнических заводов, ГУПиТ передало заказ на недостающие приборы этому предприятию.[2]

Первоначально VII отделение ГУПиТ признавало несовместимым использование пожертвованных АО Русских электротехнических заводов "Сименс и Гальске" приборов, так как проектируемая станция предназначалась не только для учебных целей, "но главным образом для осуществления ведомственных задач по устройству сети радиотелеграфных станций".

В связи с этим предлагалось пожертвованные для учебных целей приборы передать непосредственно в Электротехнический институт; относительно же приборов и машин для проектируемой радиостанции надлежало назначить конкурс между фирмами. При этом предполагалось вынести радиостанцию из здания Электротехнического института и разместить ее на участке земли, непосредственно примыкающем к усадьбе института и принадлежащем Министерству внутренних дел. Таким образом, вопрос о создании в институте отдельной радиотелеграфной лаборатории с оборудованием ее приборами новейшей системы все больше переводился в плоскость создания радиостанции общего пользования за счет средств, отпущенных Электротехническому институту.

После того, как в сентябре 1912 года Департамент общих дел Министерства внутренних дел разрешил использовать просимый под радиостанцию земельный участок, ГУПиТ столкнулось с недостатком средств, потребных на реализацию проекта. Согласно сметы на ее устройство теперь требовалось, без учета стоимости радиотехнического оборудования, 61731 руб. 60 коп. (здание – 39000 руб. и электромеханическое оборудование – 22731 руб. 60 коп.).

В сложившейся ситуации первоначально было решено использовать для оборудования проектируемой станции приборы с радиостанции телеграфных курсов Почтово-телеграфного ведомства, а затем – пожертвованные Электротехническому институту. Однако ни одно из предположений реализовано не было: приборы учебной радиостанции телеграфных курсов не соответствовали техническим условиям на новую станцию, а аппаратура, приготовленная для Электротехнического института на заводе АО Русских электротехнических заводов "Сименс и Гальске", по просьбе правления Общества была обращена на удовлетворение военного заказа.[3]

[1] РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 1771. Л. 21.

[2] РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 1834. Л. 22, 23.

[3] Правда, АО Русских электротехнических заводов заверило при этом Почтово-телеграфное ведомство и Электротехнический институт, что оно "обязуется немедленно приступить к изготовлению для Электротехнического института станции такого же типа, но со всеми конструктивными усовершенствованиями,

Почтово-телеграфное ведомство при сложившихся обстоятельствах было вынуждено "заказать недостающие приборы одной из радиотелеграфных фирм в распоряжение Главного управления почт и телеграфов и тем самым освободить радиостанцию, предназначенную для общего пользования, от обязательств со стороны института". При этом отмечалось, что подобная постановка вопроса не устраняет возможности пользоваться радиостанцией для подготовки специалистов по радиотелеграфу, но "сама радиостанция, как учреждение регулярного общего пользования, в таком случае должна перейти в ближайшее ведение Почтово-телеграфного ведомства".[1]

Смена руководства ГУПиТ и Технического отделения[2] не лучшим образом сказались на дальнейшей деятельности Почтово-телеграфного ведомства как в расширении сети радиостанций общего пользования, так и в создании радиостанции Электротехнического института. Одна из причин этого крылась в обострении отношений нового главы ГУПиТ В. Б. Похвиснева со своим помощником П. С. Осадчим.

Так, в ноябре 1914 года VII отделением ГУПиТ был подготовлен проект доклада начальника Управления министру внутренних дел П. А. Маклакову "Об организации управления Петроградской радиотелеграфной станцией и заказа для нее приборов, взамен предположенных заимствовать у Электротехнического института".[3]

> "В настоящее время в Петрограде, на участке, отведенном Главному управлению почт и телеграфов из владений Министерства внутренних дел, прилегающих к Электротехническому институту, заканчивается постройкой здание и производится оборудование радиотелеграфной станции общего пользования. Назначение сооружения – обеспечить радиотелеграфную связь с берегом коммерческим и частным судам, плавающим по Финскому заливу, и создать радиотелеграфное сообщение между Балтийским и Белым морями при помощи ныне действующей радиостанции в Архангельске. Вместе с сим, при первоначальных предположениях, имевших место еще при моем предшественнике, Главным управлением почт и телеграфов намечалось также использовать Петроградскую станцию и для учебных целей по практической подготовке специализирующихся в радиотелеграфе лиц из числа студентов Электротехнического института.
>
> Такое предъявление разнородных задач к сооружаемой станции и оборудование ее приборами, составляющими собственность другого учреждения, по моему мнению, не могут быть признаны целесообразными ввиду следующих соображений.
>
> Число судов, оборудованных радиотелеграфом, с каждым годом растет, и это предъявляет к береговым радиостанциям такие требования, для удовлетворения которых ведомству приходится устанавливать на станциях полное суточное действие. Вследствие сего при открытии действия Петроградской станции необходимо предвидеть суточное действие, при котором она не может служить учебным целям без явного ущерба для своего прямого назначения.
>
> Кроме сего, особо экстренный в некоторых случая характер радиотелеграфных сообщений, как, например, подача немедленного ответа судам, получившим аварию или терпящим в море бедствие, требует от береговой станции, чтобы все ее приборы во всякое время были в полной исправности; между тем допущение на станции учебных практических занятий не могло бы обеспечить исполнение сего требования.
>
> Наконец, самое положение станции в столице империи обязывает ведомство принять все меры к тому, чтобы эта станция была образцовым учреждением со стороны исправной эксплуатации и технического состояния, что также несовместимо с допущением на станции учебных практических занятий.
>
> Что касается намеченного первоначальными предположениями заимствования у Электротехнического института для сооружаемой станции части радиотелеграфных приборов, то таковое также не находит себе достаточного основания.
>
> Вследствие изложенного, я полагал бы целесообразным:

введенными в практику со времени изготовления институтской станции" (РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 1834. Л. 63).

[1] РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 1834. Л. 80, 81.

[2] В конце 1913 года вместо М. П. Севастьянова начальником ГУПиТ назначается В. Б. Похвиснев, а назначенного начальником Рижского почтово-телеграфного округа Б. Г. Евангулова на посту начальника VII отделения заменил Н. А. Яблоновский-Снадзский.

[3] РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 1834. Л. 85.

1. Взамен приборов, предполагаемых временно заимствовать от Электротехнического института, заказать таковые для сооружаемой станции распоряжением Главного управления почт и телеграфов с отнесением расхода в сумме около 15000 рублей на остатки сметы сего года.

2. Заведование станцией по открытии ее действия сосредоточить в Петроградском почтово-телеграфном округе на общих основаниях для прочих радиотелеграфных учреждений Почтово-телеграфного ведомства.

3. Служение станции учебным целям ограничить несколькими часами в неделю, назначаемыми по усмотрению Главного управления почт и телеграфов только для осмотра станции в присутствии заведующего и под его ответственность".

Доклад был представлен не начальником отделения Н. А. Яблоновским-Снадзским, а исполняющим дела столоначальника этого отделения В. А. Тарасовым. При этом проект был отклонен с указанием, чтобы «пункт 3 в конце доклада изложить определеннее, исключив упоминание о служении станции учебным целям и представить снова к ближайшему докладу, скрепив его, ввиду отказа от заведования радиотелеграфом начальника VII отделения, моею подписью "за начальника отделения"».

В докладе, представленном В. Б. Похвисневым 8 ноября 1914 года министру внутренних дел, третий пункт был изложен в следующей редакции:[1]

"Студентов Электротехнического института допускать на станцию с разрешения Главного управления почт и телеграфов только для осмотра и не иначе как в присутствии заведующего и под его ответственность".

Анализируя подобный подход руководства ГУПиТ к развитию радиотелеграфной сети государства, возразить что-либо невозможно – нужна была радиостанция общего пользования в столице и использовать ее также в учебных целях являлось бы нецелесообразным, если бы... не потребность в специалистах–радиотехниках, в которых так нуждалось Почтово-телеграфное ведомство. Тем более что изначально инициатива в сооружении этой станции исходила именно от учебного заведения, в стенах которого и осуществлялась подготовка таких специалистов. Отказавшись от первоначальной мысли устроить ее в здании института, получившего от АО Русских электротехнических заводов "Сименс и Гальске" безвозмездно основную часть радиотехнического оборудования, ГУПиТ тем самым увеличило стоимость сооружения установки почти в три раза, растянув реализацию проекта на несколько лет.

Ознакомившись с содержанием доклада, помощник начальника ГУПиТ П. С. Осадчий 10 декабря выступил с возражением против подобной постановки дела с подготовкой студентов Электротехнического института по радиотелеграфии.[2]

"В справке [VII отделения] от 3 декабря представлены соображения о порядке исполнения утвержденного министром внутренних дел доклада от 8 ноября по делу устройства и обслуживания радиотелеграфной станции на Аптекарском острове. Ознакомившись с сим докладом, считаю долгом доложить, что отделением, представившим проект сего доклада, обстоятельства дела изложены не в полном соответствии с действительным его положением. Названная станция возникла по почину, проекту и ходатайству Электротехнического института. Составная часть станции – мачта – установлена на земле института, сеть станции спроектирована к укреплению одной своей частью к крыше института, станция оборудована машинами и приборами в предположении пользоваться электрической энергией от генераторной станции института как для учебных целей, так и для передачи телеграмм другим станциям. При таком положении дела и при очевидном недостатке в Почтово-телеграфном ведомстве инженеров специалистов по радиотелеграфной части и требующемся содействии Электротехнического института в их подготовке, неиспользование названной станции – не только не в интересах Почтово-телеграфного ведомства, но и невозможно. Затрата еще 15000 рублей на заготовку новых приборов для станции такого же типа, когда уже имеются пожертвованные приборы, едва ли вызывается необходимостью и едва ли отвечает интересам казны".

Судя по документам, В. Б. Похвиснев не был в курсе предыстории данного вопроса. При попытке выяснить, действительно ли дело обстояло так, как докладывал

[1] РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 1834. Л. 86–87.
[2] РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 1834. Л. 83.

П. С. Осадчий, ему было доложено В. А. Тарасовым, что докладная записка П. Д. Войнаровского от 28 июня 1911 года, копию которой представил при своем докладе П. С. Осадчий, в делопроизводстве Технического отделения отсутствует. Это, мягко говоря, не соответствовало действительности, так как данный документ имеется в делопроизводстве Главного управления почт и телеграфов.[1]

Обстоятельства военного времени не позволили Почтово-телеграфному ведомству реализовать в полной мере проект устройства Петроградской радиостанции. Во-первых, станционное здание, постройка которого закончилась к началу 1914 года, из-за отсутствия подходящих помещений, было временно отдано под архив отчетности полевых телеграфных учреждений. Во-вторых, изготовленные АО Русских электротехнических заводов "Сименс и Гальске" для Электротехнического института аппараты, взамен возвращенных институтом в 1914 году для выполнения фирмой срочного военного заказа, были переадресованы ГУПиТ для окончания строительства радиостанции в Средне-Колымске.[2]

Радиостанция Санкт-Петербургских женских политехнических курсов

Накануне Первой мировой войны в ГУПиТ поступило ходатайство от директора Санкт-Петербургских женских политехнических курсов Н. Щукина.[3] В связи с включением в учебный план курса беспроволочного телеграфа для слушательниц и производимым оборудованием для этой цели радиотелеграфной лаборатории, Н. Щукин просил разрешения на устройство в этой лаборатории учебной радиостанции. После обсуждения данного ходатайства в Междуведомственном радиотелеграфном комитете министр внутренних дел разрешил открытие на Женских политехнических курсах радиостанции мощностью 0,5 кВт системы Русского общества беспроволочных телеграфов и телефонов. Решением Академии наук данная радиостанция была включена в число станций, привлекаемых для опытов по распространению радиоволн во время солнечного затмения в 1914 году.[4]

Кроме названных радиостанций, открытых в России с учебными или научными целями, были также оборудованы станции в Главной палате мер и весов и на Пулковской обсерватории.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РАДИО ДЛЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Использование радиостанций для изучения условий распространения радиоволн

Анализ развития радиотехники в начале XX столетия показывает, что прогресс в этой области во многом обуславливался методом проб и ошибок. Несмотря на значительные успехи в науке и практике, многие явления не получили достаточного теоретического объяснения. Одной из нерешенных проблем оставался вопрос распространения электромагнитных волн в атмосфере. В связи с этим огромный научно-практический интерес для мировой и отечественной научной общественности представляло ожидаемое 8 августа 1914 года солнечное затмение. Ввиду исключительной редкости подобного явления предполагалось возможно шире использовать его для научных целей, в том числе и в области радиосвязи.

Для организации проводимых во время предстоящего солнечного затмения опытов по радиосвязи в России образовалось два центра: один при Академии наук во главе с директором Главной физической обсерватории князем Б. Б. Голицыным, а

[1] РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 1771. Л. 10.
[2] РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 2737. Л. 98.
[3] РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 1841. Л. 1.
[4] РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 1845. Л. 14.

другой при Русском физико-химическом обществе под руководством управляющего Главной палатой мер и весов профессора Н. Г. Егорова.[1] Вторая из названных организаций планировала, главным образом, проведение астрономических и физических наблюдений; что же касалось постановки наблюдений по радиосвязи, то они к лету 1914 года здесь рассматривалась лишь в постановочном плане. В итоге вся совокупность организационных и технических вопросов, связанных с опытами по радио была сосредоточена в первом центре, где их разработкой руководил профессор Морской академии А. А. Петровский, подготовивший детальную программу постановки соответствующих опытов. Представитель Академии наук Б. Б. Голицын 15 мая 1914 года обратился в Военное и Морское ведомства, равно как и в другие учреждения, имеющие в своем распоряжении радиостанции, с ходатайством о предоставлении их для указанных исследований и получил на то принципиальное согласие.[2]

Поводом для принятия решения об участии ГУПиТ в опытах по радиосвязи во время солнечного затмения послужило обращение 21 апреля 1914 года заведующего Центральной станцией гидрометеорологической службы Черного и Азовского морей М. Сарандинаки к начальнику Одесского почтово-телеграфного округа с просьбой о содействии по устройству в Феодосии радиостанции для производства опытов "над передачей радиотелеграмм".[3] Особенный интерес для постановки таких опытов в районе Феодосии объяснялся тем, что над Феодосийским заливом полное солнечное затмение, согласно расчетным данным, ожидалось самым продолжительным: залив в течение 2 минут и 16 секунд должен быть покрыт полной тенью. В оставшийся срок построить радиостанцию в Феодосии было нереально, да и сам порядок строительства требовал длительного согласования, поэтому ГУПиТ ограничилось тем, что добилось разрешения министра внутренних дел внести на рассмотрение МРК вопрос о желательности постановки опытов по радиосвязи в Феодосии.[4] Таким образом, Междуведомственный радиотелеграфный комитет стал третьим центром в России по подготовке научных исследований по радиосвязи в условиях солнечного затмения 8 августа 1914 года, где было образовано особое совещание "для предварительной научно-технической разработки вопроса об организации радиотелеграфных наблюдений" под председательством профессора Г. К. Мерчинга.[5]

Наряду с указанными начинаниями, предпринятыми в России, аналогичные работы велись и в других странах. Для достижения наилучшего результата планируемых исследований была образована международная организация, в которую вошли ученые Англии, Франции, Германии, Бельгии и других стран. В составе этой организации была сформирована особая комиссия по производству радиотелеграфных наблюдений во время предстоящего солнечного затмения под председательством Г. Феррье при участии профессоров М. Вина, У. Икклза и Бендорфа. Комиссией был выработан общий план производства исследований по выяснению влияния на радиопередачу "промежуточной среды", в котором были предусмотрены в качестве передающих станций Петербургская, Бобруйская, Норддейха (или Науэна) и Парижа.[6] Таким образом, Россия, на долю которой выпадала одна из главных ролей в предстоящих наблюдениях, уже была включена в общую международную программу, для осуществления которой требовалось лишь ее согласие.

В случае присоединения России к исследованиям в международном масштабе она получала бы богатые экспериментальные данные западноевропейских радиостанций,

[1] РГИА Ф. 95. Оп. 11. Д. 2683. Л. 440-441.
[2] РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 1845. Л. 7.
[3] РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 1845. Л. 1, 2.
[4] РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 1845. Л. 1–3.
[5] РГИА Ф. 95. Оп. 11. Д. 2683. Л. 438, 439. Ф. 273. Оп. 6. Д. 1859. Л. 205, 206.
[6] РГИА Ф. 273. Оп. 6. Д. 1859. Л. 212–214.

что позволило бы оптимальным образом систематизировать полученные результаты наблюдений отечественных станций. Кроме того, выработанный международной организацией план наблюдений, предусматривавший работу радиостанций, расположенных на значительных удалениях друг от друга, мог приблизить ответ на ряд чрезвычайно важных вопросов о природе распространении радиоволн, который не мог быть осуществлен при помощи только отечественных станций, отстоящих друг от друга на значительно меньших расстояниях. Наконец, присоединение России к международной организации было важно и с этической стороны, так как ее территория находилась в наиболее выгодных условиях в отношении изучения влияния солнечного затмения и ей следовало оказать содействие заграничным научным организациям в исследовании связанных с этим явлением научно-технических проблем.

Особое совещание под председательством Г. К. Мерчинга провело три заседания, основным занятием которых являлась выработка программы производства опытов по распространению радиоволн в соответствии с национальными интересами и учетом положений международной программы. Дело в том, что представленная профессором А. А. Петровским организация наблюдения за влиянием предстоящего солнечного затмения на характер распространения радиоволн предусматривала, в частности, опыты во всей полосе затмения и вблизи нее. При этом российские станции предлагалось распределить на три группы, в каждой из которых устанавливалась опорная и несколько приемных станций, расположенных в различных направлениях. Во избежание взаимных помех каждая группа должна работать волной определенной длины. Кроме станций для определения качества и особенностей приема программа предусматривала также создание специальных измерительных групп для инструментального измерения параметров антенных систем и группы по анализу активности атмосферных помех.

Отдавая должное комплексному характеру программы А. А. Петровского, следует все же отметить, что ориентирована она была лишь на отечественную базу и, учитывая диапазон используемых для передачи опорных сигналов волн, ориентировалась, прежде всего, для получения экспериментальных данных в интересах Службы связи Российского флота.[1] А так как она была составлена до того, как международная комиссия по организации опытов представила в ГУПиТ свои предложения по организации опытов, то программа профессора А. А. Петровского не совсем согласовывалась с международной программой и требовалось привести ее в соответствие с последней.

На первом заседании совещания под председательством Г. К. Мерчинга, в котором приняли участие А. А. Петровский, Б. Б. Голицын, Н. Г. Егоров, Л. Д. Исаков и И. И. Ренгартен, большинство членов совещания, находя, что "программа в полной мере исчерпывает задачу исследования влияния солнечного затмения на распространение радиоволн при относительно небольшом расстоянии между радиостанциями", признало ее недостаточно ориентированной на "освещение вопроса первостепенной важности о распространении радиоволн на значительные расстояния".

Совещание решило программу соответствующим образом дополнить, "что могло бы быть осуществлено присоединением России к международной организации по производству радиотелеграфных наблюдений во время солнечного затмения, выработавшей подробную программу испытаний, в коей предусмотрены в качестве отправительных станций Санкт-Петербург и Бобруйск, а также предназначением ряда радиостанций для приема сигналов, посылаемых заграничными станциями".[2]

После изучения всего комплекса вопросов, связанных с присоединением России к международной программе опытов по изучению условий распространения радиоволн

[1] РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 1845. Л. 13–15.
[2] РГИА Ф. 273. Оп. 6. Д. 1859. Л. 192–194.

во время предстоящего солнечного затмения, на заседании особого совещания, проходившем 20 июня 1914 года, были доложены и утверждены все необходимые для этого документы:[1]

1. Программа-инструкция передачи радиотелеграфных сигналов мощными радиостанциями.
2. Основания инструкции приемным радиостанциям по приему сигналов, посылаемых мощными радиостанциями.
3. Распределение радиостанций на группы по приему радиотелеграфных сигналов от мощных радиостанций.
4. Форма бланка журнала приема сигналов.
5. Форма бланка для результатов метеорологических наблюдений.

Однако начавшаяся 17 июля 1914 года Первая мировая война сорвала проведение опытов по радиосвязи во время солнечного затмения как отечественными, так и международными научными организациями. Русские радиостанции, осуществлявшие прием сигналов мощных станций, не зарегистрировали работы последних. В связи с этим начальник ГУПиТ В. Б. Похвиснев 16 августа 1914 года сообщил Б. Б. Голицыну, что "вследствие военных событий наблюдения над передачей радиотелеграфных сигналов радиостанциями Почтово-телеграфного ведомства во время солнечного затмения 8 августа не производились".[2]

РАДИОСВЯЗЬ В МОНАСТЫРЯХ РОССИИ

К 1 июля 1896 года в России насчитывалось 789 монастырей, пустыней, скитов и женских общин.[3] Монастыри располагались почти во всех губерниях и областях и находились, как правило, в населенных пунктах или в непосредственной близости от них, что способствовало их приобщению к телеграфной сети империи. Исключение составляли монастыри Кавказа, расположенные преимущественно в стороне от городов, и островные монастыри – Валаамский[4] и Соловецкий.

Предыстория устройства радиостанции в Соловецком монастыре

Вопрос о проведении телеграфа от Кеми до Соловецкого монастыря за счет последнего был поднят Архангельским губернским распорядительным комитетом еще в 1893 году.[5] По словам Комитета,[6]

> "<...>телеграф – это благодетельнейшее изобретение мощного человеческого гения, в наш век раскинул свою обширную сеть по всей Земле и отдельные ветви его, распространившись на громадных пространствах, достигли уже отдаленных окраин Российского государства. Соловецкий же монастырь, расположенный на островах Белого моря в расстоянии всего лишь 60 верст от г. Кеми, соединенного с общей сетью телеграфов, пока лишен возможности пользоваться неоценимыми его услугами".

Далее утверждалось, что монастырь, храня в своих стенах значительные исторические сокровища и церковные драгоценности,[7] не может не нуждаться в оператив-

---

[1] РГИА Ф. 95. Оп. 11. Д. 2683. Л. 452.

[2] РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 1845. Л. 59.

[3] *Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь. Том XIXа. СПб., 1896, с. 730.

[4] Валаамский-Преображенский мужской монастырь расположен в 40 верстах к востоку от Сердоболя и в 200 верстах от Санкт-Петербурга в северо-западной части Ладожского озера на южном берегу острова, называемого финнами Валаамо (высота).

[5] РГИА Ф. 1289. Оп. 2. Д. 2992.

[6] РГИА Ф. 1289. Оп. 2. Д. 2992. Л. 3.

[7] В ризнице Николая Чудотворца, например, хранилось много драгоценных даров царей московских, начиная с Ивана III, и других жертвователей. Здесь же хранились палаш князя Михаила Скопин-Шуйского и сабля князя Дмитрия Пожарского. В часовне близ Преображенского собора находились мощи преподобного Иринарха. Монастырская библиотека, хотя из нее в 1854 году было вывезено много ценного в Казань,

ной связи с материком. Кроме того, при посещении обители высшими особами, только с помощью телеграфа можно было вовремя сообщать монастырю как о разных распоряжениях по поводу этих посетителей, так и о "счастливом прибытии и отбытии высоких путешественников". Наряду с этим отмечалось, что в монастырь ежегодно летом прибывает многотысячная масса богомольцев, желающих во время паломничества получить и отправить какие-либо сообщения.[1] Наконец, отмечалось значение телеграфной связи для своевременного обмена сведениями о состоянии льда на Соловецком рейде, между островами и материком зимой, о времени весеннего вскрытия Двины и возможности начала навигации.

Монастырская администрация, не возражая против приведенных соображений губернской власти относительно значения устройства телеграфной линии, запросила Распорядительный комитет относительно источника расходов на сооружение телеграфа, на что получила ответ, что линия связи будет оборудована на средства казны, а от монастыря требуется лишь сумма в 200 руб. на предварительные изыскания местности. При этом, несмотря на все красноречие Распорядительного комитета, монастырское начальство отнеслось к доводам его о пользе и выгодах телеграфа собственно для самого монастыря крайне скептически, особенно после требования Почтово-телеграфного ведомства покрыть значительную часть расходов за счет обители.[2]

Монастырь все же внес в Архангельское губернское казначейство на депозит Почтово-телеграфного ведомства 200 руб. на производство предварительных изысканий, но от финансирования проекта по строительству телеграфной линии отказался. В связи с докладом по данному вопросу начальника Архангельского почтово-телеграфного округа П. И. Малявкина из ГУПиТ последовало распоряжение:[3]

> "Ввиду отказа администрации Соловецкого монастыря от принятия всех расходов или хотя бы части таковых, необходимых на устройство телеграфного сообщения на свой счет, и за неимением достаточных оснований для затраты казной на эту постройку сумм, по примерному расчету около 100 тысяч рублей, предварительных изысканий для устройства телеграфного сообщения Соловецкого монастыря с Кемью не проводить и внесенные на это 200 рублей возвратить обратно монастырю".

Вторично вопрос о строительстве телеграфной линии Соловецкий монастырь – Кемь возник после посещения монастыря инспектором почт и телеграфов ГУПиТ Н. Н. Кормилевым во время его поездки с целью ревизии почтово-телеграфных учреждений на побережье Белого моря летом 1894 года. Невзирая на безразличие монастырского начальства к инициативе губернской администрации, Н. Н. Кормилев пришел к выводу, "что решение вопроса об устройстве телеграфа на Соловецких островах не может составить предмета особенно отдаленного будущего" и предложил начальнику Архангельского почтово-телеграфного округа произвести расчет необходимого для предварительных изысканий расхода и, если внесенная (но и не возвращенная в течение полутора лет) сумма окажется для этого вполне достаточной, то командировать для производства работ опытных техников.[4]

Распоряжения инспектора почт и телеграфов были одобрены руководством ГУПиТ, однако только 24 января 1900 года главный механик Архангельского почтово-телеграфного округа Н. Н. Менделеев представил рапорт о результатах произведенных изысканий местности и переговоров с администрацией Соловецкого монастыря

была довольно богата (См.: *Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А*. Энциклопедический словарь. Том XXXa. СПб., 1900, с. 782, 783).

[1] Количество богомольцев, прибывавших ежегодно летом в монастырь, составляло 11 – 12 тысяч человек (См.: *Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А*. Энциклопедический словарь. Том XXXa. СПб., 1900, с. 783).

[2] РГИА Ф. 1289. Оп. 2. Д. 2992. Л. 4.

[3] РГИА Ф. 1289. Оп. 2. Д. 2992. Л. 1.

[4] РГИА Ф. 1289. Оп. 2. Д. 2992. Л. 4, 5.

об условиях проведения телеграфной линии. В докладе отмечалось, что в сентябре 1898 года Н. Н. Менделеевым было предложено настоятелю монастыря принять материальное участие в строительстве линии, на что последовал ответ архимандрита Иоанникия о сделанном по этому вопросу Учредительным собором монастыря 6 октября 1898 года представлении в московскую Святейшего Синода контору. Участие монастыря в сооружении телеграфной линии должно было выразиться в следующем.

1. Предоставить в распоряжение Почтово-телеграфного ведомства один из монастырских пароходов для доставки из Санкт-Петербурга и прокладки кабеля между островом и материком.

2. Для устройства почтово-телеграфной конторы и проживания обслуживающих ее чиновников выделить на территории монастыря отдельный дом.

3. Построить на о. Песьем и о. Поповом кабельные домики.

4. Заготовить и установить телеграфные столбы для воздушной линии от монастыря до Песьего острова.

5. Прорубить просеку протяженностью 4 версты и шириной 4 сажени на о. Поповом и 4,5 версты по берегу до г. Кеми, а также заготовить для этой линии 100 телеграфных столбов.

6. Заготовить для почтово-телеграфной конторы и двух кабельных домиков мебель и хозяйственный инвентарь.

7. Обеспечить отоплением и освещением помещения почтово-телеграфной конторы и кабельных домиков.

Указом от 29 октября московская Контора разрешила Учрежденному собору "войти в соглашение с Почтово-телеграфным ведомством по соединению Соловецкого монастыря с Кемью телеграфной линией на изложенных в копии основаниях".[1] При этом монастырю разрешалось удовлетворить все требования Почтово-телеграфного ведомства, за исключением предоставления парохода для перевозки и укладки кабеля, так как во время навигации все суда монастыря использовались для перевозок богомольцев из Архангельска, Онеги и Сумского посада в монастырь и обратно. Кроме того, в указе отмечалось, что "монастырь может принять на себя все указанные обязательства при условии, чтобы должности начальника и надсмотрщика в почтово-телеграфном отделении замещены были избранными монахами и послушниками монастыря, которые будут исполнять свои обязанности без всякого вознаграждения из казны при предварительном изучении сего дела на Архангельской станции".

Несмотря на то, что Учрежденный собор Соловецкого монастыря готов был выполнить почти все условия, предъявленные ему по сооружению телеграфной линии, проект реализован не был. В июле 1900 года начальнику ГУПиТ было доложено, что, так как монастырь "может принять на свой счет лишь незначительные расходы", а также с учетом отсутствия настоятельной необходимости в устройстве этой линии и "требуемого на этот предмет весьма значительного расхода, "постройка телеграфа к Соловецкому монастырю не может быть осуществлена за счет казны в ближайшие годы".[2]

Данный эпизод из практики Почтово-телеграфного ведомства наглядно характеризует его деятельность по планированию и реализации проектов строительства телеграфных, телефонных и радиотелеграфных установок в России.[3]

---

[1] РГИА Ф. 1289. Оп. 2. Д. 2992. Л. 21–26.

[2] РГИА Ф. 1289. Оп. 2. Д.2992. Л. 28–29.

[3] В связи с таким подходом к вопросам развития сети телекоммуникаций Почтово-телеграфное ведомство неоднократно подвергалось жесточайшей критике. Вот, например, как о значении средств сообщения говорилось на Совещании об устройстве в Семипалатинской области новых почтово-телеграфных учреждений: "Пример всех иностранных государств показывает, что в деле колонизации прежде всего необходимо учредить почту и телеграф, почему эти учреждения и устраиваются раньше заселения того или другого района. В деле колонизации нельзя смотреть на почтово-телеграфные учреждения как на доходную

С изобретением радио и наметившихся перспективах его использования для решения широкого комплекса народнохозяйственных проблем появилась возможность обеспечить связь островных монастырей с помощью радиосвязи. Однако и эти проекты реализовывались по сценариям, близким к рассмотренному выше.

Проект устройства радиостанции в Валаамском монастыре

В феврале 1908 года отношением в ГУПиТ начальник Финляндского почтово-телеграфного округа А. М. Нюберг вышел с инициативой о сооружении в Валаамском монастыре радиотелеграфной станции, что позволило бы присоединить обитель к общеимперской телеграфной сети.[1] В пользу предполагаемого проекта приводились соображения, аналогичные доводам Архангельского губернского распорядительного комитета о целесообразности и значимости устройства телеграфной линии Кемь – Соловецкий монастырь.

По мнению Нюберга, прокладка кабельной линии от Сердоболя (совр. Сарталава. – *Авт*.) до Валаамского монастыря по дну Ладожского озера протяженностью 40 верст вызвала бы расход в сумме около 70000 руб. Поэтому в целях удешевления сооружения телеграфного сообщения предлагалось построить в названных пунктах радиотелеграфные станции, на что потребовалось бы всего 20000 руб. Относительно ожидаемой доходности приводились статистические данные, из которых следовало, что в монастыре в течение года проживает монахов, послушников и временно проживающих на послушании до 1000 человек; кроме того, в период навигации в монастырь единовременно съезжается от 400 до 4000 человек, а в течение лета пребывает до 10000 человек. Согласно предварительным расчетам, доход мог составить до 850 руб. в год, в связи с чем отмечалось,[2] что

> "...ожидаемая польза от телеграфа несомненна для монастыря и вообще для края, чего нельзя оценить лишь материальной доходностью".

В ответ на рапорт А. М. Нюберга ГУПиТ 16 февраля 1908 года уведомило его, что "открытие в счет казны телеграфа в Валаамском монастыре в ближайшем будущем не представляется возможным".[3]

Однако начальник Финляндского почтово-телеграфного округа проявил настойчивость в данном вопросе и в мае 1909 года вышел повторно с ходатайством о сооружении радиостанций в Сердоболе и Валаамском монастыре, на что получил ответ из ГУПиТ, в котором отмечалось,[4] что

> "при окончательном выборе наиболее необходимых потребностей в проведении телеграфов, строительство телеграфной линии между Сердоболем и Валаамским монастырем не вошло в строительную смету 1910 года и будет принято во внимание при выработке проекта развития телеграфной сети на 1911 год".

Согласно выработанному ГУПиТ перспективному плану сооружения радиотелеграфных сообщений[5] предусматривалось устройство радиостанции в Валаамском монастыре. В связи с этим 12 февраля 1911 года ГУПиТ сообщило начальнику Финляндского почтово-телеграфного округа, что "выполнение этой постройки в ближайшем будущем могло бы состояться, если бы Валаамский монастырь, наиболее заинтересованный в этом деле, оказал содействие казне, выражающееся в бесплатном предоставлении необходимого помещения под станцию и для служащих, участка

статью, а напротив, как на одно из самых могучих и необходимых орудий для колонизации края" (РГИА Ф. 23. Оп. 7. Д. 139. Л. 224).

[1] РГИА Ф. 1289. Оп. 9. Д. 1693.

[2] РГИА Ф. 1289. Оп. 9. Д. 1693. Л. 1–2.

[3] РГИА Ф. 1289. Оп. 9. Д. 1693. Л. 3.

[4] РГИА Ф. 1289. Оп. 9. Д. 1693. Л. 5.

[5] РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 1767. Л. 67.

земли под радиостанцию, а также принял бы на себя обслуживание Валаамской радиотелеграфной станции на условиях вспомогательных телеграфных учреждений, или взамен обслуживания принять на себя расходы около 10000 рублей на приобретение приборов, машин, мачт и других издержек на сооружение радиостанции при монастыре".[1]

Однако, когда поставленные ГУПиТ условия были доведены до монастырской администрации, 9 марта 1911 года последовал ответ настоятеля Валаамского монастыря игумена Макария, в котором сообщалось,[2] что

> "...при тщательном и всестороннем обсуждении вопроса об устройстве телеграфного сообщения между Валаамом и Сердоболем, ввиду сравнительно редкой необходимости в услугах телеграфа,... не ощущается в нем острой нужды, ввиду чего Валаамский монастырь не видит необходимости в устройстве у себя беспроволочного телеграфа и потому не может дать своего согласия для устройства последнего".

Таким образом, в результате отсутствия реального планирования развития общегосударственной системы радиосвязи, ориентация Почтово-телеграфного ведомства преимущественно на прибыльность почтово-телеграфных учреждений и сложившаяся практика привлечения к строительству линий связи денежных средств заинтересованных ведомств, организаций и лиц, не позволили реализовать проект строительства радиолинии, имеющей социально-культурное значение.

Устройство радиостанции в Соловецком монастыре

Согласно международной Радиотелеграфной конвенции 1908 года, Россия брала на себя обязательства по созданию сети береговых радиостанций на побережье морей. Планом развития радиотелеграфной сети империи в 1911 году предполагалось строительство правительственных радиостанций в г. Архангельске и в Белом море на Соловецких островах.[3] Предполагая, что "в осуществлении данного проекта может быть заинтересован Соловецкий монастырь", ГУПиТ 3 мая 1911 года поручало начальнику Архангельского почтово-телеграфного округа Н. П. Лапину снестись с настоятелем монастыря по вопросу об оказании содействия казне, "выражающегося в бесплатном предоставлении необходимого помещения для станции и служебного персонала, участка земли для устройства подземной и воздушной сети размером 150х150 м, а также принятии на себя части расходов по приобретению и установке радиотелеграфных станций. Примерная стоимость станций необходимой для данного случая мощности в 1,5 кВт с установкой, но без стоимости зданий, исчисляется в 22000 рублей".[4]

Учредительный собор Соловецкого монастыря отношением от 9 июля 1911 года на имя Н. П. Лапина выразил готовность принять ближайшее участие в постройке радиостанции, но при условии, "чтобы весь штат ее состоял из монастырской братии; в противном случае, отказывая в денежном содействии", монастырь соглашался выделить лишь необходимый для радиостанции участок земли. Обсудив мнение Учредительного собора, ГУПиТ не нашло препятствий для обслуживания Соловецкой радиостанции монахами, но при условии, "если монастырь примет на себя не менее половины всех единовременных расходов по оборудованию радиостанции, исчисленных в размере до 22000 руб., то есть 11000 руб., и в бесплатном предоставлении участка земли размером не менее 35х70 саженей и необходимых помещений для нужд станции.[5] Однако и на этот раз монастырь, изъявив согласие на бесплатное предоставление на Соловецких островах участка земли под радиостанцию, выделение для нее

[1] РГИА Ф. 1289. Оп. 9. Д. 1693. Л. 8.
[2] РГИА Ф. 1289. Оп. 9. Д. 1693. Л. 9.
[3] РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 1775. Л. 6.
[4] РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 1770. Л. 1.
[5] РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 1770. Л. 3.

зданий и на обслуживание станции монастырской братией, категорически отказался от выделения каких-либо денежных пособий на осуществление проекта.

Вопрос о строительстве радиостанции на Соловецких островах в течение полутора лет оставался открытым, пока 28 января 1913 года ГУПиТ не поручило Н. П. Лапину разработать и представить смету на ее механическое и электрическое оборудование. Приборы и принадлежности для станции были заказаны Русскому обществу беспроволочных телеграфов и телефонов. Радиостанция, имевшая мощность передатчика в 1 кВт, предназначалась для поддержания непрерывной связи с Архангельской радиостанцией на расстоянии 300 верст. Местом установки станции был выбран о. Большая Муксалма в 250 саженях от ближайших монастырских построек. В начале октября 1913 года радиостанция была изготовлена и освидетельствована на заводе Русского общества беспроволочных телеграфов и телефонов. Стоимость ее составила 13500 руб.[1]

Несмотря на готовность приборов и оборудования, зданий для их размещения не было. Строительством их ГУПиТ не занималось, надеясь получить бесплатно у Соловецкого монастыря, у которого готовых зданий, подходящих для размещения станции, не было. В связи с этим сооружение радиостанции в строительном сезоне 1913 года начато не было.

В сложившейся обстановке Учрежденный собор Соловецкого монастыря 2 апреля 1914 года вошел с ходатайством в Московскую синодальную контору о разрешении строительства домов для радиостанции и одновременно приступил к заготовке необходимых строительных материалов.[2]

В заседании 16 апреля 1914 года московская Святейшего Синода контора, рассмотрев донесение настоятеля Соловецкого монастыря и признавая со своей стороны весьма полезным и важным устройство радиостанции на Соловецких островах, определил: [3]

> "разрешить настоятелю с Учредительным собором ставропигиального Соловецкого монастыря принять участие в построении совместно с Главным управлением почт и телеграфов на Соловецком Большемуксаломском острове радиостанции, имеющей быть в непосредственном ведении Соловецкого монастыря с обслуживанием ее из братии Соловецкой обители, уступив для сего бесплатно участок земли около 2 десятин на названном острове и устроив хозяйственным способом каменное здание для радиостанции и деревянное для персонала, имеющего обслуживать станцию, о чем и доносит Святейшему правительствующему Синоду на благоусмотрение".

Обсудив 19 мая 1914 года донесение московской Конторы, Синод, не усматривая со своей стороны препятствий к устройству радиостанции на Соловецких островах на вышеизложенных условиях, определил: "постановление московской Святейшего Синода конторы утвердить".[4] Несмотря на последовавшее разрешение, к постройке зданий монастырь приступил лишь весной 1915 года.

Во время постройки зданий для радиостанции, 23 июня 1915 года, начальник Архангельского порта контр-адмирал В. Я. Ивановский запросил ГУПиТ о возможности передать предназначенную для Соловецкого монастыря станцию в распоряжение Морского ведомства для установки ее на вспомогательном крейсере "Василий Великий", "посылаемый в важнейшее крейсерство".[5] Пока шла переписка по данному вопросу, в ГУПиТ 2 июля поступило отношение начальника Морского генерального штаба вице-адмирала А. И. Русина, в котором Морское ведомство просило срочного

[1] РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 1770. Л. 8, 36, 50.
[2] РГИА Ф. 796. Оп. 198. 2 отделение, 1 стол. Д. 349. Л. 1., Ф. 1289. Оп. 12. Д. 1770. Л. 57, 66.
[3] РГИА Ф. 796. Оп. 198. 2 отделение, 1 стол. Д. 349. Л. 1–2.
[4] РГИА Ф. 796. Оп. 198. 2 отделение, 1 стол. Д. 349. Л. 3.
[5] РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 2751. Л. 1.

распоряжения о поручении начальнику Архангельского почтово-телеграфного округа установить имеющуюся радиостанцию на крейсер "Василий Великий". В ответном отношении в Морской генеральный штаб от 4 июля 1915 года ГУПиТ сообщило, что вопрос об установке радиоприборов Соловецкой радиостанции на крейсере "Василий Великий" решен в положительном смысле, и начальнику Архангельского почтово-телеграфного округа предписано срочно произвести необходимые работы.[1]

Во время выполнения задания вспомогательный крейсер "Василий Великий" подорвался на германской мине и затонул. Вместе с кораблем погибла и радиостанция, предназначавшаяся для Соловецкого монастыря и переданная Морскому ведомству временно. В такой ситуации ГУПиТ было принято решение об установке на станции Соловецкого монастыря приборов и оборудования, демонтированного с радиостанции в г. Риге.[2] Наконец, 11 января 1916 года, по докладу Н. П. Лапина, действие Соловецкой радиостанции было от- крыто.[3] Обслуживание радиостанции было возложено на монастырскую братию: послушников И. В. Бушина и А. Пьянкова (радиотелеграфисты) и монахов Максима и Арефа (мотористы).[4]

С момента своего открытия Соловецкая радиостанция больше выполняла задачи по обеспечению оборонных функций, чем обмену публичной корреспонденции, в связи с чем, по возбужденному ГУПиТ ходатайству,[5] приказом морского министра по управлению Беломорским и Мурманскими районами от 6 января 1917 года № 3 она, вместе с радиостанцией в Исакогорке и Александровске-на-Мурмане, была передана на время военных действий в ведение Морского ведомства "для обслуживания нужд Службы связи Белого моря".[6]

Приказом начальника Архангельского почтово-телеграфного округа от 10 февраля 1917 года № 4, исключающим из списков чиновников передаваемых в ведение Морского ведомства радиостанций в Заполярье, Соловецкая станция значилась как "своего штата чинов не имеющая",[7] в связи с чем коллежский регистратор С. Ф. Васильев назначался заведующим станцией.[8]

ПРОЕКТ "РАДИОФИКАЦИИ" РОССИИ 1917 ГОДА

Перестройка всех отраслей народного хозяйства России, вызванная Февральской революцией, привела к сбоям в работе отлаженного механизма государственного управления и, в частности, функционирования системы почтово-телеграфной службы. В связи с этим министр почт и телеграфов И. Чернышев отношением во Временное правительство от 13 июля 1917 г. выразил озабоченность о "необходимости принятия срочных мер к устранению наблюдаемых в деятельности Почтово-телеграфного ведомства недочетов". С учетом настоятельной необходимости быстрой осведомленности населения с распоряжениями и сообщениями центральной власти Министерство почт и телеграфов "обратило внимание на один вид телеграфных сношений, сулящий значительные выгоды при целесообразном пользовании", имея в виду радиосвязь.[9]

---

[1] РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 2751. Л. 5–10.

[2] РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 2740. Л. 28

[3] РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 2740. Л. 27. Правда, существует еще одна дата открытия станции: согласно телеграммы архангельского губернатора на имя министра внутренних дел от 24 января 1916 называется дата 15 января (РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 2740. Л. 28).

[4] РГА ВМФ Ф. 899. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

[5] РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 2825.

[6] РГА ВМФ Ф. 899. Оп. 1. Д. 1. Л. 46; РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 2825. Л. 22.

[7] РГА ВМФ Ф. 899. Оп. 1. Д. 1. Л. 57.

[8] РГА ВМФ Ф. 418. Оп. 1. Д. 508. Л. 58; Ф. 899. Оп. 1. Д. 1. Л. 57.

[9] РГИА Ф. 1276. Оп. 14. Д. 378. Л. 2.

С целью разрешения возникшей проблемы оперативного информировании населения предлагалось, в частности, привлечь к обмену общей корреспонденции несекретного характера сеть тыловых радиостанций Военного и Морского министерств. Кроме того, Всероссийским земским и городским союзами (Земгором) был выдвинут проект устройства ко времени начала работы Учредительного собрания отдельной сети до 1000 приемных радиостанций. В качестве передающих предлагалось использовать мощные радиостанции в Москве и Царском Селе.

Для всестороннего обсуждения этих вопросов было созвано междуведомственное совещание из представителей от министерств Военного, Морского, Почт и телеграфов и Финансов, а также от Государственного контроля, Земгора, Исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов и Петроградского телеграфного агентства. В заседаниях совещания 13, 19 и 27 июля выяснилась "полная возможность использования тыловых и прифронтовых военных радиостанций", расположенных в 54 пунктах, для предполагаемого обмена информацией общего характера. Совещание признало целесообразным перевести передачу агентских телеграмм официального характера на каналы радиосвязи, для чего потребовалось бы установить на территории страны до 400 радиостанций.

На реализацию проекта требовалась сумма в 1,5 млн. руб., которая была признана представителями Минфина и Госконтроля, по обстоятельствам военного времени, "обременительной для государственной казны". В связи с этим Земгор, придавая скорейшему осуществлению проекта большое значение, нашел возможным "ради сего некоторые свои потребности отодвинуть на второй план", и предложил Министерству почт и телеграфов беспроцентную ссуду на создание сети радиостанций с условием возврата ее в течение двух лет.

Министр почт и телеграфов, присоединясь к заключению междуведомственного совещания, но "не считая себя вправе входить в долговые обязательства" лично, просил разрешения Временного правительства на принятие ссуды от Земгора на устройство сети приемных радиостанций и на внесение в течение ближайших двух лет в бюджет министерства по 750 тыс. руб. на погашение этой ссуды. Для уменьшения потребной для реализации проекта суммы количество населенных пунктов, в которых предполагалось устройство радиостанций для приема циркулярных телеграмм общественно-осведомительного характера было сокращено до 173, и в сентябре 1917 года в адрес начальников почтово-телеграфных округов был отправлен циркуляр, предписывающий "в целях быстрого и одновременного осведомления страны с важнейшими событиями дня, а также разгрузки проволочного телеграфа... озаботиться подысканием помещений для радиостанций".[1] Завершение проекта не состоялось из-за октябрьских событий, но уже в 1918 году новая власть придала ему новое содержание.

"КРИМИНАЛЬНЫЙ" ИТОГ НАЧАЛА РАДИОЛЮБИТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Во второй половине марта 1914 года центральные и местные газеты России опубликовали сенсационное сообщение о том, что на станции Жмеринка Юго-Западных железных дорог был арестован техник Киевского железнодорожного телеграфа С. С. Жидковский, устроивший у себя дома любительскую станцию беспроволочного телеграфа и подозреваемый властями в перехвате радиограмм местной военной станции искрового телеграфа. "К аресту телеграфиста Жидковского", "Арест шпиона", "Изобретатель или шпион?", "Вместо славы – тюрьма"... – пестрели заголовками страницы многих газет.

[1] ЦГА ТАСС Ф. 1220. Оп. 1. Д. 768. Л. 345.

"В Жмеринке вдруг перестал работать телеграф в то время, когда шли секретные военные телеграммы. Тут и явилось подозрение, что телеграф испорчен умышленно Жидковским, чтобы перехватывать военные телеграммы и передать их по своему беспроволочному телеграфу за границу".[1]

"Во время обыска... власти нашли много записей, из которых видно, что Жидковский сносился из Жмеринки с Берлином, Гамбургом, Парижем и другими городами за границей".[2]

"В квартире Жидковского найдена прекрасно оборудованная станция беспроволочного телеграфа. Станция снабжена новейшими изобретениями в области радиотелеграфии. Арестованный считался молодым изобретателем"...[3]

"... изобретения [Жидковского] давно были продемонстрированы на некоторых конкурсах в Париже и Вене".[4]

"Жидковский оборудовал свою станцию за 200 рублей, тогда как устройство такой станции обходится в несколько десятков тысяч рублей".[5]

"... радиотелеграфный аппарат его не примитивный и не самодельный, а системы Маркони, стоит дорого, но им не покупался, а получен из-за границы".[6]

Вместе с тем пресса отмечала, что "... существование и работа самодельной станции беспроволочного телеграфа не составляли тайны и были хорошо известны не только железнодорожному начальству, но и жандармской полиции, ...ибо Жидковский не только не скрывал своих успехов, но, наоборот, хвастался ими".[7]

В действительности же не было ни новейших изобретений в области радиотелеграфии и их демонстрации на конкурсах за границей, ни переписки с Маркони и его помощи, ни заграничного происхождения обнаруженных аппаратов, а тем более шпионажа. Имела место любительская радиоустановка, правда, с весьма хорошими техническими характеристиками, сконструированная и изготовленная С. Жидковским, и используемая им исключительно в любительских целях. Из-за отсутствия сведений о других подобных случаях в истории радиотехники начального периода развития можно предположить, что С. Жидковский является первым радиолюбителем в России.[8]

Сергей Степанович Жидковский окончил в 1910 году Киевское техническое железнодорожное училище и был зачислен на двухлетнюю практику по Службе телеграфа при станции Жмеринка Юго-Западных железных дорог. С окончанием практики и сдачи экзаменов с 1 января 1912 года был назначен надсмотрщиком телеграфа при станции Казатин, а затем – Жмеринка. Имея достаточно хорошую теоретическую и практическую подготовку по электротехнике и желая расширить свои познания в новой для себя области – беспроволочной телеграфии – Жидковский посещал находящуюся в Жмеринке искровую станцию Военного ведомства, где получил первые сведения по устройству и работе радиостанций. Тогда же он приступил к конструированию, сборке и регулированию своей любительской радиостанции.

Весной 1912 года первая радиостанция Жидковского начала работать. Неудобством в ведении радиообмена было отсутствие второй работающей радиостанции. Поэтому на первых порах приходилось или выносить на улицу радиопередатчик и оттуда работать на передачу, или же довольствоваться приемом радиограмм, передавае-

[1] Новое время. 1914, 18 марта.
[2] Русское слово. 1914, 16 марта.
[3] Петербургская газета. 1914, 16 марта.
[4] Вечернее время. 1914, 21 марта.
[5] Петербургская газета. 1914, 19 марта.
[6] Новое время. 1914, 21 марта.
[7] Русское слово. 1914. 18 марта.
[8] В историографии приводятся данные об увлечении радиолюбительством М. А. Бонч-Бруевича (*Рогинский В. Ю.* Михаил Александрович Бонч-Бруевич. М.–Л., 1966, с. 8), С. М. Айзенштейна (*Юсупов Э. С.* Семен Моисеевич Айзенштейн – основатель и директор первого в России радиозавода // Вопросы радиоэлектроники. 1993, с. 3), однако они не подтверждены документально, а если и действительно имели место, то отличались примитивностью и носили характер юношеских забав.

мых местной военной станцией. Вскоре была собрана вторая любительская радиостанция, которую Сергей установил на квартире своего товарища телеграфиста М. М. Бубновского, проживавшего в двух верстах от него в Жмеринке.

Первые радиостанции Жидковского были устроены весьма просто. Антенна состояла из двух (в дальнейшем – пяти) проводников длиной 6–7 саженей, поднятых на высоту 3 сажени. В радиоприемнике антенный ввод соединялся с катушкой индуктивности из восьми витков 5-мм провода (она использовалась и в передатчике), и далее подвижным контактом – со второй катушкой из тонкой проволоки в 200 витков, намотанной на картонный цилиндр диаметром около 200 мм. По образующей цилиндра изоляция на витках провода была снята и по этой "дорожке" шириной в 3 мм при настойке приемника двигались подвижные контакты, с помощью которых подключалась цепь детектора и головных телефонов. Детектор состоял из стальной иглы и пирита, а головные телефоны изготовлены из телефонов, обмотка которых была изменена на сопротивление 2000 Ом.

Радиопередатчик включал в себя самодельную катушку Румкорфа, первичная и вторичная катушки которой были погружены в банку с маслом, а прерыватель вынесен наружу. Питание передатчика осуществлялось от батареи из 10–15 мешковых гальванических элементов Сименса. В качестве искрового разрядника использовалась распиленная пополам металлическая палочка, закрепленная на фарфоровой подставке. Конденсатор выполнен из двух металлических пластин размером в половину листа писчей бумаги, помещенных в стеклянную банку из-под варенья. Настройка радиопередатчика производилась выбором положения подвижных контактов на катушке индуктивности.

Стоимость одной любительской радиостанции, по словам С. Жидковского, составляла около 50 руб. (будучи в это время практикантом, он получал 80 коп. в день). Столь существенная разница в оценках стоимости станции, данной прессой (хотя и значительно завышенной)[1], и фактической объясняется просто: в соответствии с существовавшими расценками кристаллический детектор стоил 60 руб., стоимость его при изготовлении в мастерской выражалась в 3 руб., при самостоятельном его изготовлении расходы составляли 15–20 коп.

В это же время, в связи с поступившими сообщениями о начале использования радиосвязи на железной дороге за границей, по инициативе начальника Службы телеграфа управления Юго-Западных железных дорог А. А. Коркушко с 1912 года был поднят вопрос об ознакомлении Службы телеграфа с основами беспроволочной телеграфии и о постановке, хотя бы в ограниченных размерах, опытов по применению радиосвязи в железнодорожном деле в России.

При исследовании вопроса в отношении подбора персонала для будущих исследований выяснилось, что на станции Жмеринка служит надсмотрщиком телеграфа С. С. Жидковский, большой знаток радиотелеграфа и любительски работающий уже на этом поприще. Таким образом, в августе 1912 года "изобретатель-самоучка" Жидковский прикомандировывается к Службе телеграфа в Киев, а с 1 января 1913 года зачисляется в ее штат постоянно. Перед ним была поставлена задача собрать радиостанцию в Службе телеграфа и добиться приема сигналов точного времени и метеобюллетеней, передаваемых радиостанцией Эйфелевой башни из Парижа. В дальнейшем под руководством инженера А. Л. Гера им была сконструирована модель переносной радиостанции для проведения опытов по связи поездов во время движения.[2]

---

[1] "<...> устройство такой станции обходится в несколько тысяч рублей" (Изобретатель или шпион? // Петербургская газета. 1914, 19 марта), "Радиотелеграфный аппарат [Жидковского] не примитивный и не самодельный, а системы Маркони, стоит дорого, но им не покупался, а получен из-за границы" (К аресту Жидковского // Новое время. 1914, 21 марта) и др.

[2] РГИА Ф. 273. Оп. 6. Д. 1886. Л. 5058.

С переводом в Киев Жидковский мог работать на своей любительской станции только по выходным дням, когда он приезжал домой. В это же время им была устроена третья любительская радиостанция на квартире у телеграфиста Щербаченкова на станции Буга под Киевом, где первое время после перевода в Службу телеграфа Юго-Западных железных дорог он проживал.[1]

В конце февраля 1914 года начальник Жмеринской военной радиостанции капитан К. Старынкевич, давно знавший о существовании любительской радиостанции С. Жидковского, донес об этом вновь назначенному местному приставу С. Александрову. Пристав при очередном докладе сообщил о наличии на станции Жмеринка любительской радиостанции губернатору, после чего последовал приказ об аресте Жидковского.

При очередной поездке домой в воскресенье 2 марта 1914 года у себя на квартире в Жмеринке С. Жидковский был арестован и препровожден в Винницкую тюрьму.[2] Ему инкриминировалось "устройство без надлежащего разрешения станции беспроволочного телеграфа с целью способствовать правительству или агенту иностранного государства в собирании сведений, касающихся внешней безопасности России или ее вооруженных сил, или сооружений, предназначенных для военной обороны страны".[3]

Так как согласно предварительному заключению экспертов станция Жидковского "считалась образцово оборудованной, могущая вести разговоры с другими отдаленными станциями", первоначальные усилия следствия были направлены на выяснение возможности прямой двусторонней связи посредством этой радиостанции с "лицами, находящимися за границей". Наконец, 20 мая специальная комиссия в составе следователя по важным делам Винницкого окружного суда А. Ф. Назаренко, ведущего по этому делу следствие, а также товарища прокурора суда С. М. Панкевича, начальника розыскного бюро при штабе Киевского военного округа подполковника Белевцова и привлеченного в качестве эксперта командира 4-й искровой роты капитана Муращенко провела следственный эксперимент.[4] Станция Жидковского была размещена на Жмеринской станции Военного ведомства и в течение всего вечера производился контрольный прием радиограмм из Киева, Одессы и Бобруйска; иногда прослушивалась работа Эйфелевой башни и неизвестных английских, германских и французских станций. При работе радиостанции на передачу ее сигналы смогла принять лишь сама Жмеринская искровая станция. В процессе эксперимента его участники были поражены примитивностью конструкции установки, оригинальностью исполнения ее приборов и необычайной легкостью, с которой достигалась настройка станции.

Привлечение к испытаниям специалистов позволило опровергнуть первоначальное обвинение в шпионаже и измене. С окончанием следственного эксперимента 24 мая Жидковский был еще раз (десятый по счету) допрошен, после чего мера пресечения ему была изменена – он освобождался из-под стражи под гласный надзор полиции.[5] До этого более двух месяцев подозреваемый находился в одиночной камере в отделении политических заключенных, свидания не разрешались, изредка предоставлявшиеся прогулки не совпадали с прогулками остальных арестантов:[6] в таких условиях содержались подследственные по политическим преступлениям. После освобождения С. Жидковский продолжил работу в управлении Юго-Западных железных дорог.

Спустя почти год после начала следствия, 18 февраля 1915 года выездной сессией Одесской судебной палаты "при закрытых дверях" было заслушано дело по обвине-

[1] РГИА Ф. 273. Оп. 6. Д. 1886. Л. 41. После ареста Жидковского радиостанция была Щербаченковым уничтожена и следствие о ней ничего не знало.

[2] Арест шпиона // Петербургский курьер. 1914, 16 марта.

[3] Закон о государственной измене в мирное время путем шпионства от 5 июня 1912 г., ст. 2, отдел 2.

[4] РГИА Ф. 273. Оп. 6. Д. 1886. Л. 186.

[5] Судьба изобретателя // Петербургская газета. 1914, 28 мая.

[6] Освобождение Жидковского // Русское слово. 1914, 28 мая.

нию С. С. Жидковского "в устройстве без разрешения с целью шпионажа радиотелеграфной станции в г. Жмеринка". Обвиняемый признал себя виновным в устройстве станции без разрешения, а по обвинению в шпионаже оправдан. Приговором суда Жидковский был присужден к заключению на месяц в тюрьме с зачетом предварительного заключения.[1]

Защищавший Жидковского в суде юрисконсульт Управления Юго-Западных железных дорог, киевский присяжный поверенный В. И. Карнаухов был уверен, что решение судебной палаты можно было бы обжаловать в Сенате с целью полной реабилитации своего подзащитного. Однако руководство Управления железных дорог Министерства путей сообщения, не желая продолжения каких-либо разбирательств по этому вопросу, и без того получившего широкую огласку в прессе, рекомендовало в Киев "...в случае, если [Жидковский] обратится за советом к своему начальству, надлежит преподать совет: удовлетвориться приговором судебной палаты и не приносить жалобу в Сенат".[2]

Если попытаться проанализировать насколько действия Жидковского вошли в противоречие с существовавшим в начале XX века законодательством, то результат будет не в пользу радиолюбителя. Не было получено, как то определялось нормативными документами, разрешение не только на устройство радиопередатчика, которое вряд ли было бы выдано ГУПиТ, но и радиоприемника. За несоблюдение установленных правил устройства и эксплуатации радиоустановок в России виновный мог быть подвергнут аресту до трех месяцев или уплате штрафа в размере до 300 руб., заключению в тюрьму на срок от одного месяца до одного года; кроме того, решением суда радиоаппаратура могла быть конфискована властями.

ПОПЫТКИ РОССИИ ВХОЖДЕНИЯ В СИСТЕМУ МЕЖДУНАРОДНОЙ РАДИОСВЯЗИ

В рассматриваемый период развития радиотехники Почтово-телеграфным ведомством России было предпринято несколько попыток включения страны в складывающуюся международную систему радиосвязи. Отметим сразу: все они были "навязаны" российским связистам извне (другими министерствами и ведомствами России, зарубежными коллегами, предпринимателями и т. п.), само ведомство инициативы в этом вопросе не проявляло, а если и предпринимало определенные шаги, делало это без особого энтузиазма. В итоге почти все эти попытки логического завершения не получили.

Попытка установления радиосвязи с Балканами

Исторически первая попытка Почтово-телеграфного ведомства России организовать международную линию радиосвязи связана с организацией связи с Болгарией. Инициатором данного вопроса выступило Министерство иностранных дел России. За подписью товарища министра иностранных дел князя В. С. Оболенского 3 августа 1902 года на имя министра внутренних дел В. К. Плеве поступило отношение с просьбой "о желательности устроить беспроволочное телеграфное сообщение между Одессой и Варной, благодаря чему, возможно, было бы установить непосредственные телеграфные сношения не только с Болгарией, но также и с Сербией и Константинополем".[3]

Столь необычная просьба внешнеполитического ведомства России вытекала из общеполитической обстановки на Балканах и донесения из Софии российского посла действительного статского советника Бахметева от 17 июля 1902 года.[4]

---

[1] За что? // Новь. 1914, 29 мая.
[2] РГИА Ф. 273. Оп. 6. Д. 1886. Л. 206.
[3] РГИА Ф. 1289. Оп. 6. Д. 1508. Л. 1.
[4] РГИА Ф. 1289. Оп. 6. Д. 1508. Л. 2–3.

"Зависимость наших телеграфных сношений с Балканским полуостровом от Румынии и Австро-Венгрии и серьезные неудобства, связанные с этим, не говоря уже о значительных суммах, ежегодно переплачиваемых нами на телеграммах, давно, казалось бы, поставили на очередь вопрос об установлении непосредственного телеграфного сообщения между Россией и Болгарией.

Ввиду того, что предположение о прокладке подводного кабеля от Одессы к Варне и далее на Юг к Константинополю едва ли будет осуществлено в близком будущем, можно было бы прибегнуть теперь же к иному, несравненно более дешевому и скорому способу, а именно, к устройству беспроволочного телеграфа между Одессой и одним из выдающихся пунктов черноморского побережья вблизи Варны – всего на протяжении около 300 верст с двумя промежуточными переприемными станциями на нашей территории.

За передачу наших телеграмм через Румынию взимается по 4 сантима за слово, при новом же способе телеграфирования этот расход устранится и получаемая таким образом экономия может быть обращена на устройство и поддержание беспроволочного телеграфа.

Независимо от политического значения, которое имеет для нас установление непосредственного телеграфного сообщения с Балканским полуостровом, он, вне всякого сомнения, будет иметь громадное влияние на развитие там наших коммерческих сношений, тем более что в недалеком будущем все наши черноморские порты соединятся беспроволочным телеграфом.

Госп. Денев не только сочувствует этой мысли, но и просил меня, если возможно, ускорить ее осуществление, изъявляя готовность [болгарского] княжеского правительства предоставить нашим техникам самые широкие облегчения для исполнения этой столь важной и интересной задачи, в которой и болгары желали бы принять посильное участие".

Не располагая каким-либо опытом в выполнении работ по проектированию, строительству и эксплуатации радиоустановок и соответствующими этим потребностям инженерно-техническими кадрами, В. К. Плеве 14 августа отправил в Министерство иностранных дел замысловатый ответ, из которого не вполне усматривались причины, по которым Почтово-телеграфное ведомство уклонялось от реализации предлагаемого проекта.[1]

После столь "аргументированного" ответа к данному вопросу Министерство иностранных дел вряд ли опять вернулось, если бы он не был поднят вторично. Получив 9 декабря 1902 года донесение от посланника в Белграде действительного статского советника Н. Чарыкова,[2] министр иностранных дел В. Н. Ламздорф «поверг его на всемилостивейшее воззрение государя императора и его императорскому величеству благоугодно было на оном собственноручно начертать: "Справедливо"».[3]

«Уже в 1896 году был возбужден и разрешен в благоприятном смысле принципиально вопрос о желательности установления между Россией и Балканским полуостровом непосредственного телеграфного сообщения по направлению от Одессы к Варне, ввиду того, что до сих пор обмен телеграммами между Россией, с одной стороны, и Болгарией и Сербией, с другой, возможен только транзитом через Румынию или Австро-Венгрию.

В торговом отношении подобное положение дел неудовлетворительно потому, что этот кружной путь долог и, вместе с тем, излишне дорог, требуя платы за транзит. Кроме того, тут допускаются к передаче только телеграммы латинским шрифтом, вследствие чего из обмена исключены все русские станции, где нет приема телеграмм на иностранных языках, т. е. между прочим, все станции всей железнодорожной сети Российской империи.

В политическом и военном отношениях неудобства не менее значительны и в нормальное время служебные телеграммы, обмениваемые между русскими дипломатическими и военными агентами на Балканском полуострове и императорским Правительством, а равно между правительствами Сербии и Болгарии и представительствами их в Петербурге, нередко искажаются и замедляются по усмотрению бухарестских и венских властей. В случае же осложнений в Европейской Турции подобные искажения и замедления легко могут сделаться систематическими в ущерб русским интересам.

[1] В ответе Министерства внутренних дел, отмечалось, в частности, что "...осуществление сего проекта возможно не ранее как по окончании производящихся Почтово-телеграфным ведомством опытов телеграфирования без проводов в условиях русской практики... и когда станут известными и постановления созываемого в Берлине международного совещания об эксплуатации береговых телеграфных беспроволочных сообщений" (РГИА Ф. 1289. Оп. 6. Д. 1508. Л. 4).

[2] РГИА Ф. 565. Оп. 5. Д. 19339. Л. 7–8.

[3] РГИА Ф. 1289. Оп. 6. Д. 1508. Л. 5.

Практическое осуществление рассматриваемого предположения замедлилось главным образом потому, что до самого последнего времени единственный способ установления телеграфного сообщения через море заключался в прокладке подводного кабеля. На расстоянии же от Одессы до Варны таковое обошлось бы не менее 3000000 франков. Между тем ни русское, ни болгарское правительства не располагают для означенной надобности подобными средствами. Однако ныне выясняется возможность иного решения этого важного вопроса, благодаря новейшим успехам электротехники и изобретению беспроволочного телеграфа.

Профессор Санкт-Петербургского электротехнического института А. С. Попов произвел, как известно, в течение последних двух лет именно на Черном море успешные опыты беспроволочного телеграфирования и в настоящее время броненосец "Ростислав" и много других судов Черноморского и Балтийского флотов, а также Херсонесский маяк близ Севастополя снабжены собственными аппаратами.

Упомянутые опыты установили пока возможность правильной передачи телеграмм на 160 верст. Между тем от маяка на Большом Фонтане у Одессы до ближайшего болгарского маяка на мысе Шаблэр в окрестностях Варны примерно 300 верст. Тем не менее, Попов не сомневается в возможности телеграфирования на этом и даже большем расстоянии.

Вместе с тем профессор выразил, как мне известно, готовность лично произвести в ближайшем будущем опыты установления беспроволочного телеграфирования между болгарским и русским берегами. Имея в виду, что аналогичные опыты Маркони доказали возможность передачи телеграмм на 1000 верст, представляется весьма вероятным, что опыты профессора Попова могут увенчаться успехом.

Нельзя не признать, что в настоящую минуту, когда в предвидении близких осложнений на турецком востоке императорское Правительство считает полезным установить более тесное общение с Сербией и Болгарией, обеспечение материальной возможности и беспрепятственности такового – и в нормальное время и на случай кризиса – является настоятельно желательным. Для этого казалось бы необходимым согласиться на ходатайство, обращенное к нам болгарским правительством, и поручить профессору Попову произвести безотлагательно в начале будущей весны предположенный опыт с отнесением расходов на таковой в равной доли на русское и болгарское правительства. Первая едва ли превысит те 30000 руб., которые Министерство финансов согласилось предоставить для рассматриваемой цели.

Что же касается Сербии, то оба государства предполагают образовать одну почтово-телеграфную территорию и потому установление прямого телеграфного сообщения между Россией и Болгарией послужит к установлению такового между Россией и Сербией».

Мнение императора не могло быть проигнорировано и требовало конкретных действий. Почтово-телеграфное ведомство, не имея собственных радиоспециалистов в составе Технического отделения ГУПиТ, 12 февраля 1903 года обратилось за консультациями по данному вопросу к профессору Электротехнического института императора Александра III А. С. Попову, на что, спустя две недели, был получен ответ.[1]

Письмо профессора А. С. Попова

I. Возможность устройства станции беспроволочного телеграфа для соединения России с Болгарией

При настоящем состоянии приборов беспроволочного телеграфа существует полная уверенность в возможности пользования им на тех расстояниях, которые имеются в виду в предполагаемой установке. Наибольшая дальность, полученная теми средствами, которыми мы располагаем в настоящее время, была 260 километров (с приборами Дюкрете во Франции). Но такое расстояние нельзя считать предельным – это был опыт, осуществленный между береговыми станциями, причем не были использованы все меры, могущие увеличивать дальность, именно: усиление мощности источника электромагнитных волн и употребление сложной сети воздушных проводов вместо простейшего устройства, употребляемого до сих пор на одиночных мачтах.

II. Средства, необходимые для опыта

Так как расстояние предполагаемой установки почти вдвое больше вышеупомянутого, то для рационального ведения дела необходимым ряд предварительных опытов между береговой станцией и станцией, помещенной на корабле, который мог бы удаляться постепенно по желаемому направлению. Только после таких опытов можно приступить к устройству станции на болгарском берегу. Смета расходов по устройству станции и производству опытов может быть сделана, если

[1] В деле ГУПиТ "Об устройстве радиотелеграфной связи между Россией и Болгарией" в описи бумаг значится письмо А. С. Попову и его ответ от 4 марта 1903 года, однако среди прочих материалов делопроизводства данные документы отсутствуют (РГИА Ф. 1289. Оп. 6. Д. 1508). Ответ Попова приводится по книге "Первые радиотелеграфные станции в Почтово-телеграфном ведомстве России".

будет назначено место станции. Стоимость установки зависит от того, можно ли пользоваться готовой электрической энергией от какой-нибудь городской станции, или нужно иметь в виду устройство генераторной станции специально для беспроволочного телеграфа. Нужно также знать, будет ли дано готовое жилое помещение для приборов станции и персонала или же эта постройка должна входить в стоимость станции. Собственно специальные приборы, устройство одной станции беспроволочного телеграфа и расходы по производству опытов, вероятно, не превысят 50 тысяч рублей.

III. Выбор места для станции беспроволочного телеграфа

Намеченные Министерством иностранных дел места станций Одесса и Варна наиболее отвечают коммерческим интересам в будущем при развитии торгового обмена между Россией и Болгарией; но существует много доводов за другой пункт для русской станции, именно – за Севастополь.

а) расстояние между Одессой и Варной и между Севастополем почти одинаковы, но прямая линия, соединяющая Варну с Одессой, идет большей частью по суше, частью вдоль берега, линия же Севастополь – Варна идет по открытому морю. Случаи удачной передачи через сушу неоднократно осуществлялись, но все-таки не подлежит сомнению, что по море большие расстояния легче достигаются. Поэтому с технической точки зрения Севастополь следует предпочесть Одессе.

б) так как предполагаемый телеграф будет служить и для обмена между правительствами обеих стран, то нужно иметь в виду, что при соединении Варны с Одессой между ними будет лежать румынская территория, и по свойству беспроволочного телеграфа нельзя защититься от подслушивания какой-либо промежуточной станции, если она поставит себе такую задачу. Линия Варна – Севастополь лежит в стороне от Румынии и при больших расстояниях такое подслушивание потребует более дорогих сооружений и вообще менее вероятно. В военное время, в случае враждебных отношений с Румынией, правильное сообщение между станциями может быть прекращено посредством посылки электромагнитных волн с промежуточных между Одессой и Варной пунктов. Вследствие большой отдаленности линии Севастополь – Варна такая помеха делается почти невозможной.

с) станция большой мощности, установленная в Севастополе или вблизи его, может служить и военным целям. При ее помощи могут сообщаться с Севастополем почти на всем пространстве Черного моря специальные крейсера-разведчики, снабженные соответствующими приспособлениями и приборами, а в будущем может быть и все броненосцы Черноморской эскадры. Возможность иметь непрерывное сообщение с Севастополем как для наших судов, плавающих на всем пространстве Черного моря, так и для станций на его побережьях, имеет первостепенную важность для обороны государства.

IV. Заключение

Имея в виду все вышеизложенное, приходим к заключению, что устройство на черноморском берегу станций беспроволочного телеграфа большой мощности для сообщения с Болгарией возможно, но для выполнения опытов необходимо прибегнуть к услугам военного судна Черноморского флота, а для обеспеченности этого сообщения и увеличения пользы, приносимой этой станцией государству, нужно установить ее в Севастополе.

Мое личное участие в опытах в качестве руководителя их возможно, так как в переписке о моем переходе на службу в Министерство внутренних дел со стороны Морского министерства была сделана оговорка о продолжении моих работ по беспроволочному телеграфу во флоте в течение летних вакаций. В настоящее время по усмотрению управляющего Морским министерством представлен проект устройства и дальнейшего развития беспроволочного телеграфа во флоте, в котором также ставится вопрос о необходимости устройства мощной станции беспроволочного телеграфа в Севастополе.

Профессор А. Попов

С.-Петербург.
4 марта 1903 г. ".

Никакого творческого участия в реализации предполагаемого проекта сооружения радиолинии Россия – Болгария Министерство внутренних дел не предприняло. Ответом от 17 марта в Министерство иностранных дел В. К. Плеве лишь повторил предложения А. С. Попова, подчеркнув, что названные опыты могут быть проведены летом 1903 года при условии ассигнования необходимых кредитов и предоставления для участия в них военного корабля.[1]

Более продуктивной оказалась в этом плане деятельность Министерства иностранных дел. В личном письме от 2 мая 1903 года В. Н. Ламздорф обратился к ми-

[1] РГИА Ф. 1289. Оп. 6. Д. 1508. Л. 13.

нистру финансов С. Ю. Витте с просьбой выделить часть потребной на проведение опытов и сооружение радиостанций суммы. Вместе с тем, Бахметеву поручалось выяснить степень материального участия в реализации проекта со стороны болгарского правительства; между тем, однако, никаких официальных сношений с министерством иностранных дел Болгарии российским внешнеполитическим ведомством по данному вопросу произведено не было.[1]

Отнесясь со своей стороны "с полным сочувствием" к предположению о производстве опытов по радиосвязи между Россией и Болгарией, С. Ю. Витте, посетовав на израсходование значительной части фонда экстренных расходов, обещал ассигновать на 1903 год лишь 20000 руб.; недостающие же средства рекомендовалось изыскать "в пределах сметных ассигнований подлежащих ведомств", т. е. Министерства внутренних дел и Министерства иностранных дел.[2] Из-за отсутствия же прямых межправительственных контактов с Болгарией остался невыясненным и нерешенным вопрос о материальном участии в реализации проекта болгарского правительства, и к концу года стало ясно, что "княжеское правительство совершенно устраняется от участия в расходах по производству опытов".[3]

Когда последнее обстоятельство стало известно в Министерстве внутренних дел, в феврале 1904 года Техническим отделением ГУПиТ было подготовлено заключение, послужившее основанием для представления товарища министра П. Н. Дурново в Министерство иностранных дел. Ссылаясь на недостаточное финансирование проекта, а также "ввиду зависимости беспроволочного телеграфа от атмосферных явлений, возможности перехвата депеш в пути и умышленного нарушения телеграфного действия посредством отправления сильных электрических волн из посторонних станций", Почтово-телеграфное ведомство резюмировало, что беспроволочный телеграф "не может заменить в международных сношениях обыкновенный телеграф с воздушными или подводными проводниками" и признавало невозможным приступить к устройству радиолинии Россия – Болгария.[4]

Благодаря усилиям Министерства иностранных дел, вопрос о соединении России с Балканами линией радиосвязи нашел свое продолжение только в 1907 году, когда в России побывал в связи с этим директор княжеских почт и телеграфов И. Стоянович. Поездка Стояновича была связана с готовностью Болгарии участвовать в реализации проекта по сооружению радиолинии путем начала строительства собственной радиостанции в Варне. От России требовался аналогичный шаг. Однако Министерство внутренних дел по-прежнему не собиралось строить собственную станцию на побережье Черного моря для международной связи, пытаясь переложить ответственность в данном вопросе на Военное и Морское ведомства, перенеся акцент в значимости этой станции не для межправительственного обмена, а для обороны государства.[5]

В 1909 году в Варне усилиями болгарского почтово-телеграфного ведомства фирмой Маркони была построена радиостанция для связи с Россией. Со стороны России в радиообмене с Варной должны были участвовать радиостанции Военного ведомства в Одессе и Морского ведомства в Севастополе. Для производства предварительных опытов в установлении радиосвязи выделялась Севастопольская радиостанция.[6] Однако из-за несогласованности программы опытов[7] они безуспешно продолжались более года, и получили завершение лишь в конце 1911 года. Тогда же Се-

[1] РГИА Ф. 565. Оп. 5. Д. 19339. Л. 1–8.
[2] РГИА Ф. 565. Оп. 5. Д. 19339. Л. 10, 11.
[3] РГИА Ф. 1289. Оп. 6. Д. 1508. Л. 14–16.
[4] РГИА Ф. 1289. Оп. 6. Д. 1508. Л. 17.
[5] РГИА Ф. 1289. Оп. 6. Д. 1508. Л. 19, 20, 23–25.
[6] РГИА Ф. 1289. Оп. 10. Д. 1019. Л. 9–11.
[7] РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 3960. Л. 1–17.

вастопольская радиостанция была соединена телеграфной линией с севастопольской почтово-телеграфной конторой, что обеспечивало, при необходимости, передачу в радиолинии правительственных радиограмм. С началом Первой мировой войны, когда Болгария выступила на стороне Тройственного союза, значение данной радиолинии было сведено к нулю.

Устройство радиостанций для связи с Западной Европой

Вторым направлением, требующим создания постоянных линий радиосвязи, было западноевропейское – Франция и Великобритания. В конце XIX – начале XX веков среди ведущих мировых держав все явственней обозначились контуры военно-стратегических союзов. Второстепенные противоречия отходили на задний план и начинали доминировать коренные интересы и генеральные цели. Так как главные мировые события в тот период непосредственно замыкались на Париж, Лондон, Берлин и Петербург, то отношения между этими четырьмя странами и определяли общую политическую ситуацию.

Германо-русские экономические противоречия 80–90-х годов XIX столетия ускорили сближение России с Францией. В 1887 году русское правительство получило первые займы в Париже. Одновременно с экономическими контактами происходило и политическое сближение России и Франции, главной причиной которого была угроза нападения Германии.

Французское правительство, заинтересованное в союзе с Россией, проявило инициативу в этом вопросе. Весной 1891 года оно предложило России заключить соглашение, которое и было подписано 15 августа. По этому соглашению обе стороны обязывались прилагать все силы к поддержанию мира и для этого проводить консультации по всем острым международным вопросам. Этот договор носил общий предварительный характер, но он позволил перейти к военному соглашению. В 1892 году в Петербурге состоялось совещание представителей русского и французского генеральных штабов, закончившееся подписанием русско-французской военной конвенции. В конце декабря – начале января 1894 года военная конвенция была ратифицирована правительствами обоих государств.

При наличии системы военно-политических блоков – Тройственного союза (Германия, Австро-Венгрия и Италия) и Русско-французского союза – Великобритании оставаться и дальше в состоянии "блистательного одиночества" становилось все труднее. В начале XX века Великобритании и Франции удалось преодолеть существовавшие разногласия и заключить союзническое соглашение. Это открывало возможность сблизить позиции между Лондоном и Петербургом, хотя подобного достичь было значительно сложней, чем между Лондоном и Парижем. Но в подобном развитии были заинтересованы обе стороны и в 1906 году начались дипломатические переговоры между Россией и Великобританией с целью урегулировать наиболее острые разногласия. Переговоры тянулись год, и 18 августа 1907 года между Россией и Великобританией был подписан договор. К концу 1907 года уже вполне определенно обозначилась геополитическая коалиция, включавшая Францию, Россию и Англию, получившая название "Тройственного согласия" ("Антанта").

Хотя военного соглашения между Россией и Англией заключено не было, статья 5 русско-французской военной конвенции предусматривала поддержание между союзными державами прямой связи для взаимных консультаций и согласования действий штабов.

Первым проявило инициативу в сооружении мощной радиостанции для связи с Западной Европой Морское министерство. Будучи в курсе начала сценария о соединении России с Балканами, А. А. Реммерт решил привлечь через Министерство иностранных дел к реализации предполагаемого проекта другие министерства и 16 ок-

тября 1906 года по личной инициативе обращается по данному вопросу к российскому послу в Берлине графу Н. Д. Остен-Сакену.[1]

> "Большое народонаселение Российского государства до сих пор терпит от недостатка в средствах сношения и отсутствия непрерываемой внешними силами связи метрополии с отдаленными округами государства и с Западной Европой. Территориальная протяженность побуждает правительство затрачивать большие средства, по сравнению с западными государствами, для преодоления громадных расстояний. Беспроволочный телеграф, являясь единственным средством непрерываемых сношений и не ограниченный расстояниями, имеет, поэтому, особенное для России значение и его роль в будущем для нее велика.
>
> Опыт минувшей войны побуждает Морское министерство сосредоточивать все усилия для развития беспроволочного телеграфа. Но средства Морского министерства ограничены. Они еще более сократились вследствие событий последних двух лет.[2] Задолго до начала смуты в России морской министр, еще в бытность главного командира Кронштадтского порта, указывал на необходимость устройства непрерываемых сообщений по беспроволочному телеграфу от Санкт-Петербурга до границы Германии, именно до Палангена. Вступив на пост морского министра, его высокопревосходительство А. А. Бирилев тотчас приказал составить этот проект, который, однако, не оказалось возможным выполнить не по недостатку технических сил в России, флот которой имеет восьмилетнюю практику беспроволочного телеграфа, но вследствие лишь отсутствия кредитов.
>
> В настоящее время беспроволочный телеграф достиг высокой ступени совершенства, и задачи, представлявшиеся два года тому назад трудными и дорогостоящими, стали ныне легкими и сравнительно дешевыми.
>
> С устройством мощной станции беспроволочного телеграфа в Санкт-Петербурге, где Морским ведомством уже приготовлено для нее место, возможно ныне непосредственно сноситься с Берлином для установления непрерываемой внешними силами связи с Западной Европой, а устройство такой же станции в Севастополе даст связь Санкт-Петербурга с южным военно-морским районом и Болгарией. При этом само собой понятно, что промежуточные пункты, как Москва, Киев, Самара и другие, с устройством в них станций меньших размеров сравнительно с двумя названными, будут также связаны с метрополией. В Севастополе уже намечена установка одной приобретенной мощной станции и ныне изыскиваются средства на ее оборудование, но для устройства мощной станции в Санкт-Петербурге для сношений с Берлином и Севастополем еще ничего не предпринято. Стоимость такой станции с установкой обойдется в 300000 руб. Эта же сумма является непосильной Морскому министерству, взятому отдельно.
>
> Так как в этом деле равно заинтересованы все министерства, то осуществление этого проекта возможно совместными усилиями при ассигновании на это предприятие части от кредитов, отпускаемых на каждое министерство. Выполнение же сего проекта поручить одному из ведомств".

В условиях революции акцент в роли и значимости радиосвязи для России был смещен. Граф Остен-Сакен, препровождая письмо Реммерта в Министерство иностранных дел, высказал соображение, "что при существующей тенденции обращаться к забастовкам, как к средству борьбы с правительством, подобное сооружение беспроволочного телеграфа в Санкт-Петербурге, а со временем и в прочих главных городах России, служило бы вероятно немалым подспорьем правительству в деле борьбы за порядок и благосостояние государства".[3] Революционные события сказались также и на подходе правительства к реализации предлагаемого А. А. Реммертом проекта. Отвечая на запрос Министерства иностранных дел по данному вопросу, председатель Совета министров П. А. Столыпин, не отрицая пользы, которую могло принести сооружение мощных радиостанций в Санкт-Петербурге и Севастополе, не признал их подлежащими безотлагательному осуществлению.[4]

В 1907–1909 годах высшее руководство оборонных ведомств России и Франции провело ряд совещаний, в ходе которых, в том числе, в качестве основного средства связи был признан радиотелеграф; были также определены пункты установки радиостанций и состав радиолиний международной связи. Установка радиостанций была признана целесообразной в Севастополе и Новогеоргиевске (впоследствии заменен

[1] РГИА Ф. 1289. Оп. 8. Д. 398. Л. 33, 34.
[2] Имелась в виду первая буржуазно-демократическая революция в России 1905–1907 годов.
[3] РГИА Ф. 1289. Оп. 8. Д. 398. Л. 32.
[4] РГИА Ф. 1289. Оп. 8. Д. 398. Л. 35.

на Бобруйск), а также в Париже (Эйфелева башня) и Бизерте[1] с образованием двух радиолиний: Севастополь – Бизерта и Бобруйск – Париж. Во второй половине 1910 года строительство станций, как в России, так и во Франции в основном завершается, и создаются реальные предпосылки к функционированию проектируемых радиолиний: в августе начинает работу первая радиолиния, в октябре – вторая.

В целях координации действий правительств и контроля за строительством радиостанций была образована смешанная франко-русская комиссия, работавшая в течение 1909–1911 годов. От России в состав комиссии входили представители оборонных ведомств капитан Д. М. Сокольцов (Военное министерство) и капитан 2 ранга В. Н. Кедрин (Морское министерство), от Франции – начальник центрального управления военных телеграфов майор Г. Феррье.

Во второй половине 1910 года сооружение радиостанций было завершено и начали функционировать обе радиолинии: 15 августа была установлена связь Бобруйск – Париж, 13 октября – связь в радиолинии Севастополь – Бизерта.[2]

С решением технических задач в сооружении радиолиний Россия – Франция назрела необходимость выработки организационных вопросов их функционирования. Для этого 10 августа 1911 года при Главном управлении Генерального штаба была образована особая комиссия под председательством генерал-майора Обручева. Итогом работы названной комиссии явилось учреждение при генеральных штабах союзных армий "Центрального делопроизводства франко-русского телеграфного сообщения", которое должно было ведать "всеми сношениями между лицами, коим предоставлено право пользоваться этим сообщением".[3]

Несмотря на то, что соединение радиостанций в Севастополе и Бобруйске с городскими телеграфными конторами создавало возможность использования для межправительственного обмена каналов радиосвязи, из-за низкой надежности использовались последние для указанной цели крайне редко. С целью повышения качества каналов связи производится модернизация радиопередатчиков в Бизерте, Севастополе и Бобруйске,[4] предпринимаются попытки организации связи между радиостанциями, имеющими минимальный разнос по географической долготе (например, Парижа с Гельсингфорсом). В конечном же итоге оказалось, что спустя семь лет после начала работ по сооружению радиолиний Севастополь – Бизерта и Бобруйск – Париж для межправительственной связи резервных каналов для передачи сообщений на случай войны создано не было.

Попытки установления радиосвязи с США и Японией

Начиная с 1912 года, Почтово-телеграфное ведомство России предпринимает попытки установления радиосвязи с Западной Европой, США и Японией. Инициатива в данном вопросе опять таки принадлежала не отечественным связистам; да и предложения их зарубежных коллег были продиктованы исключительно

[1] См. *Трибельский Д. Л.* Начало международной радиосвязи в России // Электросвязь. 1995, № 11, с. 42.

[2] В связи с этим следует отметить, что до марта 1910 года радиостанция в Бизерте не могла обеспечить прием радиограмм из Севастополя из-за недостаточной квалификации личного состава французской станции (как рядового, так и начальствующего персонала). Капитан 2 ранга В. Н. Кедрин совместно с представителями Франции, изучив причины неудовлетворительной работы радиолинии, доказал возможность надежного функционирования линии и обеспечил уверенный прием радиограмм в Бизерте. При этом не обошлось без жестких мер: в сентябре 1910 года начальником береговых радиостанций французского побережья вместо "малодеятельного" лейтенанта В. Колена был назначен лейтенант М. Жанс. С российской же стороны начальником Северной группы наблюдательных постов и станций Черного моря лейтенантом Львовым в это время была произведена модернизация подвижной станции с дальностью действия 150 миль, что обеспечило при той же мощности передатчика уверенную связь свыше 1000 миль; разработанный принцип был положен также в совершенствование схемы мощного передатчика системы Айзенштейна (РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 4046. Л. 150).

[3] РГИА Ф. 1289. Оп. 10. Д. 2427. Л. 34–45; Д. 2452. Л. 1–5.

[4] РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 4414. Л. 547.

меркантильными национальными интересами – попыткой компенсировать часть материальных затрат на сооружение своих мощных радиостанций.

Одним из первых предложений данного рода явилось поступившее в ГУПиТ России 10 сентября 1912 года конфиденциальное письмо начальника главного управления телеграфов Норвегии Г. Хефти.[1]

> "Имею честь сообщить, что мною заключена концессия с компанией Маркони в Лондоне на сооружение компанией за счет норвежского правительства большой радиотелеграфной станции на западном берегу Норвегии для сообщения с такой же радиотелеграфной станцией, устраиваемой той же компанией за свой счет в Соединенных Штатах Америки в Нью-Йорке.
>
> Новое сообщение будет открыто для общего пользования вероятно в 1914 году. Общая такса за слово между Норвегией и первой телеграфной зоной в Америке будет в 1,2 франка, для других американских зон плата будет увеличена соответственно стоимости передачи в этих зонах. Действительная такса за слово между Норвегией и Нью-Йорком и прочими городами в районе первой телеграфной зоны выразится в 1,72 франка. Эта такса будет разделяться поровну между норвежской администрацией и компанией Маркони. В случае необходимости мы устроим в будущем сообщение дуплексом. Очевидно, что подобное сообщение не будет исчерпано не только норвежской корреспонденцией, но и соседних стран, для которых я предложу таксы и другие условия по возможности благоприятные.
>
> Я был бы счастлив, если бы Вы использовали означенный путь для русско-американской телеграфной корреспонденции. Если бы Вы предпочли передавать телеграммы, о которых идет речь, между нашими двумя странами по беспроволочному телеграфу вместо обыкновенного, я мог бы предложить моему правительству устроить для этого отдельную радиотелеграфную станцию".

Аналогичные предложения были сделаны телеграфными учреждениями Швеции и Дании. Если по последним предложениям были приняты отрицательные решения (шведские радиостанции в Карлскроне и Гетеборге были признаны предназначенными "для иного рода службы", а датская станция в Копенгагене имела небольшую мощность для уверенной связи с Ригой и Ревелем),[2] то идея установления связи с Норвегией была с интересом воспринята в Почтово-телеграфном ведомстве России. Для организации связи Норвегия предложила радиостанцию Инго, Россия – завершенную постройкой станцию в Архангельске и проектируемую станцию в Санкт-Петербурге на Аптекарском о-ве.[3]

Реализация проекта по установлению связи с Норвегией началась лишь во второй половине 1914 года, когда 21 июля начальнику Архангельского почтово-телеграфного округа Н. П. Лапину предписывалось снестись по проволочному телеграфу с Инго, согласовать время и порядок проведения опытов и осуществить пробные сеансы радиосвязи.[4] В условиях начавшейся Первой мировой войны осуществление данного проекта имело бы важное стратегическое значение для России. Однако со времени, когда норвежское правительство ставило во главу угла исключительно экономические интересы, предлагая России установить радиосвязь, приоритеты приняли политический оттенок, что в конечном итоге привело к неудовлетворительным результатам опытов и всего проекта в целом.

Путем общения с заведующим радиостанцией Инго удалось достичь договоренностей, что опыты начнутся 23 июля и будут продолжаться в течение недели. Однако уже в первые дни из Норвегии в ГУПиТ поступили сообщения, что причиной отсутствия связи между Инго и Архангельском является недостаточная мощность передатчика русской станции.

Для выяснения причин неудовлетворительности опытов с Норвегией и принятия надлежащих мер к установлению надежной связи в радиолинии в Архангельск был командирован Н. А. Скрицкий. Организовав работы по сооружению новой приемной

[1] РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 1784. Л. 1.
[2] РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 1784. Л. 85, 87.
[3] РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 1794. Л. 1–5.
[4] РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 1857. Л. 1.

антенны и установив на радиоприемниках Архангельской станции усилители, Скрицкий все же не достиг уверенного приема норвежской станции. По его заключению, "неуспех кроется в неблагоприятных условиях освещенности и атмосферы, но главнейшим образом определяется выясненным несоответствием технического устройства станции в Инго". Было признано проведение опытов "при настоящих условиях" бесполезным и предложено использовать для опытов радиостанцию Югорского Шара.[1]

Несмотря на улучшение условий распространения радиоволн, вызванных наступлением полярной ночи, и подключением к опытам станции Югорского Шара, сколькнибудь заметных сдвигов в успехах опытов достигнуто в течение трех месяцев не было, хотя причина этого была установлена уже в сентябре личным составом Архангельской радиостанции.[2]

> «Архангельской радиостанцией работа радиостанции Инго впервые была обнаружена 1 сентября с пароходом "Двинск", находившимся в 40 милях от Архангельска. При дальнейших же после этого неоднократных попытках и, несмотря на хороший прием работы станции Инго, установить непосредственно с ней связь до сих пор не удалось.
>
> Принимая во внимание связь Инго с пароходом "Двинск", находившимся от нас в 40 милях, имеющего радиостанцию в 2 кВт, хороший прием нами работы Инго и, в то же время, хороший прием нашей работы северными станциями Югорский Шар, Вайгач и Маре-Сале, допустить, что Инго не мог обнаружить наших вызовов, нет оснований, а может быть отнесено лишь к нежеланию Инго иметь с нами связь».

Хотя об этом начальником Архангельского почтово-телеграфного округа и было доложено в столицу, ГУПиТ признало целесообразным опыты не прекращать и для их дальнейшего продолжения уточнить у инспектора норвежских телеграфов время и организацию работы в проектируемой радиолинии. Обменявшись с Инго всеми необходимыми данными, Архангельск начал серию новых сеансов связи. Во время вызова Инго на связь с 22 по 28 ноября норвежская станция отвечала и заявляла о слабой слышимости Архангельска, 29 и 30 ноября и с 1 по 4 декабря Инго на вызов вовсе не отвечал. В связи с этим 7 декабря начальник Архангельского почтово-телеграфного округа рапортом в ГУПиТ констатировал, что "неответы радиостанции Инго на вызовы Архангельской радиостанции, возможно объяснить только упорным нежеланием радиостанции Инго войти в связь с Архангельском".[3]

Однако и после этого руководство ГУПиТ с упорной настойчивостью предлагало Н. П. Лапину продолжать опыты. Решение о прекращении их было принято 20 декабря 1914 года на месте после того, как 10 декабря Инго, не отвечая на вызовы Архангельска, вполне успешно провел сеансы связи с находившимися в Архангельском порту пароходами "Курск" и "Канада".[4]

Скорее демонстрацией намерений, чем реальным проектом вхождения в систему международной радиосвязи, можно назвать попытку ГУПиТ установить связь через дальневосточные радиостанции с Америкой. При этом следует отметить, что инициатива в данном вопросе исходила не от VII (Технического) отделения, а от XI отделения (международных сношений и расчетов).[5]

> "Ввиду открытия радиотелеграфных станций на берегах Охотского и Берингова морей в Охотске, Наяхани и Анадыре и имеющейся на противоположной стороне Берингова моря на берегу Аляски радиотелеграфной линии от Нома до Анкориджа, которая в последнем пункте соединена с телеграфной сетью в Аляске, имеющей сообщение с телеграфами Канады, Британской Колумбии и Соединенных Штатов Америки, представлялось бы возможным установить радиотелеграфное сообщение между Анадырем и Номе и таким образом использовать радиотелеграфные станции в

[1] РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 1857. Л. 8, 9, 18, 19, 23, 25, 27.
[2] РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 1857. Л. 34, 35.
[3] РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 1857. Л. 40, 42, 43.
[4] РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 1857. Л. 43, 44.
[5] РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 1784. Л. 71.

Охотске и Наяхани для обмена телеграмм России с Аляской и другими владениями в Северной Америке.

Препровождая при сем русский перевод полученной от 2-го Департамента Министерства иностранных дел копии ответной записки морского департамента США на письмо Главного управления почт и телеграфов от 28 февраля 1913 года по означенному вопросу, XI отделение просит заключения VII отделения о том, возможно ли при настоящем оборудовании Анадырской радиотелеграфной станции сообщение с американскими радиотелеграфными станциями на о. Уналга (совр. Уналашка. – *Авт.*) и представляется ли для нас желательным указанное в ответной записке установление обмена метеотелеграмм, равным образом, не может ли встретиться в Анадыре затруднений в отношении применения для сношений английского языка".

Из ответа морского департамента США от 8 апреля 1913 года усматривается, что на предложение XI отделения путем установления связи между радиостанциями в Анадыре и Датч-Харборе организовать передачу в радиолинии метеорологических данных и частной корреспонденции американская сторона признала:

а) использовать для связи с Россией не станцию Датч-Харбор, имеющую недостаточную мощность, а расположенную от нее в 16 милях более мощную станцию на о. Уналга;

б) предполагаемый обмен метеосообщениями мог начаться тотчас, как только обе радиостанции войдут в связь;

в) вопрос об осуществлении обмена коммерческой корреспонденцией требует дополнительного изучения.[1]

VII отделение ГУПиТ отнеслось к проекту установления радиосвязи Чукотки с Аляской с определенной сдержанностью. Признавая, что успешная реализация данного проекта позволила бы уменьшить стоимость передачи десятисловной телеграммы из России в США от 5,9 руб. до 1,2 руб., Техническое отделение, вместе с тем, не склонно было пускаться в авантюрные мероприятия – для однозначного ответа на вопрос о возможности организовать надежную радиосвязь с Америкой требовался хотя бы годичный опыт эксплуатации отечественных радиостанций Охотского побережья и Чукотки.[2]

Несмотря на истекший годичный срок эксплуатации радиостанций, ГУПиТ до конца 1913 года не стало инициатором скорейшего воплощения в жизнь проекта радиосвязи с Америкой. Не было им предпринято эффективных мер по налаживанию связи и после того, как американским правительством было принято предварительное решение "об установлении обмена платных коммерческих и частных радиотелеграмм между русской радиостанцией Анадырь и американской Уналга";[3] для окончательного же решения требовалось заключение соответствующего международного соглашения, что налагало бы на Почтово-телеграфное ведомство России определенные обязательства по его выполнению. Неустойчивость радиосвязи Анадыря с Наяханью и Охотском, вызванная широтным расположением чукотской радиостанции, не давала оснований ГУПиТ быть уверенным в выполнении взятых на себя международных обязательств, в связи с чем в Министерство иностранных дел 15 апреля 1914 года был дан ответ следующего содержания.[4]

"Радиотелеграфная связь между радиостанциями Анадырь и Уналга, насколько это выяснено практикой, вполне возможна в течение круглого года. Но радиостанция Анадыря присоединена к имперской [телеграфной] сети через переприем или в Наяхани и в Охотске, или в Наяхани и Ни-

[1] РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 1784. Л. 72.

[2] По докладам дальневосточных радиостанций, они и раньше осуществляли эпизодически прием американских радиостанций. По указанию ГУПиТ 10 октября 1913 года радиостанция Анадырь вошла в связь с американскими станциями на о. Уналга, в форте Святого Павла на одноименном острове и в Номе; все это были лишь пробные сеансы связи, не налагающие никакой ответственности на обе стороны в обязательности приема и своевременной доставки радиограмм адресату (РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 1784. Л. 75–78).

[3] РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 1784. Л. 80.

[4] РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 1784. Л. 83.

колаевске-на-Амуре. Таким образом, передача между Наяханью и Анадырем является неизбежным звеном на направлении обмена радиотелеграмм между Россией и Америкой.

Между тем эксплуатация двух последних радиостанций выяснила, что в летнее время (июнь, июль), когда вследствие белых ночей и обилия атмосферных разрядов создаются особенно неблагоприятные условия для радиотелеграфной передачи, обмен между названными радиостанциями делается затруднительным. Вследствие сего при современном состоянии радиотелеграфной передачи между Анадырем и Наяханью установление обмена радиотелеграмм между Россией и Америкой через Анадырь с принятием обязательства непременной доставки радиотелеграмм через три дня и при условии возвращения подателю платы в случае увеличения срока доставки, по мнению VII отделения, не может быть осуществлено.

Однако при использовании новейших усилителей приема (типа катодное реле) осуществление сообщения с Америкой могло бы оказаться вполне возможным.

<...> Полагалось бы: заготовить для радиостанций в Наяхане и Анадыре усилители звука (катодные реле) по одному на каждую из названных радиостанций. По выяснении результатов улучшения приема между названными радиостанциями сообщить о сем в XI отделение для дальнейшего решения вопроса об обмене телеграмм с Америкой".

Дальнейшие мероприятия по установлению постоянной радиосвязи России с США были прерваны начавшейся через три месяца мировой войной и в последующем данный вопрос в российском Почтово-телеграфном ведомстве больше не поднимался. Так что говорить об открытии русско-американской радиолинии для передачи коммерческой корреспонденции, как утверждает Д. Л. Трибельский, не приходится.[1]

С дальневосточными радиостанциями связана еще одна попытка Почтово-телеграфного ведомства вхождения в систему международной радиосвязи. В данном случае инициатором создания радиолинии Петропавловск-на-Камчатке – о. Иезо (Хоккайдо) выступила в ноябре 1914 года главная дирекция почт и телеграфов Японии. Насущность данной радиолинии японское правительство объясняло потребностями рыбопромышленников, суда которых численностью свыше 400 во время путины у берегов Камчатки "терпят большие затруднения от неудовлетворительности телеграфного сообщения с родиной", а также для обеспечения безопасности судоходства.[2]

Трудность в решении данной задачи состояла в том, что Петропавловская радиостанция должна была рабочей волной судовых радиостанций (600 м) обеспечить надежную связь на дистанциях до 1300 верст (на 200 верст больше радиотрассы с Николаевском-на-Амуре), для чего требовалось составить подробную программу опытов, выполнить предварительные работы и лишь после этого приступить к пробным сеансам связи. Помимо технических вопросов требовал также выяснения политический вопрос – "не будет ли установление такой связи, направленное к успеху японских рыбных промыслов у берегов Камчатки, служить в ущерб русским интересам", для чего требовалось заключение Приамурского генерал-губернатора.[3]

В силу указанных обстоятельств реализация проекта создания радиолинии Россия – Япония растянулась более чем на год.[4] Лишь в 1916 году была установлена постоянная радиосвязь Петропавловска-на-Камчатке с японской радиостанцией в г. Очиши (совр. Омцебу. – *Авт.*) на о. Иезо.[5]

Устройство мощных радиостанций для связи с союзниками

Инертность Почтово-телеграфного ведомства России по вхождению в международную систему радиосвязи и ориентация в развитии международных сношений на проволочные и кабельные линии телеграфной связи[6] привели к тому, что резервных каналов правительственной связи с союзными государствами к началу Первой

[1] См. *Трибельский Д. Л.* Начало международной радиосвязи в России // Электросвязь. 1995, № 11, с. 41, 42.
[2] РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 1856. Л. 1, 2.
[3] РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 1856. Л. 3.
[4] РГИА Ф. 1289. Оп. 13. Д. 496.
[5] РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 2791.
[6] Размер отчислений, получаемых Почтово-телеграфным ведомством России от телеграфного обмена с Францией, Англией и США в 1914 году, составлял 1,5 млн. руб. (РГИА Ф. 1276. Оп. 9. Д. 413. Л. 64).

мировой войны империя не имела (за исключением радиолиний оборонных ведомств Севастополь – Бизерта и Бобруйск – Париж). Это вынудило Военное министерство с началом военных действий в спешном порядке приступить к строительству мощных радиостанций в Царском Селе, Москве и Николаеве, а также приемного радиоцентра в Твери; кроме того, для связи с союзниками в первые месяцы войны использовалась радиостанция Петроград-Лопухинская, установленная на заводе РОБТиТ.

Всеми радиостанциями за 1914–1915 годы было передано 4587 радиограмм объемом 154423 группы и принято 3028 радиограмм емкостью 84230 групп. Среднесуточная нагрузка в радиолинии составляла 11 исходящих (2 правительственных, 8,5 служебных и 0,45 частных) и 7 входящих (1 правительственная, 6 служебных и 0,4 частных) радиограмм. Данные показатели позволяют предположить, что отсутствие соответствующей практики в пользовании радиосвязью в мирное время не способствовало ее широкому применению для целей высшего политического и военного управления с началом войны.

Бесспорно, что устройство мощных радиостанций Военным министерством в первые месяцы войны позволило создать резервные каналы связи с союзными государствами, имеющими важное значение в военное время. Не подлежит сомнению и тот факт, что работа эта была выполнена со значительным опозданием и в спешке,[1] в результате чего Россия получила устаревшие искровые радиопередатчики, уплатив за них десятки миллионов рублей зарубежным радиотехническим фирмам.

[1] Напомним, что строительство мощной радиостанции для международных сношений в Москве планировалось Военным ведомством уже с 1910 года (РГИА Ф. 1289. Оп. 10. Д. 1158. Л. 8, 9), однако в течение четырех лет Главным военно-техническим управлением никаких действий по реализации проекта предпринято не было.

Успешное боевое управление на 90% зависит от безотказного действия средств связи, от высокой подготовки того личного состава, который их обслуживает и, наконец, от правильной организации связи.

И. М. Лудри

10
СИСТЕМА СВЯЗИ ОБОРОННЫХ ВЕДОМСТВ КАК ЭЛЕМЕНТ ВОЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА СТРАНЫ

Ни одна война в истории не начиналась без заблаговременной материально-технической подготовки, инженерного оборудования предполагаемого театра боевых действий. Для достижения успеха вооруженные силы противоборствующих сторон обеспечивались соответствующим оружием, боевой техникой и другими материальными средствами. Опыт многочисленных войн и военных конфликтов подтверждает прямую зависимость боевой мощи армий от состояния экономики, производительных сил, своевременного внедрения в военную практику результатов научных и технических открытий.[1]

Особенно большое влияние научно-технический прогресс оказывает в военном деле на качественное развитие вооружения и боевой техники как наиболее подвижные элементы материальной базы войны, в создании и производстве которых с наибольшей полнотой применяются последние научные достижения. Новые виды оружия и боевой техники, в свою очередь, неизбежно вызывают изменения в тактике, оперативном искусстве, стратегии, в организации вооруженных сил. Но эти изменения наступают не сразу, а лишь по мере эволюции совершенствования нового оружия и боевой техники, массового поступления его в войска и на флот и превращения в одно из основных средств ведения войны.[2]

Исторический опыт свидетельствует, что процесс изменения в военном деле, происходящий под воздействием нового оружия или военной техники, может протекать медленно, эволюционным путем, как это было при внедрении радио на начальном этапе его развития в 1900–1905 годах, либо совершаться в виде резких революционных преобразований во всех областях военного дела, как это наблюдается в настоящее время в связи с развитием современной радиоэлектроники, составляющей не только техническую основу систем управления войсками и силами флота, но и входящей в состав важнейших комплексов оружия в качестве неотъемлемых их частей.

Резкие скачки в развитии вооружения и военной техники, применяемые единично, в небольших количествах и не объединенные цельной системой взглядов на способы и приемы их боевого применения, как это было с применением радио во время Русско-японской войны 1904–1905 годов, не могут существенно повлиять на характер боевых действий; лишь по мере увеличения их количества, совершенствования качественных характеристик, а также накопления опыта применения появляется возможность в полной мере реализовать боевые свойства новой техники. Тогда-то и происходят существенные изменения в способах вооруженной борьбы, и новое оружие или техническое средство оказывает соответствующее влияние на основные категории военного искусства (маневр, массирование сил, внезапность и т. д.), в которых важнейшее место занимает процесс управления войсками, силами и оружием.[3] Кроме

---

[1] См., напр.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20. М. 1961, с. 171.

[2] См.: *Гречко А. А.* Вооруженные Силы Советского государства. Изд. 2-е, доп. М., 1975, с. 177.

[3] См.: *Вьюненко Н. П., Макеев Б. Н., Скугарев В. Д.* Военно-морской флот: роль, перспективы развития,

того, успешное решение множества как организационно-технических, так и оперативно-тактических проблем, возникающих в процессе внедрения новых видов вооружения и военной техники, возможно лишь при наличии централизованного руководства соответствующей специализацией военного дела со стороны образованных для этих целей специальных служб.

Исторически обстоятельства сложились таким образом, что первоначально радио было принято на вооружение Российского императорского флота и лишь затем нашло применение в Военном министерстве и гражданских ведомствах. В связи с этим исследование процесса создания и деятельности сети радиостанций оборонных ведомств России логично начать с решения ее в Морском министерстве.

СОЗДАНИЕ СИСТЕМЫ СВЯЗИ МОРСКОГО МИНИСТЕРСТВА

Россия вступила в XX столетие, имея устаревший флот, что побудило правительство приступить к созданию морских сил, необходимых для обороны морских берегов.[1] Разобщенность морских театров военных действий вынуждала содержать самостоятельные морские силы на каждом из них.[2] Корабли базировались в военных портах Балтийского, Черного и Каспийского морей, а также в Тихом океане. На Северном морском театре военно-морских сил Россия не имела; для наблюдения за побережьем на Север отправлялся посыльный корабль "Бакан".[3]

Почему броненосные корабли использовали тактику парусного флота?

Принятым в конце XIX века Морским уставом предусматривалось наличие штабов на каждом из флотов.[4] Но, поскольку флотские штабы являлись вспомогательными органами командующих, они не проявляли инициативы в деле управления. Командующие готовили флоты для боевых действий каждый по своему разумению. При этом господствующей идеей в тактике являлось ведение морского боя в кильватерной колонне или на контргалсах, сохранившиеся со времен парусного флота и в значительной степени обусловленные несовершенством используемых для управления силами средств связи.

Средства связи, находившиеся на вооружении Российского флота, равно как и флотов других государств, почти до конца 90-х годов прошлого столетия развивались крайне медленно и, строго говоря, основные их виды находились на уровне конца XVIII – начала XIX веков. Для управления силами в море использовались флаги, сигнальные фигуры, сигнальные фонари, голубиная почта и прожекторы. На берегу широко применялась телеграфная и телефонная связь по воздушным, подземным и подводным линиям связи.[5]

До 1869 года штатами кораблей не были предусмотрены специалисты для ведения сигналопроизводства, а в случае необходимости для этого назначались 2 мичмана и 8 матросов. Приказом по флоту от 13 декабря 1869 года "в видах значительного развития сигнальной судовой части" в штабах и на кораблях Российского флота была введена штатная должность сигнальщика из унтер-офицеров и рядовых; одновременно

использование. М., 1988, с. 82.

[1] *Козлов И. А.* Русский военно-морской флот в период капитализма (вторая половина XIX – начало XX вв.). А. р. дис. …к. и. н. Л., 1961, с. 18–19. См. также: *Горшков С. Г.* Морская мощь государства. М., 1976, с. 138–143, 145–155. *Шацилло К. Ф.* Русский империализм и развитие флота. М., 1968, с. 36–39. История военно-морского искусства. М., 1969, с. 77–82.

[2] РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 2829. Л. 2.

[3] Морской сборник. 1908, № 1. Офиц. отдел, с. 8-12.

[4] Морской устав. 1899, СПб., 1899.

[5] РГА ВМФ Ф. 17. Оп. 1. Д. 129. Л. 4; Ф. 417. Оп. 1. Д. 1464; Ф. 418. Оп. 1. Д. 146. Л. 227. Всеподданнейший отчет по Морскому министерству за 1906–1909 годы. СПб., 1911, с. 174. Конспект лекций по тактике, читанных старшим лейтенантом Гончаровым 1-м. Средства связи. СПб., 1913, с 5.

приказ определял и штатную численность сигнальщиков в штабах и на кораблях, а также порядок производства в звание штатных сигнальщиков. С этого времени сигнальщиками и сигнальной частью на кораблях в соответствии со ст. 1061 Морского устава заведовали старшие штурманские офицеры, в помощь которым, равно как и флаг-офицеру штаба командующего, могли назначаться младшие офицеры, юнкера или воспитанники. Централизованное руководство развитием и усовершенствованием морской сигнальной части осуществлялось Военно-морским Ученым отделом Главного морского штаба.[1]

ПРИКАЗ [2]
его императорского высочества генерал-адмирала
в Санкт-Петербурге, декабря 13 дня 1869 года
№161

Государь император в 8-й день сего декабря месяца величайше повелеть соизволил: в видах значительного развития сигнальной судовой части учредить на флоте новое звание сигнальщиков из унтер-офицеров и рядовых с производством им жалования и прочего довольствия, присвоенного штатами для боцманматов, квартирмейстеров и матросов 1-й статьи, и за тем выполнением обязанностей сигнальщиков барабанщиками и горнистами отменить.

Объявляя о сем по Морскому ведомству, предписываю:

1) производить в звание штатных сигнальщиков не иначе как по выдержании экзаменов в особой комиссии, назначаемой перед окончанием кампании на одном из плавающих судов по усмотрению флагмана;

2) для определения числа сигнальщиков в табели комплектации судов командами, установленной 24-м пунктом моего приказа от 3 марта сего года за №34, руководствоваться нижеследующей таблицей:

Структуры флота	Унтер-офицеров	Рядовых
В штабы		
Флагмана, имеющие под своим командованием других флагманов контр-адмиральского командования.	4	3
Отдельного отряда из нескольких судов.	1	3
На судах		
1-го ранга	1	5
2-го ранга	–	3
3-го ранга	–	1
4-го ранга (имеющего мачты)	–	1

Подписал генерал-адмирал Константин

К началу XX века на побережье морей России была создана система береговых наблюдательных постов, связанных между собой и военно-морскими базами сетью подводных кабелей, воздушной проводной и оптической сигнализацией. Наличие телеграфной связи на побережье позволяло кораблям, находящимся в различных прибрежных районах, через береговые наблюдательные посты пользоваться телеграфом для связи с командованием своих соединений и флота.[3]

Таким образом, в конце XIX века применяемые для управления силами русского флота средства связи были далеки от технического совершенства. Не менее несовершенной являлась и организация их применения как на кораблях, так и на берегу. Наряду с этим, благодаря общему прогрессу науки и техники, были достигнуты значительные успехи в области военного кораблестроения, развития корабельного оружия и технических средств, что позволяло во многом изменить виды боевой деятельности

[1] Морской устав. 1899. СПб., 1899, с.347. Собрание узаконений, постановлений и других распоряжений по Морскому ведомству за 1869 г. *Миницкий К. С*. О порядке производства работ при вооружении кораблей для плавания по морям. СПб., 1896, с. 117. *Пантелеев Ю. А*. Развитие штабов в русском флоте от их зарождения до наших дней. Ч. 1. Л., 1949, с. 44.

[2] Собрание узаконений, постановлений и других распоряжений по Морскому ведомству за 1869 г. СПб., 1870, с. 155–156.

[3] Собрание узаконений, постановлений и других распоряжений по Морскому ведомству за 1866 г. СПб., 1867, с.442. *Веселаго Ф*. Краткая история русского флота. Вып. 2. СПб., 1895, с. 57, 58.

флота, внедрение в практику которых в значительной степени сдерживалось несовершенством средств связи и организационных форм их применения.

Чтобы устранить этот существенный недостаток в управлении силами флота требовался в первую очередь новый, принципиально отличный от существовавших род связи, позволявший обеспечить передачу сообщений на установившиеся дистанции между боевыми порядками эскадр и отрядов, каковым в результате достижений науки и техники конца XIX века могла стать радиосвязь.

Тактика ведения эскадренного боя и сложившийся в эпоху парусного флота, ввиду несовершенства связи на соединениях, принцип децентрализованного управления силами наложили отпечаток на развитие радиосвязи в первые годы ее применения после принятия радиоустановок на вооружение флота. Исходя из децентрализованного управления силами флота, когда решение на бой и руководство подчиненными кораблями являлись прерогативой флагмана, основной акцент был сделан на первоочередном радиооснащении корабельного состава; береговые радиостанции, устроенные в первое время, предназначались преимущественно для целей подготовки минных офицеров и корабельных минеров, в чье ведение было передано корабельное радиодело. В итоге, как свидетельствуют последующие события, театры военных действий (в первую очередь Тихоокеанский) в радиотехническом оснащении своевременного оборудования не получили.

Процесс формирования системы радиосвязи на флоте осуществлялся по трем направлениям – создание материально-технической базы, решение административно-правовых вопросов и подготовка кадров – и прошел в своем развитии ряд этапов, характеризующихся экономическим положением государства, складывающимся внутриполитическим положением в стране и международной обстановкой; при этом каждый этап имел свои особенности, определяющиеся человеческим фактором.

Начало радиовооружения флота

Радиооснащение флота берет свое начало 8 марта 1900 года, когда управляющему Морским министерством был представлен доклад Морского технического комитета с предложением начать установку радиостанций на кораблях.[1] Хотя решение о принятии радио на вооружение флота было принято уже после утверждения бюджета Морского министерства на 1900 год, в котором не предусматривались ассигнования на радиооборудование, вице-адмирал П. П. Тыртов, правильно понимая значение нового средства связи для управления силами, тем не менее приказал нынче же начать работы по радиовооружению кораблей Практической эскадры Черного моря и строящихся кораблей для Балтийского флота.[2] Полгода спустя, в дополнение к этому, было приказано произвести также установку радиостанций на строящихся за границей кораблях, предназначавшихся для отправки на Дальний Восток. Для первоначальных работ по оснащению кораблей радиостанциями были заказаны во Франции у Э. Дюкрете 18 радиостанций на сумму 62823 франка.[3]

Первыми кораблями русского флота, на которых были установлены радиостанции, явились эскадренные броненосцы "Полтава" и "Севастополь", а также крейсер 1 ранга "Громобой", прибывшие весной 1901 года на Тихоокеанскую эскадру.[4] Отношением Главного морского штаба от 5 октября 1900 года в адрес адмирала Е. И. Алексеева предписывалось, с прибытием кораблей на театр, проводить систематические тренировки и учения по радиосвязи с тщательным анализом положительных и

[1] РГА ВМФ Ф. 421. Оп. 4. Д. 612. Л. 24, 31–33.170–171. Рассматривая проблему развития системы радиосвязи комплексно, следует отметить, что принятие радио на вооружение Российского флота положило начало созданию не только ведомственной, но и общегосударственной сети радиостанций.

[2] РГА ВМФ Ф. 427. Оп. 1. Д. 498. Л. 1–4.

[3] РГА ВМФ Ф. 427. Оп. 1. Д. 498. Л. 17–19, 21, 23. 31, 95.

[4] РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 2298. Л. 18.

отрицательных сторон нового дела. Однако указание Главного морского штаба осталось невыполненным, так как с прибытием в Порт-Артур названных кораблей распоряжением начальника эскадры станция с "Севастополя" была перенесена на броненосец "Петропавловск", а с "Полтавы" – на крейсер "Россия". С убытием "России" и "Громобоя" для базирования во Владивосток в главной базе остался лишь "Петропавловск", осуществлять отработки по радиосвязи которому было не с кем.[1] Кроме того, стремясь уменьшить расходы на плавание кораблей и обеспечить сохранение ресурсов корабельного вооружения и техники, решением правительства в конце 1901 года часть боевых и вспомогательных кораблей эскадры Тихого океана была зачислена в вооруженный резерв.[2] Подобное решение ограничивало выходы кораблей в море и проведение практических стрельб, что не лучшим образом сказывалось на практической выучке личного состава, интенсивности боевой подготовки эскадры Тихого океана и ее боеспособности.

В первой половине 1901 года руководство Морским министерством принимает решение о дополнительном вооружении кораблей Тихоокеанской эскадры радиостанциями и, что весьма важно, приходит к выводу о необходимости устройства в Порт-Артуре и во Владивостоке береговых радиостанций для связи с кораблями в море. С этой целью во второй половине 1902 года были установлены радиостанции на семи кораблях, отправляемых на Дальний Восток, и, кроме того, на эскадренном броненосце "Пересвет" отправлены шесть станций для вооружения четырех кораблей эскадры и устройства береговых станций в Порт-Артуре и Владивостоке. Для придания радиоделу на театре определенной организации распоряжением Главного морского штаба от 24 июля 1901 года для заведования радиосвязью на Тихоокеанской эскадре по рекомендации А. С. Попова был командирован в Порт-Артур лейтенант Р. И. Берлинг, а на переход кораблей с Балтики в Тихий океан для наблюдения за радиоустановками и обучения личного состава правилам их использования командировался заведующий Кронштадтской радиомастерской Е. Л. Коринфский.[3]

Однако из-за несовершенства радиостанций, отсутствия должной организации и слабой выучки личного состава добиться желаемых результатов по надежному функционированию радиосвязи на Тихоокеанской эскадре и повышению эффективности управления силами не удалось. Как следует из доклада начальника эскадры вице-адмирала Н. И. Скрыдлова,[4]

> «…присланные телеграфы системы "[Попов]-Дюкрете" при испытании дали на некоторых судах наибольшие расстояния в 14 миль, без отказа на всех судах получал [сообщения] до 5 миль, старые приборы не всегда действуют даже на рейде».

Положение несколько изменилось после установки под руководством портового минера лейтенанта Славинского летом 1903 года в Порт-Артуре на Золотой горе береговой радиостанции. В ходе отработок по радиосвязи, проведенных при выходах кораблей в море с 8 по 22 июля, удалось достичь дальности связи с берегом от 25 до 74 миль. Тогда же была устроена береговая радиостанция и во Владивостоке в здании Минной мастерской на о. Русском. Для установления определенной организации связи на Тихоокеанской эскадре циркуляром штаба от 26 февраля 1903 года были объявлены Правила телеграфирования и форма телеграфного журнала.[5] Названные меры несколько улучшили возможности по управлению силами на эскадре, но проблема

---

[1] См.: Русско-японская война 1904–1905. Кн. 1. СПб., 1912, с. 261.

[2] См.: Временные правила о вооруженном резерве в портах Тихого океана. СПб., 1901.

[3] РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 2298. Л. 69, 73, 74, 78, 79, 93, 94, 102–110, 135, 136, 330, 342, 343; Ф. 427. Оп. 1. Д. 615. Л. 17, 18, 30, 39, 50, 113, 137, 149, 158; Ф. 930. Оп. 9. Д. 396. Л. 328

[4] РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 2298. Л. 291.

[5] РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 2298. Л. 373; Ф. 421. Оп. 4. Д. 737. Л. 208–209, 255, 261–268.

надежной дальней радиосвязи как внутри отрядов, так и связи флагманов с берегом, а также Порт-Артура с Владивостоком была еще далека от своего разрешения.

Наряду с Тихоокеанским театром военных действий, на котором за три года парк радиостанций был доведен до 22 установок (17 в Порт-Артуре и 5 – во Владивостоке),[1] в 1900–1904 годах Морским министерством предпринимаются усилия по радиооснащению флотов Балтийского и Черного морей. Береговые станции были установлены на форте Меншикова, Морском телеграфе в Кронштадте, у Дерябинских казарм в Петербурге (все для учебных целей и исследовательских работ), в Петергофской военной гавани, Ревеле и Свеаборге.[2]

Начало административно-правового регулирования использования радиосвязи

Одной из важных причин, тормозивших внедрение радио на флоте и повышение эффективности управления силами, являлось несовершенство административно-правовой стороны этого нового вида морского дела. Признавая радиостанции одним из основных технических устройств корабля и важным средством государственной обороны, руководство Морского министерства первоначально не смогло определиться со всей сложностью многогранного процесса его рационального развития. Недооценка наукоемкости нового вида вооружения, сложности и особенностей как технических, так и организационных вопросов его внедрения и использования, привели к упрощенному подходу в решении производства радиоаппаратуры, установки ее на корабли и береговые объекты, организации боевой подготовки, подготовки специалистов и т. п.

Нежелание вводить новые административные учреждения, должности и специальности привело к тому, что все вопросы, относящиеся к радиосвязи, были вменены различным должностным лицам в качестве дополнительных к их основным служебным обязанностям. Все организационные и технические вопросы были сосредоточены в Морском техническом комитете у главного инспектора минного дела и портовых минеров. Хозяйственной стороной дела (заказы, финансирование и т. п.) ведало Главное управление кораблестроения и снабжений и администрация военных портов. Вопросы организации и боевого применения радиосвязи были отнесены к ведению оперативных отделений Главного морского штаба и штабов флотов, флагманских минных офицеров соединений. Обслуживание радиостанций на кораблях и ведение радиообмена поручалось минным офицерам кораблей и корабельным минерам.

Подобная практика, широко развитая в Морском ведомстве, имела негативные стороны не только для интересов дела, но и затрагивала служебную перспективу и материальное положение имеющих к нему отношение людей. Занимаясь дополнительными "береговыми" обязанностями, офицер терял морское денежное довольствие, выслугу лет в плавсоставе и другие преимущества корабельной службы. Чтобы избежать вызванного такими назначениями ухудшения положения офицерского состава, руководство вынуждено было идти на сознательные нарушения оргштатных и связанных с ними финансовых вопросов. В итоге же оказывалось, что целесообразней открыть новую должность или ввести дополнительный штат, но арифметическими расчетами никто не занимался и хорош был тот руководитель, который реже поднимал вопрос о пересмотре организации и штатной численности своего департамента.

Вот, например, как решался вопрос об управлении береговыми радиостанциями на Черном море. Хотя данный документ и относится к 1907 году, подход к его решению характерен и для рассматриваемого периода.[3]

---

[1] РГА ВМФ Ф. 427. Оп. 1. Д. 962. Л. 57, 102–103.

[2] РГА ВМФ Ф. 427. Оп. 1. Д. 615. Л. 154, 160; Ф. 930. Оп. 9. Д. 429. Л. 146; Оп. 22. Д. 108. Л. 164, 167–169, 315–318; Д. 130. Л. 9, 170–172.

[3] РГА ВМФ Ф.417. Оп. 1. Д. 3561. Л. 34.

Начальнику штаба Черноморского флота

3 января 1907 г. №28

Озабочиваясь вопросом о материальном обеспечении лиц, заведованию которых поручен у нас беспроволочный телеграф, обращаюсь с просьбой не отказать уведомить не встречается ли каких-либо препятствий к назначению лейтенанта Кедрина вторым флагманским минным офицером в штаб командующего Отдельным практическим отрядом с тем, чтобы означенный офицер кроме станций беспроволочного телеграфа на всех судах флота по-прежнему продолжал заведовать и береговыми учреждениями по радиотелеграфу. Это единственная мера, благодаря которой можно было бы вознаградить лейтенанта Кедрина за его труды по заведованию радиотелеграфом, так как зачисление его на морское денежное довольствие исключительно при заведовании береговым учреждением могло бы вызвать нежелательный запрос со стороны контроля.

Начальник Главного морского штаба Нидермиллер.

Из-за отсутствия в МТК специалистов по радиосвязи, с 1901 года "заведующим установкой телеграфирования без проводов" в Морском ведомстве значился А. С. Попов. С началом массового радиовооружения флота он не мог справиться со всем объемом предстоящей работы, не знал в тонкостях корабельное дело, кроме того, являясь служащим, Попов был ограничен возможностью взаимодействия с различными военными учреждениями. По ходатайству А. С. Попова, в 1901 году на флоте учреждается должность "офицера, наблюдающего за установкой телеграфа без проводов на судах флота", на которую был назначен флагманский минный офицер штаба 1-й флотской дивизии лейтенант К. Ф. Шульц. Занятый исполнением обязанностей по своей основной должности, Шульц через год попросил сложить с него дополнительную нагрузку. С уходом же А. С. Попова в 1901 году в Электротехнический институт, в 1902 году наблюдающим за установкой на судах флота приборов телеграфирования без проводов назначается заведующий Кронштадтской радиомастерской Е. Л. Коринфский, в помощь которому были назначены два помощника – мастер Минной мастерской А. Гальцов (по технической части) и минный квартирмейстер Капустин (для обучения минеров обращению с приборами).[1] Таким образом, с 1902 года в Морском министерстве вопросы производства радиоаппаратуры, радиооснащения кораблей и подготовки радиоспециалистов были поручены лицам, не обладающим ни соответствующим служебным положением, ни должной инженерно-технической и педагогической подготовкой, что можно расценить как шаг назад в организации радиодела, принятой два года назад.

О необходимых мерах по организации специальной подготовки личного состава для обслуживания радиоустановок Морской технический комитет отмечал в своем докладе управляющему Морским министерством еще 7 марта 1900 года. К началу XX века в Морском ведомстве придерживались правила, что "как на сухом пути, так и на море главный, первенствующий элемент в бою, это – качество личного состава [и] сколь ни важна материальная часть, она сильно теряет, если личный состав недостаточно хорошо обучен, чтобы держать ее в исправности и умело ее использовать в бою".[2] В связи с этим по поручению Морского технического комитета уже в апреле 1900 года А. С. Поповым была разработана Программа чтения лекций о телеграфировании без проводов (15 час.) и Программа практических занятий (100 час.), Главным управлением кораблестроения и снабжений выделены на оплату занятий 1060 руб. и в мае первая группа из 10 офицеров (4 с Балтийского флота и 6 – с Черноморского) и 12 минных квартирмейстеров (5 и 7 соответственно) приступила к занятиям.[3] В дальнейшем обучение личного состава происходило как в Минном офицер-

[1] РГА ВМФ Ф. 427. Оп. 1. Д. 615. Л. 7–8; Д. 779. Л. 48, 55, 58, 59; Д. 1164 ч. 1. Л. 270; Ф. 440. Оп. 1. Д. 138. Л. 39, 99; Ф. 930. Оп. 9. Д. 396. Л. 105, 107,–109, 111, 155; Д. 429. Л. 158–159; Оп. 22. Д. 108. Л. 129, 132, 133, 149, 150.

[2] См.: *Кладо Н.* Военно-морские очерки и заметки // Морской сборник. 1902, № 8. Неофиц. отдел, с. 36.

[3] РГА ВМФ Ф. 421. Оп. 4. Д. 612. Л. 170–171, 176, 182, 193–195; Ф. 427. Оп. 1. Д. 498. Л. 2, 8–11, 18–

ском классе и на Учебно-минных отрядах Балтийского и Черного морей, так и при производстве монтажных и пуско-наладочных работ на кораблях и в ходе боевой подготовки соединений.

Несмотря на принятые оперативные меры по подготовке специалистов, добиться заметного повышения эффективности управления силами флота не удалось, что объяснялось, наряду с другими причинами, слабой подготовкой личного состава и, главным образом, низших чинов. Первое время чуть ли не на всех кораблях радиостанции работали только при нахождении в радиорубке офицеров, в остальное же время станция на вызов не отвечала.[1]

Анализ организационно-технической стороны использования радиотелеграфа в процессе боевой подготовки кораблей Российского флота показывает, что в силу указанных выше причин радио в ходе отработки учебно-боевых задач для управления силами флота не использовалось. Так, во время маневров 1-й Тихоокеанской эскадры в 1903 году, на которой все броненосцы и крейсера были вооружены станциями беспроволочного телеграфа, радиосвязь применения не нашла, а связь и сигнализация как внутри соединения, так и с берегом, осуществлялась с помощью ракет, сигнальных прожекторов, специально назначенных быстроходных кораблей и голубиной почты.[2]

Изучение положения с применением радиосвязи во флотах других государств в эти же годы свидетельствует, что начало их радиовооружения произошло примерно в те же сроки, что и в России, и имело аналогичные русскому флоту результаты. Так, например, на маневрах английского флота в 1901 году, на которых адмиралтейство задавалось целью исследовать пригодность радиосвязи для использования в бою, выяснилось, что из-за низкого уровня специальной подготовки личного состава связь по радио оказалась неудовлетворительной, а в силу низкой технической надежности корабельных радиостанций – была признана малонадежной. В выводах по итогам аналогичных маневров 1902 года радиосвязь признавалась "далеко еще непригодным для военного употребления сигнальным средством" и, по мнению военно-морских специалистов, понимающих важность радиосвязи для флота в перспективе, делался вывод, что организацию этого дела следовало бы отнести к числу наиболее трудных задач морской тактики.[3]

Более благоприятные отзывы получила радиосвязь на маневрах германского и французского флотов. Так, по итогам маневров германского флота осенью 1902 года, на которых все броненосцы, крейсера и один миноносец имели радиоаппаратуру системы Слаби-Арко, личный состав показал хорошую практическую подготовку и результатами работы радиосвязи руководство флота осталось вполне довольным. Радиоаппаратура на маневрах использовалась не только как средство дальней связи, но и широко практиковалась для внутриэскадренной связи, заменяя частично флажную и световую сигнализацию. К числу недостатков беспроволочного телеграфа немцы относили зависимость достоверности связи от интенсивности атмосферных помех и возможность перехвата радиограмм противником. По итогам проведенных летом

19, 24, 25, 51; Д. 779. Л. 31–32.В 1900 году курс беспроволочного телеграфирования при Минном офицерском классе прослушали: лейтенанты Одинцов, К. Шульц, Н. Кротков, Григорьев 3-й, Македонский 2-й, Гросман 1-й, Леонтьев 1-й (Балтийский флот), Канин, Щиголев, Савинский, Степанов 9-й, Зенилов и мичман Невражин (Черноморский флот); минные квартирмейстеры Аким Мухин, Матвей Самсонов, Егор Банников, Иван Астафьев, Василий Проскудин, Павел Уразов (Балтийский флот), Григорий Петренко, Наум Кусля, Мартын Стрекалов, Нестор Панченко, Артемий Кравчатый, Григорий Балтадчин (Черноморский флот).

[1] РГА ВМФ Ф. 401. Оп. 3. Д. 9. Л. 25–28.

[2] См.: *Черкасский М.* Военные идеи личного состава русского и японского флотов // Морской сборник. 1914, №7. Неофиц. отдел, с. 114.

[3] Морской сборник. 1912, №12. Неофиц. отдел, с. 74. *Павлович Н. Б.* Развитие тактики военно-морского флота. Ч. 1. М., 1979, с. 201.

1902 года маневров французского флота командование отмечало, как один из крупных положительных результатов тот факт, что во время маневров радио впервые на флоте получило "действительное и практическое значение и широко применялось в стратегических движениях".[1]

К чести руководства Морского технического комитета и Морского министерства следует отметить, что вопросы развития радиосвязи на флоте постоянно анализировались, обобщались и получали новый импульс усилия по ее совершенствованию. Так, для всестороннего обсуждения многих назревших проблем по совершенствованию радиосвязи Минным отделом МТК в 1902 году были организованы несколько совещаний из компетентных специалистов. В конце 1902 – начале 1903 годов состоялась работа комиссии, назначенной по приказанию управляющего Морским министерством для анализа состояния радиосвязи на флоте и выработки предложений по ее совершенствованию. По итогам работы комиссии П. П. Тыртову был представлен доклад, в котором выражалась тревога за состояние радиосвязи на флоте. К докладу прилагался выработанный МТК при участии А. С. Попова, В. Н. Кедрина и других "сведущих лиц" проект мероприятий по совершенствованию радиосвязи в Морском министерстве.[2]

Анализ состояния радиосвязи на флоте и предпринимаемые в Морском ведомстве шаги по ее совершенствованию до работы названного совещания и разработки предложенного проекта свидетельствует, что предложения авторов проекта базировались на их индивидуальном уровне познаний, личном опыте в области радиосвязи и, что особенно важно, реалиях российской действительности (ведомственность, "ложная" экономия средств, связанные с ней волокита и неимоверно длительные сроки принятия насущно необходимых решений и др.), не всегда были адекватны богатому зарубежному уровню развития новой отрасли техники и опыту государственного подхода в решении ее проблем в других странах (например, Англии, Германии, Италии).

Поэтому предложенные мероприятия не носили сколь-нибудь кардинальных перемен в организации радиодела на флоте: заведование радиостанциями по-прежнему предлагалось поручить минным офицерам, обслуживание станций и несение радиовахты – корабельным минерам, поставку оборудования для радиостанций возложить на Кронштадтскую радиомастерскую, организовать научные эксперименты по радиосвязи. При отсутствии достаточной аргументации и кардинальности, предложения по совершенствованию отдельных направлений радиодела носили характер полумер, что не могло не вызвать соответствующей реакции со стороны П. П. Тыртова: "Опять новые специалисты", "Устройство береговых станций не может входить в обязанности исключительно Морского министерства, а скорее Министерства внутренних дел…" и т. п. Однако даже в таком виде проект МТК и решения по нему управляющего Морским министерством послужили определенным толчком в деле совершенствования административных, технических, хозяйственных и организационных сторон радиотехники на флоте.

В апреле 1903 года проект МТК был доложен новому управляющему Морским министерством Ф. К. Авелану, который приказал, с целью "постановки беспроволочного телеграфирования на более твердую почву", разработать конкретные мероприятия по каждому содержащемуся в докладе предложению. Особое внимание Авелан обратил на организацию подготовки радиоспециалистов. Для увеличения количества специалистов, обучаемых в одну смену, Главный морской штаб распорядился для практической их подготовки установить радиостанции даже на минном крейсере "Посадник", учебно-материальная база которого была рассчитана лишь на подготовку машинистов.[3]

---

[1] Морской сборник. 1903, №6. Неофиц. отдел, с. 82.

[2] РГА ВМФ Ф. 421. Оп. 4. Д. 737. Л. 155–157, 164–173; Ф. 440. Оп. 1. Д. 165. Л. 11–12; Ф. 930. Оп. 22. Д. 123. Л. 81–85.

[3] РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 2298. Л. 359, 360.

Кроме того, в преддверии составления бюджета министерства на 1904 год, Главный морской штаб предложил главному командиру Кронштадтского военного порта вице-адмиралу С. О. Макарову сообщить свои предложения по упорядочению и "постановке дела беспроволочного телеграфирования на твердую почву". Доложив в штаб свои соображения, Макаров так оценил состояние радиосвязи на флоте: "Надо сознаться, что мы, инициаторы этого дела, теперь сильно в нем отстали и при той скудной постановке, в которой дело находится, я не думаю, что мы когда-нибудь догоним иностранцев. Надо или широко организовать у себя разработку этого вопроса, приставить к нему наиболее талантливых людей, или приобрести от Маркони его патент".[1]

При докладе рапорта Макарова управляющему Морским министерством был решен один весьма важный вопрос – 3 июля 1903 года Ф. К. Авелан разрешил прикомандировать в распоряжение главного инспектора минного дела одного штаб-офицера для руководства радиосвязью на флоте. Первоначально для заведования беспроволочным телеграфированием и электрическими приборами для ночного сигналопроизводства (так первоначально именовалась эта должность – *Авт.*) 25 июля 1903 года был назначен капитан 2 ранга Муравьев 1-й. Выявить в делопроизводстве различных учреждений Морского министерства результаты деятельности Муравьева не удалось, из чего можно заключить, что назначение это так и осталось на бумаге.[2]

Вопрос о централизации управления развитием радиосвязи на флоте остро встал с подготовкой к отправке 2-й Тихоокеанской эскадры на Дальний Восток. По предложению Главного морского штаба "для ускорения делопроизводства и упрощения сношений с морским начальством и учреждениями Главного морского штаба по снабжению военных судов приборами и материалами для беспроволочного телеграфа" вводилась нештатная должность заведующего беспроволочным телеграфированием в Морском ведомстве, на которую 5 мая 1904 года был назначен капитан 2 ранга А. А. Реммерт. Пожелание Минного отдела о назначении в помощь Реммерту лейтенанта Р. И. Берлинга удовлетворено не было; лишь на время работ по вооружению кораблей 2-й Тихоокеанской эскадры помощником был назначен лейтенант В. Н. Кедрин.[3] Таким образом, в 1904 году Морским ведомством была решена очень важная задача централизации развитием радиосвязи на флоте. Введенная в качестве временной меры, должность заведующего делом беспроволочным телеграфированием сохранилась до 1917 года и ее бессменно занимал А. А. Реммерт.[4]

Радиовооружение Тихоокеанского театра военных действий

Основные усилия Морского министерства в 1903–1905 годах в области радиостроительства были сконцентрированы на подготовке Тихоокеанского театра и флота к войне с Японией. Инженерное оборудование Дальневосточного театра далеко не удовлетворяло требованиям ведения успешных боевых действий. Установленные в 1903 году две береговые радиостанции, ввиду их маломощности, не позволяли обеспечить связь не только между базами флота, но и управлять кораблями в море. Система наблюдения за морем из-за малого количества береговых постов наблюдения и отсутствия оперативной их связи с портами оказалась неспособной обеспечить своевременное оповещение своих сил о приближении кораблей противника.[5] Связь между фортами в Порт-Артуре отсутствовала, и только с началом военных действий было устроено

[1] РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 2298. Л. 345, 367.

[2] РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 2298. Л. 368, 369, 469; Ф. 421. Оп. 4. Д. 737. Л. 251, 258.

[3] РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 2298. Л. 509; Д. 2894. Л. 63, 66, 136;

[4] РГА ВМФ Ф. 406. Оп. 9. Д. 3515. См. также очерки о А. А. Реммерте в кн.: *Биккенин Р. Р., Глущенко А. А., Партала М. А.* Очерки о связистах Российского флота. СПб., 1998, с. 51–78. *Трибельский Д. Л., Шошков Е. Н.* Человек "…высокого нервного напряжения" // Андреевский флаг, 1993, №5 (17), с. 8.

[5] Организация сигнально-наблюдательных станций // Море и его жизнь. 1905, №19, с. 458–459, №20, с. 522–523.

телефонное сообщение между ними с помощью воздушных линий, которые при каждом артобстреле получали значительные повреждения. Отсутствие радиовооружения в армии затрудняло организацию связи взаимодействия войск и флота.[1]

Пытаясь расширить возможности освещения обстановки и оповещения на театре, командир Владивостокского порта в августе 1903 года просил Главное управление кораблестроения и снабжений выслать три радиостанции для установки их на маяках залива Петра Великого, а спустя полгода – еще восьми станций. Процесс запоздалого решения о радиостроительстве на Дальнем Востоке во многом напоминал планирование развития сети радиостанций общего пользования – при отсутствии общегосударственного подхода к развитию радиодела все заявки наместника, командования Порт-Артура и Владивостока удовлетворялись: заказывалась аппаратура, с большим опозданием доставлялась на театр, где попадала к малоквалифицированным специалистам и, когда установка оказывалась введенной в строй, стратегическая потребность в ней если не утрачивала своей актуальности, то, во всяком случае, значение ее существенно снижалось.[2]

Проанализировав состояние радиосвязи на театре, вице-адмирал С. О. Макаров, назначенный командующим 1-й Тихоокеанской эскадрой, 22 февраля 1904 года ставит перед Главным морским штабом вопрос о необходимости "для успеха некоторых военных операций" сооружения мощной береговой радиостанции в Порт-Артуре. Изучение технических характеристик радиостанций де Фореста и Фессендена, предложивших свои услуги Морскому ведомству, показало, что аппаратура находится только лишь в стадии опытной проверки и не может обеспечить требуемые дальности связи в 300 и 750 миль, в связи с чем Ф. К. Авелан не разрешил заказывать эти радиостанции и просьба Макарова удовлетворена не была.[3] Другое предложение С. О. Макарова о необходимости установки радиостанций, помимо больших кораблей, также и на миноносцах, получило реализацию и Кронштадтская радиомастерская срочно приступила к изготовлению 18 станций для именных миноносцев Тихоокеанского флота.[4]

Слабость радиотехнического оборудования Тихоокеанского театра и флота была известна не только в России, но и за рубежом. Предвидя колоссальные прибыли от поставок радиооборудования на российский рынок, в Россию ринулись не только известные радиотехнические фирмы, но и обыкновенные проходимцы. Предлагали свою продукцию немцы (фирма "Телефункен"), англичане (фирма Маркони и его посредники), американцы (Э. Армстронг, Л. де Форест, Р. Фессенден, Ф. П. Кобхем), причем в большинстве случаев это были опытные образцы техники, или даже лабораторные макеты. Но это не смущало предпринимателей и за свою "продукцию" они запрашивали баснословные цены.[5]

В борьбе за заказы использовались как цивилизованные рыночные правила ("Телефункен", Фессенден, де Форест), так и жульнические приемы (Маркони, Кобхем, Виленкин, Баранов, Батюшков и др.). Так, например, намереваясь получить заказ на поставку радиостанций для 2-й Тихоокеанской эскадры, Маркони предлагал наладить сообщение главной квартиры в Мукдене с осажденным Порт-Артуром и г. Дальним путем установки мощных станций в Мукдене и Владивостоке. Реализация проекта позволила бы, по заявлению фирмы, обеспечить не только постоянную связь

[1] См.: Русско-японская война 1904–1905 гг. Т. 1. СПб., 1910, с. 500–503.

[2] РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 2298. Л. 466, 485, 486, 487, 490, 491, 497, 521; Д. 2894. Л. 8; Ф. 427. Оп. 1. Д. 962. Л. 94; Ф. 967. Оп. 1. Д. 188. Л. 118.

[3] РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 2894. Л. 16, 18, 44–45; Ф. 421. Оп. 4. Д. 871. Л. 49, 50, 52, 55, 59.

[4] РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 2894. Л. 23; Ф. 421. Оп. 4. Д. 871. Л. 289; Ф. 930. Оп. 9. Д. 429. Л. 55, 158–159. Журнал Морского технического комитета по минному делу. 1904, 9 марта. №9 (РГА ВМФ Ф. 427. Оп. 1. Д. 1164 ч. 1. Л. 140–141).

[5] РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 2894. Л. 13, 28, 29, 45; Ф. 421. Оп. 1. Д. 871. Л. 20, 21, 50, 55.

этих пунктов между собой и с кораблями в Порт-Артуре и Владивостоке, но и с приближавшейся к театру 2-й Тихоокеанской эскадрой, если на одном из ее кораблей будет установлена мощная радиостанция системы Маркони. При этом особо оговаривалось условие поставки таких трех станций – они могли устанавливать связь лишь со станциями системы Маркони, т. е. флот должен был всецело перейти на вооружение маркониевскими установками.[1]

Непродуманность комплекса мер по радиооснащению Дальневосточного театра в предвоенные годы привела, в частности, к тому, что с осадой Порт-Артура командование крепости и эскадры лишилось возможности поддерживать связь с главной квартирой, Владивостоком и столицей. Подводный кабель Чифу – Порт-Артур, проложенный в 1900 году Большим северным телеграфным обществом за счет России (27 тыс. фунтов стерлингов), по которому крепость поддерживала телеграфную связь с внешним миром, был поврежден японцами, береговые радиостанции на Золотой горе и горе Ляотешань были маломощными и поддерживать связь с Владивостоком не могли, а главная квартира средствами радиосвязи не располагала.[2] После нескольких безуспешных попыток устранить повреждение кабеля, за что датский инженер просил 100 тыс. руб., было принято решение установить в российском консульстве в Чифу радиостанцию и восстановить сообщение с осажденным Порт-Артуром с помощью радиосвязи. Для устройства радиостанции в Чифу было использовано оборудование трех радиостанций, заказанных в Германии Военным ведомством для наблюдательных пунктов Квантуна и доставленных фирмой "Телефункен" в январе 1904 года в Шанхай.

Ответственным за строительство радиостанции в Чифу был назначен посланник Павлов, руководителем работ являлся лейтенант Никитин 2-й, а монтажные работы произведены инженером фирмы "Телефункен" Корндорфом и английским инженером Селликом. В конце мая радиостанция в консульстве начала передачи на Порт-Артур, но связь с крепостью установить на удалось. Безуспешными оказались попытки связаться с Порт-Артуром и после установки в Чифу второй радиостанции в 7 верстах от консульства. В строительстве этой станции приняли участие поручик Дудицкий и три армейских радиотелеграфиста, прибывший на джонке из Порт-Артура минный квартирмейстер И. Баженов, минный квартирмейстер Крюков с двумя минерами, представитель железной дороги Ф. Н. Лаврентьев, в производстве работ большую помощь оказали консул П. Г. Тидеман и его помощник М. П. Куренков.

К середине мая вторая радиостанция в Чифу, имеющая более лучшие характеристики (повышенная мощность, более совершенная антенная система), была готова и возобновились попытки восстановить связь с Порт-Артуром. Однако, как только начиналась работа станции, тут же японская радиостанция специально присланного к Чифу парохода "Токио Мару" начинала создавать преднамеренные помехи, из-за чего до конца июля связь с Порт-Артуром установлена не была. Предложение отправить на джонке в Порт-Артур имеемую в Чифу третью радиостанцию, из-за сложности прорыва блокады с моря, было отклонено. После того как в порту Чифу 30 июля японцы захватили миноносец "Решительный", по требованию китайских властей за-

[1] РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 2298. Л. 522, 527, 532, 535, 537–538, 548–550, 551–554. Предложение Маркони о наличии в эскадре З. П. Рожественского специального корабля связи, вооруженного мощной радиостанцией, было важным и, как будет отмечено ниже, нашло впоследствии свое воплощение в оборудовании вспомогательного крейсера "Урал". Справедливости ради следует отметить, что данный вопрос был поднят еще 1 января 1903 года В. Н. Кедриным в его "Обзоре действия и состоянии беспроволочного телеграфирования в Черном море". Говоря о необходимости непрерывности управления силами Черноморского флота, В. Н. Кедрин, в частности, предлагал иметь в главной базе мощную радиостанцию, а в составе эскадры – специальный корабль, вооруженный "столь мощной [радио]станцией, чтобы переговоры с береговой станцией могли бы происходить с любым пунктом Черного моря" (РГА ВМФ Ф. 421. Оп. 4. Д. 737. Л. 202–205).

[2] РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 3841. Л. 1.

городная радиостанция была демонтирована, а радиостанция в консульстве была сохранена на случай необходимости организовать связь со штабом 2-й Тихоокеанской эскадры при подходе ее к китайским водам.[1]

Блокада Порт-Артура и лишение крепости сообщения с внешним миром вызвали обеспокоенность командования армией и флотом о возможной аналогичной участи и Владивостока, "если он будет обложен неприятелем и окажется в положении Артурского порта". Во избежание этого телеграммой от 11 августа 1904 года командующий 1-й Тихоокеанской эскадрой признавал необходимым прислать во Владивосток три мощные береговые радиостанции, способные обеспечить надежную связь порта на расстояниях до 300–400 км.

К чести руководства Морского министерства следует отметить, что подобная идея была инициирована Морским техническим комитетом около полугода назад. Предполагая организовать взаимодействие 2-й Тихоокеанской эскадры, при подходе ее к Порт-Артуру, с кораблями Владивостокского отряда кораблей, Главный морской штаб распорядился соорудить во Владивостоке мощную береговую станцию с дальностью связи до 1000 км и включить в состав эскадры Рожественского специальный корабль связи, способный держать связь до 750 км. Данная станция при соответствующей ее доработке (расширением диапазона волн) с успехом могла решить и задачи связи Владивостока с любой континентальной радиостанцией Военного ведомства. Однако согласования действий Главного инженерного управления и Морского технического комитета по рациональному решению проекта не произошло и было принято решение о заказе просимых установок. При отсутствии средств для их заказа Ф. К. Авелан обратился к министру финансов В. Н. Коковцову об экстренном выделении требуемых 300 тыс. руб. из военного фонда. Станции были заказаны АО Русских электротехнических заводов "Сименс и Гальске", впоследствии доставлены на Дальний Восток, но смонтированной оказалась лишь одна, две других были переданы Военному ведомству.[2]

В конце сентября 1904 года оборудование станции, заказанной для связи с эскадрой З. П. Рожественского, было доставлено из Германии в Петербург, 26 декабря отправлено во Владивосток, куда прибыло лишь 8 марта 1905 года. Установка оборудования и антенны была выполнена под руководством инженера берлинской фирмы "Сименс и Гальске" В. Бурстина. Работа ее началась 14 апреля, а 25 апреля при отработках с находившимся в море отрядом крейсеров были достигнуты дальности связи в 340 миль. Начальником радиостанции был назначен лейтенант А. А. Ковальский, участвовавший в ее сооружении. Однако основного своего предназначения станция так и не выполнила – в первые же часы Цусимского боя японцами, прекрасно понимающими предназначение мощной радиостанции русской эскадры, крейсер "Урал", на котором она была установлена, был уничтожен, в результате чего З. П. Рожественскому не удалось, если бы такая попытка даже состоялась, установить связь с Владивостоком и организовать взаимодействие эскадры с Владивостокским отрядом кораблей.[3]

Были предприняты меры по совершенствованию организации радиосвязи на 1-й Тихоокеанской эскадре. Циркуляром штаба начальника эскадры 5 сентября объявляется новое Руководство для телеграфирования без проводов. После Р. И. Берлинга, переведенного на Балтийский флот, заведующим делами беспроволочного телегра-

[1] РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 2894. Л. 6, 7; Д. 3085. Л. 1–120; Д. 3099. Л. 1, 13–15, 17, 19, 23, 26, 27, 29, 32, 36, 39, 51, 53, 55–58, 83; Ф. 427. Оп. 1. Д. 1164 ч. 1. Л. 239, 242, 262, 272. АВИМАИВиВС Ф. 12Р. Оп. 1. Д. 23. Л. 239–241. *Головизнин М.* Инженерные войска в Русско-японскую войну 1904–1906 гг. Пг., 1916, с. 525–527.

[2] РГА ВМФ Ф. 427. Оп. 1. Д. 1269. Л. 49; Д. 1270. Л. 2, 5.

[3] РГА ВМФ Ф. 421. Оп. 4. Д. 871. Л. 351, 419, 420; Д. 872. Л. 51, 127, 139, 150, 174; Д. 986. Л. 733; Ф. 427. Оп. 1. Д. 1269. Л. 277, 280; Д. 1271. Л. 52, 62, 65, 86, 151, 190, 194, 214, 219, 255; Ф. 967. Оп. 1. Д. 188. Л. 74; Д. 209. Л. 11, 26, 32, 37.

фирования на 1-й Тихоокеанской эскадре были мичман С. Н. Власьев (1903–1904), лейтенант Б. Б. Жерве (1905), лейтенант Б. В. Пяткин (1905–1907).[1]

Радиовооружение 2-й Тихоокеанской эскадры

С начала мая 1904 года задачей первостепенной важности для Минного отдела МТК явилось оснащение радиоаппаратурой кораблей 2-й Тихоокеанской эскадры. В условиях, когда производственные мощности Кронштадтской радиомастерской и фирмы Дюкрете не позволяли удовлетворить возросшие масштабы радиовооружения флота, да и технические характеристики производимой ими аппаратуры не отличались высокими качествами, было принято решение о поиске других контрагентов из числа ведущих зарубежных радиотехнических фирм. Следует, правда, признать, что здесь существенную роль сыграла позиция З. П. Рожественского, который с начала 1904 года стал активно настаивать на оснащении кораблей эскадры английскими или немецкими радиостанциями.[2]

Основная борьба за перспективный контракт на поставку радиостанций для кораблей 2-й Тихоокеанской эскадры развернулась между фирмами Маркони и "Телефункен". При примерно идентичных технических характеристиках станций условия немецкой фирмы оказались более предпочтительными с экономической стороны, что и предопределило окончательный выбор в ее пользу. 22 мая 1904 года Морским ведомством был заключен контракт с АО Русских электротехнических заводов "Сименс и Гальске" на поставку 24 станций системы "Телефункен": 18 из них были затем установлены на кораблях 2-й Тихоокеанской эскадры. До конца 1904 года с Обществом заключили еще 5 контрактов на поставку в общей сложности 27 радиостанций. В их числе были 5 станций, установленных на кораблях отряда контр-адмирала Н. И. Небогатова, отправленного в феврале 1905 года для усиления эскадры Рожественского. Кроме того, по настоянию З. П. Рожественского для эскадры были закуплены две радиостанции фирмы Маркони, установленные на транспортах "Китай" и "Корея"; уже при следовании на Дальний Восток радиостанция с "Китая" была перенесена на флагманский корабль эскадры "Князь Суворов".[3]

Работы по установке радиостанций производились представителями фирмы "Телефункен" (Э. фон Лепель, Кой, Т. Г. Николас, Тишлер, Рендаль) и АО Русских электротехнических заводов "Сименс и Гальске" (И. Д. Тыкоцинер, Н. Маслов, Левин, К. И. Резевский, З. И. Резников) под наблюдением флагманского минного офицера эскадры лейтенанта Е. А. Леонтьева и минных офицеров кораблей. Общее руководство

---

[1] РГА ВМФ Ф. 406. Оп. 9.Д. 1313. Л. 99, 110, 127, 151, 180, 186, 194, 219; Д. 3458. Л. 1; Ф. 417. Оп. 1. Д. 2894. Л. 78–79; Ф. 427. Оп. 1. Д. 962. Л. 135. *Масальцев В. А*. Подготовка радиотелеграфистов в Русском и Советском флоте // Андреевский флаг. 1993, № 5(17), с. 4.

[2] З. П. Рожественский был далеко не единственным на русском флоте, кто настаивал на оснащении кораблей радиостанциями иностранного производства. Особенно активно этот вопрос обсуждался в первые месяцы войны с Японией, когда с театра военных действий начала поступать информация о низких технических характеристиках имевшихся радиостанций. Поступающие сообщения, как правило, не сопровождались глубоким профессиональным анализом и зачастую носили ярко выраженный эмоциональный характер, но существенным образом влияли на формирование негативного мнения. Так, начальником Военно-морского отдела штаба командующего флотом в Тихом океане капитаном 2 ранга Н. Л. Кладо 28 мая 1904 года, еще до того, как на Дальнем Востоке стало известно о заключении контракта с АО Русских электротехнических заводов Сименс и Гальске, был подготовлен проект телеграммы командующего в МТК, в котором, из-за низких качеств станций "Попов-Дюкрете", предлагалось "для первой и второй эскадр Тихого океана теперь же экстренно заказать наилучшие и наисильнейшие аппараты иностранной системы" (РГА ВМФ Ф. 524. Оп. 1. Д. 51. Л. 3. См. также: *Биккенин Р. Р., Глущенко А. А., Партала М. А.* Очерки о связистах Российского флота. СПб., 1998, с. 32).

[3] РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 2894. Л. 83, 136, 138, 151; Д. 2925. Л. 1–3, 47, 84; 182–183, 185, 192–193, 209, 218–219, 293, 322, 324, 353; Ф. 427. Оп. 1. Д. 1269. Л. 1–9, 11–12, 13, 14–15, 17–18, 21–24, 35, 48, 49, 57, 71, 78, 85, 91–92, 204; Д. 1270. Л. 16, 27–28,192, 210, 219, 302; Д. 1369. Л. 21, 23–24, 29, 38,40, 74, 109, 129, 154, 180, 197, 198; Д. 1371 ч. 3. Л. 51, 110, 247; Ф. 930. Оп. 9. Д. 429. Л. 55, 60–66, 158–159, 167.

работами от Морского ведомства было возложено на заведующего делом беспроволочного телеграфирования капитана 2 ранга А. А. Реммерта.

Операция по вооружению кораблей 2-й Тихоокеанской эскадры аппаратурой радиосвязи по своим масштабам и срокам проведения не имела в ту пору прецедентов и представляла для своего времени достаточно сложную организационно-техническую задачу. Для ее решения руководством Морского министерства были привлечены лучшие отечественные силы. В качестве технического эксперта и наблюдающего от Морского ведомства к работам активно привлекался профессор Электротехнического института А. С. Попов, фактически прикомандированный к МТК на военное время. На различных этапах работ в помощь Реммерту и Леонтьеву назначались лейтенанты Р. И. Берлинг, В. Н. Кедрин и А. А. Ковальский, а также Е. Л. Коринфский и П. Н. Рыбкин. В сжатые сроки аппаратура была установлена на кораблях, однако для проведения необходимых испытаний, а тем более для обучения личного состава времени уже не оказалось. На эскадре, с учетом судов обеспечения и присоединившихся к ней в апреле 1905 года кораблей отряда контр-адмирала Н. И. Небогатова, оказалось сосредоточено около 40 радиостанций различных систем и назначения. 2 октября 1904 года 2-я Тихоокеанская эскадра вышла из Либавы в свой беспримерный и трагический поход.

Радиооснащение морских театров Европейской России

Интенсивность радиостроительства на других, помимо Тихоокеанского, морских театрах в 1903–1905 годах была значительно ниже. В марте 1904 года начались работы по сооружению радиостанций в Ревеле и Гельсингфорсе, а в мае – в порту императора Александра III (Либаве). Первые две установки имели второстепенное значение для связи с кораблями, основным их предназначением являлось соединение с помощью линии радиосвязи противоположных берегов Финского залива. С целью удешевления их строительства было решено не сооружать для них станционных зданий, а разместить в доме командира Свеаборгского порта (Гельсинфорс) и в верхнем Екатеринентальном маяке (Ревель).[1]

Как известно, "скупой платит дважды". Несмотря на то, что оборудование радиостанций было завершено уже к осени 1904 года, проведенное в начале следующего года их освидетельствование показало, что они недостаточно мощны, чтобы выполнить намеченный Главным морским штабом "стратегический план переговоров между Кронштадтом, Ревелем и Гельсингфорсом". Столь резкое изменение предназначения радиостанций (с простого соединения линией радиосвязи противоположных берегов Финского залива к "стратегическому плану" сообщения между базами Балтийского флота) объяснялось развернувшимися в стране революционными событиями. 3 мая 1905 года председатель МТК Ф. В. Дубасов попросил у управляющего Морским министерством на "рациональное оборудование" станций в Кронштадте, Ревеле, Либаве и Гельсингфорсе 15000 руб., которые в течение 20 дней были выделены из военного фонда.[2]

После постройки береговых радиостанций оказалось, что Морское ведомство не располагает достаточным подготовленным контингентом радиоспециалистов для их обслуживания. Предупреждение Н. Л. Кладо о том, что "при постоянном увеличении морской силы необходимо иметь личный состав в большем числе, чем то требуется в каждый данный момент для укомплектования всех годных для военных действий судов" руководством Морского ведомства учтено не было.[3] В связи с отсутствием в

[1] РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 2894. Л. 19, 20, 25–26, 35, 36; Ф. 427. Оп. 1. Д. 1164 ч. 1. Л. 144, 267, 275.

[2] РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 2894. Л. 203.

[3] *Кладо Н.* Военно-морские очерки и заметки // Морской сборник. 1902, №8. Неофиц. отдел, с. 36. В связи с этим следовало бы привести факт, идущий вразрез с тиражируемым в отечественной историографии тезисом об исключительной заботе и роли А. С. Попова в деле подготовки радиоспециалистов для флота. В период интенсивной работы Морского министерства по радиовооружению 2-й Тихоокеанской эскадры начальнику Учебно-минного отряда Балтийского флота, где происходила подготовка радиоспе-

Морском ведомстве радиоспециалистов для обслуживания береговых установок, спустя месяц после ввода в строй первой радиостанции на Балтийском побережье, МТК вошел в ходатайство перед Главным морским штабом о временном привлечении для этого вольнонаемных электротехников. Ходатайство было удовлетворено и заведование станциями было поручено: электротехнику Р. Г. Ниренбергу (Дерябинские казармы), студентам Электротехнического института С. Н. Петрову (Ревель), В. Г. Балткаю (Либава) и слушателю того же института А. А. Савельеву (Гельсингфорс).[1]

На Черном море в 1901 году были установлены радиостанции на семи броненосцах Практической эскадры и одна на Тендровском маяке. Установка и регулировка оборудования станций были произведены А. С. Поповым. В последующие годы количество и наименования кораблей, оснащенных радиостанциями, постоянно изменялось в силу специфики боевой подготовки эскадры и дефицита радиооборудования на флоте. Так, в кампанию 1902 года для связи кораблей с берегом одна судовая станция была установлена на посту Сигнальная мачта, где была оборудована первая береговая радиостанция Черного моря для управления силами флота. В конце 1904 года еще четыре радиостанции с кораблей были переданы в Учебно-минный отряд для подготовки личного состава.[2]

С появлением на флоте радиостанций, 8 февраля 1902 года заведующим беспроволочным телеграфированием был назначен В. Н. Кедрин. По его инициативе на флоте широко развернулись опыты по радиосвязи, большую роль в которых сыграл образованный для этой цели "физический кабинет". Личный состав кабинета (В. Н. Кедрин, В. Г. Энгельман, Г. Войтихов и шесть телеграфистов) производил все монтажные, пуско-наладочные и ремонтные работы на кораблях, опыты по радиосвязи, а также нес круглосуточное дежурство на радиостанции Сигнальная мачта. Усилиями В. Н. Кедрина и его "физического кабинета" в станциях системы Попова-Дюкрете образца 1904 года обычные разрядники были заменены многократными, которые по чертежам Кедрина изготовила Минная мастерская Севастопольского порта, что позволило увеличить дальность станций до 120 миль. К концу 1905 года на 29 вымпелов Черноморский флот располагал парком радиооборудования в 18 станций (62%), из которых только две, системы "Телефункен", можно было отнести к новым; остальные были устаревшими – Попова-Дюкрете образца 1904 года (6) и 1901 года (10).[3]

Несмотря на острую нехватку радиооборудования, на Черноморском флоте многие организационные, технические, исследовательские задачи решались не числом, а умением. На флоте отказались от пишущего приема радиограмм, перейдя повсеместно на слуховой прием, позволяющий существенно повысить дальности радиосвязи, достоверность приема сообщений и заложить основы радиоразведки. Широко проводились опыты по радиосвязи с привлечением пароходов Русского общества пароходства и торговли, определением дальности до корреспондирующей станции, организа-

---

циалистов для флота, был подан рапорт лейтенанта Е. А. Леонтьева следующего содержания: "На мое заявление профессору Попову об отказе [Кронштадтской] мастерской телеграфирования без проводов исправить судовые приборы телеграфирования без проводов Учебно-минного отряда он заявил, что не считает это важным и высказал мнение, что на отряде следует убавить число телеграфных станций. Доносся о сем Вашему превосходительству, я нахожу, что если не последует по этому поводу особых распоряжений высшего начальства, благоприятных для отряда, то телеграфирование без проводов в текущую кампанию в Учебно-минном отряде не будет стоять на высоте" (РГА ВМФ Ф. 421. Оп. 4. Д. 811. Л. 56). Логика позиции А. С. Попова в данном случае объясняется тем, что за каждую установленную радиостанцию на корабли флота он получал от Морского министерства 300 руб., а от "Телефункен" – 1/3 чистой прибыли от стоимости поставок радиооборудования для русского флота.

[1] РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 2894. Л. 103, 255; Ф. 421. Оп. 4. Д. 872. Л. 65, 193, 231, 265, 311–312, 323–330; Д. 958. Л. 2, 3; Ф. 427. Оп. 1. Д. 1371 ч. 1. Л. 6, 13, 42.

[2] РГА ВМФ Ф. 421. Оп. 4. Д. 737. Л. 45, 236–238; Д. 871. Л. 286; Ф. 610. Оп. 1. Д. 1. Л. 4; Ф. 1364. Оп. 1. Д. 91. Л. 1; Д. 94. Л. 8.

[3] РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 3602. Л. 46–48, 54; Ф. 421. Оп. 4. Д. 958. Л. 46.

ции радиосвязи с подводными лодками, а позже – и с самолетами, необходимости создания кораблей связи и др.[1] Оперативно реагировал флот и на решение назревших административных и организационных проблем: введение в штат кораблей и портов должностей по заведованию радиостанциями, подготовка специалистов, ремонт радиооборудования и т. п. Инициатором всех этих начинаний являлся В. Н. Кедрин. Усилия черноморских связистов получили, что бывает далеко не всегда, высокую оценку морского министра в 1908 году.[2]

Приказ
морского министра

17 июня 1908 г. №152

Временное заведование радиотелеграфной частью в Черноморском флоте было поручено капитан-лейтенанту Кедрину. Несмотря на недостаток в людях и средствах, сопряженных с быстро развивающимся во флоте радиотелеграфным делом, капитан-лейтенант Кедрин с неослабевающей энергией довел вверенную ему часть до отличного состояния. Он сумел внушить личному составу станций любовь и живой интерес к радиотелеграфной специальности, развил сноровку обходиться малыми средствами и пользоваться радиотелеграфными слуховыми аппаратами в такой мере, что с помощью их нижние чины определяют с достаточным приближением расстояния между взаимно переговаривающимися судами и береговыми станциям.

За такую постановку и состояние дела, отвечающие боевой готовности части, я считаю приятным для себя долгом выразить мою благодарность капитан-лейтенанту Кедрину, а также флагманскому минному офицеру Черноморского отряда капитану 2 ранга Федоровичу, заведующим радиотелеграфными станциями судовым минным офицерам, по мере сил содействовавшим успешной постановке дела, минному кондуктору Григорию Войтихову и всем нижним чинам радиотелеграфной специальности в Черноморском флоте.

Подписал: морской министр генерал-адъютант Диков

Совершенствование подготовки радиотелеграфистов

Признание неэффективной сложившейся на флоте системы подготовки специалистов по радиосвязи вынудило МТК 3 октября 1904 года обратиться к Ф. К. Авелану с предложением об учреждении особой специальности – телеграфист и организации в Минной школе особого класса "для обучения теории и практике беспроволочного телеграфа". При этом, одновременно с докладом управляющему Морским министерством, представляется целый пакет документов, разработанных А. А. Реммертом: Положение о телеграфистах Морского ведомства, Положение о классе для телеграфистов, Программа класса телеграфистов по беспроволочному телеграфированию. В докладе, основные положения которого также были подготовлены Реммертом, признавалось,[3] что

"обучение телеграфированию во флоте в том виде, как оно теперь поставлено, дает неудовлетворительные результаты", так как вошло в курс Минных школ как побочная специальность, и предлагалось «настоятельно необходимым учредить во флоте особую специальность "телеграфист" для заведования и управлениями станциями беспроволочного телеграфирования как на судах, так и на берегу» с комплектованием учебных групп "отлично грамотным личным составом, стоящим по развитию выше поступающих в контингент Минной школы".

Оценивая приложенные к докладу МТК документы, следует отметить, что для своего времени это были исключительно прогрессивные проекты, а с позиций сегодняшних проблем профессионального образования отдельные положения их способны представить в настоящее время интерес не только для историков.

Указанные проекты были взяты за основу, несколько доработаны и через полгода рассмотрены и утверждены Адмиралтейств-советом. 13 июня 1905 года последовало

[1] РГА ВМФ Ф. 609. Оп. 1. Д. 127, 143; Оп. 3. Д. 32, 48, 54; Ф. 610. Оп. 1. Д. 1, 3, 14, 23, 61 и др.

[2] Приказ морского министра №152 от 17 июня 1908 г. // Морской сборник. Офиц. отдел. 1908, №8, с. 21–22.

[3] РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 2894. Л. 175–176, 177–182; Ф. 421. Оп. 4. Д. 871. Л. 386–391.

их утверждение Николаем II и спустя два дня они были объявлены к руководству по Морскому ведомству.[1]

Приказ
по Морскому ведомству
в С.-Петербурге, июня 15 дня 1905 года
№126

Государь император, в 13 день сего июня, на учреждение в школе для нижних чинов при Учебно-минном отряде особого класса телеграфистов, высочайше утвердить соизволил прилагаемое при этом "Положение о телеграфистах Морского ведомства", одобренное Адмиралтейств-советом 18-го мая сего года по журналу №4608, ст. 39108. О чем объявляю по Морскому ведомству для руководства.

Подписал: управляющий Морским министерством генерал-адъютант Авелан

Однако, еще до утверждения названных документов, в конце 1904 года при Минной школе Балтийского флота был учрежден особый класс радиотелеграфистов, в который зачислили новобранцев, служивших до службы телеграфистами в гражданских учреждениях. Таким образом, радиотелеграфисты в Российском флоте были выделены в отдельную специальность. Спустя 4 месяца приказом по Морскому ведомству от 24 октября 1905 года были введены знаки отличия "специального звания на рукавах предметов обмундирования для старших телеграфистов и телеграфистов".[2]

Приказ
по Морскому ведомству
в С.-Петербурге, октября 24 дня 1905 года
№229

Государь император, в 17-й день сего октября, высочайше соизволил утвердить одобренный Адмиралтейств-советом, по журналу от 24-го октября 1905 года, №4614, ст. 39181, прилагаемый при сем рисунок знаков отличия специального звания на рукавах предметов обмундирования для старших телеграфистов и телеграфистов особого класса этой специальности при Учебно-минном отряде.

Подписал: за морского министра вице-адмирал Диков

Совершенствование архитектоники и эргономики радиоустановок

Благодаря пятилетней практике вооружения кораблей радиоаппаратурой методом проб и ошибок, к 1905 году удалось обобщить накопленный опыт по радиовооружению и 31 мая управляющим Морским министерством были утверждены Правила установки станций беспроволочного телеграфирования на судах, в разработке которых большая заслуга принадлежит А. А. Реммерту. В соответствии с новым документом в радиовооружение кораблей был положен определенный критерий (водоизмещение), исходя из которого устанавливались технические условия на радиостанции (мощность, диапазон), требования к корабельной архитектуре и эргономике (количество и высота мачт, разнос между мачтами, место расположения и площадь радиорубки), вводился новый тип станций для внутриэскадренной связи, предусматривались аварийные антенны.[3] Обобщение опыта позволило А. А. Реммерту также создать первое практическое руководство – Пособие для заведующих станциями беспроволочного телеграфирования, отпечатанное в 500 экземплярах и разосланное на флоты.[4]

С окончанием Русско-японской войны завершился первый этап формирования системы радиосвязи Российского флота, для которого было характерно, с одной сто-

[1] Указатель правительственных распоряжений по Морскому ведомству за 1905 год. С. 585–588.

[2] РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 2894. Л. 256. Указатель правительственных распоряжений по Морскому ведомству за 1905 г., с. 566–567, 586–588, 874.

[3] Журнал Морского технического комитета по минному делу. 1905, 31 мая, №6 // Известия по минному делу. Вып. 42. СПб., 1906.

[4] РГА ВМФ Ф. 427. Оп. 1. Д. 1370. Л. 247.

роны, признание важности нового средства сообщения для повышения эффективности управления силами, принятие радио на вооружение кораблей и строительство первых береговых станций, первоначальная ориентация на обеспечение потребностей в радиоаппаратуре за счет собственной радиомастерской в Кронштадте, постепенное накопление опыта в радиооснащении флота, обслуживании, эксплуатации и боевом применении радиоустановок, подготовке радиоспециалистов, с другой стороны, отсутствием централизации руководства и планирования новой отраслью науки и техники как на ведомственном, так и общегосударственном уровне, недостаточным ее финансированием, слабым отечественным научно-техническим потенциалом в области радиотехники, что в конечном итоге вынудило руководство министерства перевести вооружение флота на радиостанции иностранного производства. В силу причин объективного и субъективного характера система радиосвязи в этот период не смогла реализовать свои потенциальные возможности.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ СВЯЗИ МОРСКОГО ВЕДОМСТВА В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Реформы в Морском министерстве 1905–1909 годов

Второй этап развития системы радиосвязи Морского министерства связан с проводимыми в послевоенные годы реформами на флоте. Наряду с разработкой новой кораблестроительной программы осуществляется ряд преобразований, направленных на совершенствование органов управления флотом.[1] Первым шагом в реорганизации морского управления стало освобождение в начале июня 1905 года от обязанностей главного начальника флота и Морского ведомства великого князя Алексея Александровича и введение должности морского министра, на которую был назначен адмирал А. А. Бирилев.[2] Важной реформой по управлению армии и флота было учреждение 8 июня 1905 года Совета государственной обороны,[3] необходимость в котором для координации деятельности Военного и Морского ведомств и устранения возникавших между ними разногласий, назрела давно. Не менее важным нововведением в управлении флотом, имевшем непосредственное отношение к подготовке России к войне на море, было создание 2 апреля 1906 года Морского генерального штаба (МГШ), во главе которого был поставлен капитан 1 ранга Л. А. Брусилов.[4]

В соответствии с докладом МГШ от 2 октября Николаю II "О состоянии, воссоздании и реорганизации флота" было признано целесообразным, чтобы "каждый из самостоятельных морских театров [имел] вполне законченную организацию своего флота и располагал в своих базах всеми средствами для самостоятельного существования", что означало, при наличии централизованного управления флотом, организацию децентрализованного управления морскими силами на каждом морском театре, что, в свою очередь, в последующем легло в основу дифференциации развития системы радиосвязи Морского министерства.[5] Задача оборудования морских театров военных действий средствами наблюдения и связи для освещения обстановки, ведения разведки, оповещения и управления силами, разделения сфер влияния в этом вопросе Морского и Во-

[1] См.: *Цветков И. Ф.* Организационно-мобилизационные органы и организационные структуры ВМФ России (1695–1945). СПб., 2000, с. 172–181.

[2] Морской сборник. 1905, №7. Офиц. отдел, с. 2. Протоколы заседаний чрезвычайной следственной комиссии по делу Колчака (Стенографический отчет). – В кн.: *Кларов Ю. М*. Арестант пятой камеры. М., 1994, с. 413.

[3] Положение о Совете государственной обороны (РГА ВМФ Ф. Р-1529. Оп. 2. Д. 22. Л. 1–4).

[4] РГА ВМФ Ф. 1158. Оп. 1 ч. 1. Д. 80. Л. 1–6, 13, 14, 68; Д. 132. Л. 4–5, 81. Высочайший рескрипт, данный на имя морского министра. № 192 от 24 апреля 1906 г. (РГА ВМФ Ф. Р-1529. Оп. 2. Д. 22. Л. 5–6). Именной высочайший указ Правительствующему Сенату от 5 июня 1906 г. (РГА ВМФ Ф. Р-1529. Оп. 2. Д. 22. Л. 7–8). Наказ Морскому генеральному штабу (РГА ВМФ Ф. Р-1529. Оп. 2. Д. 22. Л. 9–12). *Пантелеев Ю.* Развитие штабов в русском флоте от их зарождения до наших дней. Ч. 1. Л., 1949, с. 35–37.

[5] РГА ВМФ Ф. 418. Оп. 1. Д. 1. Л. 142; Д. 1437. Л. 24–25.

енного ведомств и их взаимодействия признавалась настолько важной, что стала предметом обсуждения на Совете государственной обороны в конце ноября – начале декабря 1906 года. В решении СГО по данному вопросу, в частности, отмечалось:[1]

> "<…> Разработать организацию побережного наблюдения в военное время при условии оставления в мирное время пунктов дальнего наблюдения – в ведении Морского ведомства и пунктов ближнего наблюдения – в ведении пограничной стражи, а равно разработать план мероприятий, имеющих целью обеспечить подготовку пунктов как ближнего, так и дальнего наблюдения к предстоящей для них с объявлением войны деятельности".

Полицейские задачи радиостанций флота

Материально-техническая база системы радиосвязи Морского министерства в послевоенные годы получила преимущественное развитие на Балтийском и Черноморском театрах. Начало своеобразному "планомерному" развитию сети радиостанций Балтийского моря положил Общий план расположения радиостанций на побережье, утвержденный морским министром 3 января 1906 года.

В соответствии с планом Главного морского штаба предусматривалось строительство в первую очередь шести радиостанций (из них три мощных) в Либаве, Гельсингфорсе и Ревеле для связи с Петербургом и первых двух – с Ревелем. Две менее мощные станции планировались в Транзунде и Бьерке для связи с Кронштадтом, Петергофом и Петербургом. Станция в Палангене намечалась для связи с Либавой. В Петербурге в качестве центральной предполагалось использовать радиостанцию Военного министерства, строительство которой началось в пос. Жерновка Ириновской железной дороги. Во вторую очередь предполагалось установить станции у Гангута, Дагерорта, Цереля, в Пернове, Соеле и на Вормсе. Они должны были обеспечить парную связь друг с другом (сосед с правой и левой стороны).[2]

Если учесть малочисленность сил Балтийского флота в 1905 году, быстрое решение вопроса финансирования строительства станций в сумме 160 тыс. руб. при скудости государственной казны, поспешность реализации проекта сооружения названных станций и, что весьма важно, признание в последующем Морским генеральным штабом несовершенства проекта, то напрашивается вывод, что их строительство было вызвано, по крайней мере, тремя политическими обстоятельствами.

Разрозненные источники свидетельствуют, что под влиянием революционных событий 1905–1906 годов определенные круги Финляндии готовили восстание, преследовавшее целью отделение ее от России.[3] Для предотвращения контрабандных поставок в Финляндию оружия 1-я минная дивизия должна была взять под контроль судоходство в Финском и Ботническом заливах, а устройство сети радиостанций призвано было повысить эффективность действий указанных сил в шхерных районах. Кроме того, строительство радиостанций было вызвано желанием правительства зарезервировать линии телеграфной связи на случай возможных забастовок телеграфистов Почтово-телеграфного ведомства или физического повреждения телеграфных проводов в условиях продолжавшейся буржуазно-демократической революции. Наконец, с сооружением названных радиостанций правительство получало каналы оперативной

---

[1] РГА ВМФ Ф. 418. Оп. 1. Д. 1. Л. 143; Д. 168. Л. 291; Д. 614. Л. 220–222; Ф. Р-1529. Оп. 2. Д. 175. Л. 2–8.

[2] РГА ВМФ Ф. 401. Оп. 1. Д. 9. Л. 31–32; Ф. 417. Оп. 1. Д. 3602. Л. 1; Ф. 421. Оп. 4. Д. 958. Л. 141, 258. Позже, в декабре 1908 года, Морской генеральный штаб так оценивал факт строительства этих радиоустановок: "Береговые станции Балтийского моря устраивались весьма спешно в 1905–1906 гг. и при устройстве их преследовались цели не военные, а чисто специального характера (предупреждение ввоза оружия и наблюдение за побережьем Финляндии)" (РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 3837. Л. 319).

[3] РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 3561. Л. 127. Д. 3602. Л. 324; Ф. 950. Оп. 1. Д. 739. Л. 86; Оп. 2. Д. 139. Л. 207. *Столыпин П. А.* Нам нужна великая Россия… Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. М., 1991, с. 130–134. Первая русская революция и ее историческое значение. М., 1975. Первая российская. Справочник о революции 1905–1907 гг. М., 1985. История Коммунистической партии Советского союза. Т. 2. М., 1966.

связи столицы с морскими и военными базами на Балтийском побережье, позволяющими быть в курсе положения в гарнизонах и, при необходимости, предпринимать соответствующие меры как по пресечению волнений в частях и на кораблях, так и привлечению вооруженной силы для подавления выступлений трудящихся.[1]

Так как аппаратура Кронштадтской радиомастерской по своим характеристикам уже в годы войны была признана, мягко говоря, малопригодной для надежного управления силами, решением МТК "ввиду устарелости, отсутствия приборов для настройки и возможности по этой причине нарушать телеграфирование", находящиеся на вооружении станции Попова-Дюкрете предписывалось заменить радиостанциям более совершенных систем, того же правила придерживались и при заказах оборудования для новых установок.

В конкурсе на поставку и оборудование радиостанций для Финского и Ботнического заливов приняли участие АО Русских электротехнических заводов "Сименс и Гальске" и фирма Маркони в лице ее представителя в России В. О. Баранова. Предложения английской фирмы оказались более выгодными и контракт на сумму 145 тыс. руб. был "по вынужденным обстоятельствам" заключен именно с ней. Причем, заключением контракта занималось не Главное управление кораблестроения и снабжений, а командир Ревельского порта контр-адмирал П. Н. Вульф. Столь существенное нарушение установленного порядка расходования средств объясняется тем, что произошло оно по указанию командующего Практическим отрядом обороны побережья Балтийского моря великого князя Александра Михайловича при личном докладе, в обход Главного морского штаба, морскому министру.[2]

В условиях дефицита средств в государственной казне привлекательным для Морского ведомства оказалось предложение американской фирмы де Фореста от 19 июля 1906 года, согласно которому она обязывалась установить за свой счет радиостанцию в Виндаве и, если в течение нескольких месяцев станция будет работать исправно, ей будет уплачено 27 тыс. руб.; в противном случае она обязывалась снять все оборудование без какого-либо вознаграждения со стороны министерства (АО Русских электротехнических заводов "Сименс и Гальске" предлагало такую же станцию за 30 тыс. руб.). Контракт на строительство станции в Виндаве на условиях фирмы и разработанного технического задания Минного отдела был заключен 16 октября 1906 года с представителем де Фореста в России Ф. Ф. Медхерстом. Станция была предъявлена к сдаче 2 февраля 1907 года, однако приемная комиссия признала ее не отвечающей техническим условиям. Не была она принята в казну и в июне 1907 года и Медхерсту было приказано демонтировать оборудование.[3]

В Либаве и Кронштадте (здание Пароходного завода) радиостанции были построены фирмой "Телефункен". Кроме того, станция германской системы была установлена в здании Главного адмиралтейства в Петербурге. В связи с необходимостью увеличения мощности радиостанции в Либаве для ее переустройства 19 мая 1908

[1] РГИА Ф. 1289. Оп. 8. Д. 760, 853. РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 3399. Л. 80 –83, 129, 132, 204; Ф. 418. Оп. 1 т. 1. Д. 1. Л. 375–376; Ф. Р-1529. Оп. 2. Д. 175. Л. 23–24. См. также: Виленская жизнь // Северо-западное слово. 1905, 4 ноября. *Дудоров Б. П.* Адмирал Непенин. СПб., 1993, с. 126. О достоверности авторской гипотезы говорит и тот факт, что в отношении Главного морского штаба в Главный штаб Военного министерства от 17 марта 1907 г. отмечалось, что "радиотелеграфные станции Морского ведомства, кроме значения узкого в целях этого ведомства, имеют еще значение общегосударственное, в особенности в настоящее время, когда радиотелеграф является единственным средством для парализования телеграфных забастовок" (РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 3561. Л. 127. Д. 3602. Л. 324).

[2] РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 3602. Л. 394, 395; Ф. 421. Оп. 4. Д. 985. Л. 178, 203–204, 210.

[3] РГА ВМФ Ф. 421. Оп. 4. Д. 985. Л. 40, 117, 147, 149–151, 405–408; Д. 986. Л. 81–84; Д. 1026. Л. 2–310–12, 26–28, 72, 219–223; Д. 1027. Л. 396–399, 400–401; Д. 1028. Л. 11; Д. 1089. Л. 25, 26–27, 56–57, 75; Д. 1110. Л. 132–137.

года был заключен контракт с Русским обществом беспроволочных телеграфов и телефонов, 29 апреля 1909 года была принята в казну и начала функционировать.[1]

К концу 1906 года в Балтийском море имелось уже 12 береговых и 45 корабельных радиостанций.[2] О том, насколько стремление к экономии средств превалировало зачастую над интересами дела говорит тот факт, что начальник Главного морского штаба контр-адмирал А. Г. Нидермиллер, озабоченный недопустимостью комплектования штатов береговых радиостанций плавсоставом, 12 сентября 1906 года признавал "исключительно целесообразной" мерой для организации "правильного функционирования в будущем установленных станций" передачу их в ведение Почтово-телеграфного ведомства. Предложение Нидермиллера было отвергнуто начальником Морского генерального штаба.[3]

Административно-строевая организация системы радиосвязи

Значительное расширение сети береговых радиостанций на Балтийском побережье потребовало регламентации порядка их обслуживания, эксплуатации и использования, а также обеспечения электромагнитной совместимости, для чего в 1907 году МГШ выработал проект административно-строевой организации системы радиосвязи на Балтийском море, получивший одобрение морского министра и введенный в действие командующим Практическом отрядом обороны побережья Балтийского моря.[4] В соответствии с этой организацией береговые станции Балтийского моря делились на три группы (восточная, северная и южная) во главе с соответствующим начальником (Шиллинг, А. А. Ковальский, Щетинин). Главной станцией, осуществлявшей общее руководство радиосвязью между группами, была определена Кронштадтская станция; центральными станциями групп являлись станции Гельсингфорса и Ревеля. Порядок радиосвязи и правила работы на станциях регламентировались принятыми 27 апреля 1906 года Правилами для телеграфистов и Правилами сношений по искровому телеграфу.[5] Примечательным в плане развития организации радиосвязи на корабельных соединениях и оперативности управления силами являлся приказ командующего Практическим отрядом обороны побережья Балтийского моря № 198 от 29 июня 1906 года, предписывающий чтобы на каждом рейде один из кораблей, снабженных радиостанциями, нес круглосуточное дежурство по радиосвязи. Этим самым закладывались основы дежурства по связи на корабельных соединениях, получившие в дальнейшем свое развитие как в отечественном флоте, так и во флотах других стран.[6]

Незамедлительного решения требовала и проблема электромагнитной совместимости радиоустановок Военного и Морского ведомств, расположенных в районе Санкт-Петербурга. Во-первых, в силу низкой управленческой культуры штабы воинских частей Санкт-Петербургского военного округа и соединений Балтийского флота при наличии каналов проводной связи большинство сообщений старались передать по каналам радиосвязи. Во-вторых, из-за трудностей частотного разнесения работы радиостанций и несогласованности временного разноса их работы установки оборонных ведомств и правительственные радиостанции создавали помехи друг другу. В-третьих, зачастую дисциплина в радиосетях была очень низкой; при этом нарушения правил обмена допускали как радиотелеграфисты, так и офицеры радиостанций. Ниже приведены лишь некоторые примеры нарушений, допущенные радиостанцией форта Меншикова[7]

---

[1] РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 3708. Л. 139, 154; Д. 3948. Л. 102; Ф. 421. Оп. 4. Д. 985. Л. 174–176.

[2] РГА ВМФ Ф. Р-1529. Оп. 2. Д. 175. Л. 2–6.

[3] РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 3713. Л. 19; Ф. 418. Оп. 1. Д. 147. Л. 57.

[4] РГА ВМФ Ф. 418. Оп. 1. Д. 147. Л. 278; Д. 418. Л. 11–13, 113.

[5] РГА ВМФ Ф. 418. Оп. 1. Д. 147. Л. 25–26, 27–29. Указатель правительственных распоряжений по Морскому ведомству за 1906 г.

[6] РГА ВМФ Ф. 418. Оп. 1. Д. 147. Л. 48.

[7] РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 3837. Л. 195.

"…Николаевич, дайте взаймы 50 рублей. Ваш друг Куралаш".

и военной радиостанцией "Риф".[1]

"…вчера я отворил темницу воздушной пленницы моей, я рощам возвратил певицу, я возвратил свободу ей…"

С целью урегулировать работу радиостанций различных ведомств по инициативе Морского министерства в сентябре 1905 года провела работу междуведомственная комиссия во главе с начальником Учебно-минного отряда Балтийского флота контр-адмиралом К. М. Тикоцким,[2] в октябре 1905 – ноябре 1906 года – междуведомственное совещание под председательством главного инспектора минного дела Морского технического комитета генерал-майора А. А. Ковальского. Их работа завершилась разработкой проекта Положения о радиотелеграфных станциях и легла в основу создания Междуведомственного радиотелеграфного комитета.[3]

Планомерное начало радиостроительства на Балтийском флоте, закрепленное установлением административно-строевой организации, явилось основой того состояния системы радиосвязи Балтийского театра, которое было достигнуто к моменту начала Первой мировой войны.

Необходимость расширения радиооснащения Черноморского театра была признана флотским командованием уже в ноябре 1905 года. В соответствии с заключением комиссии, назначенной начальником штаба флота, признавалось необходимым устроить вблизи Севастополя и на Константинопольском стационере радиостанций с передатчиками, позволявшими держать надежную связь с кораблями в море до 500 миль, организовать сеть радиостанций на черноморском побережье и особенно на кавказском берегу, а также перевести радиооборудование кораблей на новые установки. Препровождая акт комиссии в Главный морской штаб для доклада морскому министру, командующий флотом контр-адмирал И. Ф. Бострем отмечал, что "без упорядочения и надлежащей организации телеграфных сообщений [на театре] вести войну в нынешнее время почти невозможно". При докладе Морского генерального штаба вопроса о состоянии и боевой готовности Черноморского флота, морской министр 1 августа 1906 года приказал для организации связи эскадры флота с главной базой установить радиостанции в Севастополе и Батуме. Однако средства на сооружение радиостанции в Севастополе (80 тыс. руб.) были отпущены только в 1908 году, контракт на ее сооружение заключен 28 августа того же года с С. М. Айзенштейном, вступила в строй станция при многих недоделках 31 июля 1910 года, а "условный" ее прием в казну состоялся 27 октября. К работам по сооружению радиостанции в Батуме приступили также лишь спустя два года и введена в строй она была осенью 1909 года.[4]

К началу 1908 года Черноморский флот располагал десятью корабельными, одной береговой и шестью подвижными радиостанциями. Все береговые станции делились на две группы – северного и восточного районов. Для подвижных станций в 1908 году были заказаны автомобили.[5]

Несмотря на то, что Черноморский флот в сравнении с Балтийским имел меньшее количество кораблей и меньший парк радиостанций, в действительности он не отставал в организации, инициативе и в части практических результатов от других флотов и дал немало положительных решений, имевших большое значение в дальнейшем

[1] РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 3837. Л. 232.

[2] РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 3422. Л. 14.

[3] РГИА Ф. 28. Оп. 1. Д. 403. Л. 120; Ф. 565. Оп. 9. Д. 31534. Л. 6–7, 13–18. РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 3712. Л. 5–21; Д. 3956. Л. 16–22. Правительственный вестник. 1908. №46.

[4] См.: Бюллетень связи ВМФ. 1945, № 6, с. 72–75.

[5] РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 3602. Л. 42, 43, 56, 313; Д. 3706. Л. 377; Ф. 421. Оп. 4. Д. 985. Л. 145; Ф. 479. Оп. 1. Д. 15. Л. 47–48.

развитии системы радиосвязи и зарождении радиоразведки в Российском флоте, создании и деятельности его Службы связи.[1]

После подписания Портсмутского мирного договора (23 августа 1905 года) стратегическое значение Тихоокеанского театра военных действий, как вероятного театра будущих вооруженных столкновений, изменилось, в связи с чем финансирование на его инженерное оборудование и развитие корабельного состава было значительно сокращено в сравнении с Балтийским и Черноморскими театрами. К началу 1908 года на Дальневосточном театре Россия имела всего 8 военных кораблей, имеющих радиостанции, однако для обслуживания этого весьма скромного парка радиоаппаратуры имелось только два радиотелеграфиста: один обеспечивал работу мощной станции во Владивостоке, второй – обслуживал станцию канонерской лодки "Манджур". Отсутствие обслуживающего персонала привело к бездействию корабельных радиостанций, из-за чего часть их со временем была демонтирована.[2]

Ограниченность средств, отпускаемых на эксплуатацию Владивостокской радиостанции, приводит к тому, что часть ее оборудования приходит в негодность и в марте 1908 года Главный морской штаб ставит вопрос о нецелесообразности ее дальнейшего существования. Морской генеральный штаб, рассматривавший роль радиостанции шире, признал преждевременным ее закрытие. Во-первых, станция могла послужить центром подготовки радиоспециалистов, что позволяло в перспективе укомплектовать корабельные радиостанции радиотелеграфистами и превратить эти корабли в полноценные боевые единицы, во-вторых, она являлась основой системы радиосвязи флота, обеспечивая не только управление, пусть и немногочисленными, силами, но и связь взаимодействия с частями армии на театре, в-третьих, она могла служить базой для наращивания системы радиосвязи флота в перспективе.[3]

В 1908 году был возбужден вопрос о радиостроительстве в операционной зоне Сибирской (Амурской) флотилии Тихого океана, результатом чего явилось сооружение стационарных береговых радиостанций в Благовещенске и Хабаровске и поставка четырех подвижных станций.[4]

Создание Службы связи Российского флота

Несмотря на определенную результативность первых шагов по реализации Программы развития реформ морских вооруженных сил, позволивших достичь улучшения материальной базы системы радиосвязи морских театров и корабельного состава, организационная сторона дела по-прежнему являлась несовершенной и требовала дальнейшего совершенствования. Созданные на морях отдельные наблюдательные посты и радиостанции, объединенные в определенную общую систему, далеко еще не отвечали требованиям боевого управления силами. Радиостанции и наблюдательные пункты были приписаны к отдельным портам, в штате которых не было специальных лиц, которые бы ими непосредственно ведали. Заведование береговыми радиостанциями поручалось вольнонаемным гражданским техникам, что было вызвано отсутствием необходимых кадров во флоте. Также не было на флотах специальных лиц, объединяющих работу всех береговых радиостанций и наблюдательных пунктов.

Сложившееся положение вызывало беспокойство у многих офицеров флота за состояние руководства наблюдением и связью, не удовлетворявшее потребностям управления силами. Так, заведующий беспроволочным телеграфом на Черноморском флоте лейтенант В. Н. Кедрин в своей докладной записке на имя главного командира Черноморского флота и портов Черного моря от 9 января 1907 года в частности писал:[5]

---

[1] РГА ВМФ Ф. 421. Оп. 4. Д. 1327. Л. 34; Д. 1495. Л. 73; Ф. 610. Оп. 1. Д. 1. Л. 12–19. Всеподданнейший доклад по Морскому ведомству за 1912 г., с. 118.

[2] РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 3844. Л. 3, 6, 12, 13; Ф. 468. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–4; Ф. 1281. Оп. 1. Д. 1. Л. 3–4.

[3] РГА ВМФ Ф. 418. Оп. 1. Д. 986. Л. 75; Ф. 1281. Оп. 1. Д. 3. Л. 84.

[4] РГА ВМФ Ф. 1281. Оп. 1. Д. 6. Л. 117.

[5] РГА ВМФ Ф. 421. Оп. 4. Д. 1625. Л. 15.

"В настоящее время управление радиотелеграфом совершенно не организовано: нет ни положения, ни ответственных, непосредственно стоящих у дела хозяев. Необходимо иметь на каждом месте лицо, которому поручить дело, ответственность за техническую часть и за подготовленность личного состава".

Аналогичные предложения по упорядочению руководства системой освещения обстановки на Балтийском флоте высказывал и офицер штаба Кронштадтского порта капитан 2 ранга Н. Н. Апостоли, ведавший на Балтике наблюдательными постами, предлагая сосредоточить все посты и станции флота в одних руках.[1]

В связи с этим во флоте все настойчивее ставится вопрос о необходимости придания радиоделу более стройной организации.[2]

Основным документом, послужившим основанием для начала работ по приданию системе радиосвязи флота соответствующей организации, явился доклад МГШ морскому министру "Служба связи и наблюдения, ее развитие в 1907–1909 гг." от 3 февраля 1907 года. Поднятый МГШ вопрос об учреждении Службы связи приобрел особую актуальность в связи с утвержденным 4 марта 1907 года Николаем II постановлением Совета государственной обороны, признавшего необходимость развития на флоте системы постов дальнего наблюдения как органов разведки и связи с кораблями.[3]

В соответствии с данным документом, основанным на сложившихся принципах оперативного искусства начала XX века, предусматривалось обнаружение кораблями-разведчиками или береговыми постами наблюдения основных сил противника и передача об этом оповещения основным силам своего флота через ближайшую береговую радиостанцию или путем ретрансляции, в силу чего система радиосвязи включалась в систему освещения обстановки и оповещения на театрах как основная часть ее материальной основы. Исходя из этого, главными факторами приведения системы освещения обстановки и оповещения, по мнению МГШ, необходимо было: во-первых, сосредоточить заведование ею в том учреждении, которое главным образом будет пользоваться ею во время войны, т. е. в боевом флоте, чем предопределялся децентрализованный принцип руководства системой связи Морского ведомства, во-вторых, заведование связью должно иметь во главе управления ею лицо, ответственное за правильное ее действие в военное время, каковым признавался командующий флотом, в-третьих, из-за разнообразия средств наблюдения и связи, требовалось определить ответственных за соответствующие структуры Службы связи должностных лиц.[4]

С учетом оборудования морских театров России береговыми наблюдательными пунктами и радиостанциями МГШ предлагались также проекты структуры организации Службы связи всех трех флотов, в соответствии с которыми рекомендовалось "нынче же руководствоваться ими для составления предложений о беспроволочном телеграфе и наблюдательных пунктах". Признавая необходимым обобщить имеемый опыт по руководству этими отраслями морского дела и предложения различных лиц по его совершенствованию, предлагалось незамедлительно приступить к разработке соответствующих законопроектов, чтобы к 1908 году иметь на флоте проведенные в законодательном порядке ведающие связью учреждения, а в нынешнем году назначить для этого нештатных руководителей. Морской министр И. М. Диков утвердил доклад Морского генерального штаба и приказал представить предложения по ответственным за разработку соответствующих положений и временным исполнителям обязанностей.

[1] РГА ВМФ Ф. 418. Оп. 1. Д. 1311. Л. 7.
[2] РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 3708. Л. 105–126; Ф. 418. Оп. 1. Д. 147. Л. 234–254; Ф. 421. Оп. 4. Д. 1625. Л. 15.
[3] РГА ВМФ Ф. 418. Оп. 1. Д. 1. Л. 131–166, 268, 269; Д. 146. Л. 70, 89а–91, 168, 254–277.
[4] РГА ВМФ Ф. Р-1529. Оп. 2. Д. 175. Л. 2–8.

"Служба связи и наблюдения, ее развитие в 1907–1909 гг."

Доклад по Морскому генеральному штабу морскому министру
3 февраля 1907 г. №9

В настоящее время для достижения такой связи служат:
1. Сигнализация всеми принятыми на судах флота способами.
2. Искровое телеграфирование судов флота между собой и с береговыми станциями.
3. Искровое телеграфирование береговых станций между собой.
4. Сношения наблюдательных пунктов между собой и с береговыми учреждениями.
5. Сношения наблюдательных пунктов с судами флота.

Все эти средства, взаимно дополняющие друг друга и при правильном использовании их деятельности, должны дать флоту такую обстановку, в которой командующий флотом, находясь в любом месте данного моря мог бы в каждый данный момент быть осведомлен о всем происходящем в пределах видимости как с судов, так и с береговых пунктов.

Главными факторами для приведения связи в стройную систему является: во-первых, сосредоточение ведения ею в том учреждении, которое главным образом будет пользоваться ею во время войны, т. е. В боевом флоте; во-вторых, ведение связью должно иметь во главе управления ею лицо, ответственное за правильное ее действие в военное время – таковым лицом должен быть командующий флотом; но так как средства связи весьма различны (суда, пункты, станции), то над каждой отдельной отраслью связи должен быть свой ответственный начальник.

Тогда схема организации связи выразилась бы в следующем виде:

Россия в настоящее время обладает на всех морях флотом весьма слабым, почему и представляется необходимым по выяснению средств связи перейти к возможному ее усовершенствованию.

<…>Если Вашему высокопревосходительству угодно будет согласиться с изложенными в сем докладе соображениями по организации связи, то представляется необходимым ныне же руководствоваться ими при составлении положений о беспроволочном телеграфе и наблюдательных пунктах.

Составление Положения об управлении этой отраслью морского боевого дела представляется мерой весьма существенной и по отношению беспроволочного телеграфирования в настоящее время осуществляется; Положение же о наблюдательных пунктах никем не составляется.

Ввиду изложенного не угодно ли будет вашему высокопревосходительству приказать ныне же приступить к составлению Положения о начальнике связи и о наблюдательных пунктах, дабы возможно было в 1908 году иметь проведенными в законодательном порядке ведающие связью учреждения, а в нынешнем году назначить к несению намеченных в докладе обязанностей лиц, на которых и возложить приведение в должный порядок этой отрасли морского боевого дела, столь необходимой для успешных военных операций.

Подписали:
Начальник Морского генерального штаба капитан 1 ранга Брусилов
Заведующий отделением русской статистики лейтенант Колчак

Резолюция: "Согласен. Представить соображения о приведении в исполнение проекта: кому поручить составление штатов и кого назначить для исполнения обязанностей по заведованию [беспроволочным] тел[еграфом] и набл[юдением] до утвержденного. Диков 3/II".

Критический анализ этого важнейшего документа и принятых по нему решений морского министра показывает, что в них речь шла преимущественно о береговой системе наблюдения и связи и ничего не говорилось об упорядочении этой отрасли военно-морского дела на кораблях и корабельных соединениях, где картина с ее организацией выглядела не лучшим образом. К решению этого вопроса Морскому ве-

домству частично пришлось обратиться уже в ходе Первой мировой войны, а окончательно он был решен в Военно-морском флоте СССР.

Обращение к докладу МГШ свидетельствует, что руководство Морского ведомства предлагало организацию системы освещения обстановки на морских театрах, состоящую из двух структур: береговых наблюдательных постов и станций и системы радиосвязи флота. В соответствии с этой идеологией и получила развитие вся подготовительная работа.

Что касается разработки положения и штатов наблюдательных пунктов, то она поручалась офицеру Оперативного отделения штаба Кронштадтского порта капитану 2 ранга Н. Н. Апостоли. Разработкой положения о централизации управления радиосвязью на флоте занимался Морской технический комитет. Одновременно для заведования наблюдением и радиосвязью на флотах были назначены ответственные лица: 17 августа 1907 года заведующим наблюдательными пунктами Балтийского моря – капитан 2 ранга Н. Н. Апостоли (с 8 сентября 1908 года ему были подчинены и береговые радиостанции);[1] на Черном море заведование береговыми наблюдательными пунктами и радиостанциями было поручено капитан-лейтенанту В. Н. Кедрину; на Тихом океане – поручику С. Д. Величковскому.[2]

В конце 1907 года капитаном 2 ранга Н. Н. Апостоли была разработана и представлена в Главный морской штаб "Объяснительная записка об организации наблюдательных пунктов на Балтийском и Черном морях и на побережье Тихого океана", послужившая основой для дальнейших работ по выработке Положения о береговых наблюдательных пунктах Морского ведомства. Доработка этого документа была поручена специальной комиссии под председательством командира линкора "Император Павел I" капитана 1 ранга П. В. Римского-Корсакова, для участия в которой МГШ просил прикомандировать также специалистов по радиосвязи (В. Н. Кедрин, Шиллинг, Г. И. Шевелев).[3] Причем перед комиссией ставилась уже задача более широкого плана, а именно разработка проекта организации наблюдательных пунктов и проекта организации системы береговых радиостанций. Работа комиссии продолжалась с 2 марта до 1 мая 1908 года, а 15 мая 1908 года выработанное комиссией Положение о наблюдательных пунктах и береговых радиостанциях было внесено в законодательную часть.[4]

В это же время получает дальнейшее развитие реорганизация командования на флотах. Приказом по Морскому ведомству от 31 мая 1908 года № 133 "в виде временной меры, впредь до утверждения в установленном порядке реорганизации управления Морским ведомством", упраздняются должности главных командиров флота и портов и вводится должность начальника Морских сил. Указом правительства № 9824 утверждается Положение о начальнике Морских сил, которое 2 сентября 1908 года приказом по Морскому ведомству вводится в действие.[5] Согласно Положению, начальнику Морских сил подчинялись все строевые эскадры, отряды, корабли и суда в отдельном плавании, а также предусмотренная проектами Служба на-

[1] До сентября 1908 года заведующими беспроволочным телеграфом на Балтийском море были лейтенанты Г. Бутаков и Р. И. Берлинг, Б. Б. Жерве и капитан 2 ранга В. Тырков (РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 3837. Л. 235; Ф. 421. Оп. 4. Д. 1026, Л. 163; Д. 1027. Л. 61; Д. 1111. Л. 79. Циркуляр штаба Кронштадтского порта. 1908, 8 сентября, №2806).

[2] РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 3708. Л. 11, 257; Ф. 418. Оп. 1. Д. 168. Л. 117.

[3] РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 3715. Л. 5–11, 12–21, 22–27, 28, 52–57; Д. 3845. Л. 1, 5, Ф. 418. Оп. 1. Д. 168. Л. 121, 123, 155–156, 158, 291; Д. 217. Л. 2; Д. 222. Л. 2–105; Д. 647. Л. 46, 52–58, 69–74; Д. 986. Л. 20.

[4] РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 3715. Л. 113–117, 157, 158–162, 242–246; Д. 3845. Л. 10–14; Ф. 418. Оп. 1. Д. 1. Л. 268; Д. 18. Л. 80, 81–84; Д. 130. Л. 8–12; Д. 146. Л. 70, 89а–91.214, 225, 241–248, 249–251, 254–277; Д. 147. Л. 107; Д. 167. Л. 105, 153–159; Д. 168. Л. 16–20, 34–38, 55, 71, 7495, 97–104, 106–107; Д. 614. Л. 2–12, 67–73; Д. 942. Л. 1.

[5] Указатель правительственных распоряжений по Морскому ведомству за 1908 г., с. 801–802.

блюдения и связи во вверенном флоте, хотя штатом штабов Морских сил не предусматривались должностные лица для руководства ею; за организацию берегового наблюдения и связи отвечало Оперативное отделение штаба, вопросы связи на кораблях находились по-прежнему в руках минных (радиосвязь) и штурманских (сигнальная связь) офицеров, а на соединениях – флагманских минных офицеров.

Введение в лексикон руководящих документов и делопроизводства различных учреждений Морского ведомства термина "Служба связи" задолго до ее юридического оформления как структурного подразделения флота послужило основанием для отдельных исследователей в неоднозначности определения сроков создания Службы связи отечественного флота.[1]

Важнейшим моментом в истории Российского флота, определившим многие аспекты его повседневной и боевой деятельности в последующие годы, стало подписание 23 ноября 1909 года приказа № 310 с объявлением Положения о береговых наблюдательных постах и станциях Морского ведомства.[2]

Приказ
по Морскому ведомству
23 ноября 1909 г. №310

Государь император, в 22-й день октября 1909 года, по всеподданнейшему докладу моему постановления Адмиралтейств-совета, по журналу от 14 октября 1909 года, №4750, ст. 40433, высочайше соизволил:

1) утвердить проект Положения о береговых наблюдательных постах и станциях Морского ведомства и

2) разрешить ввести это Положение в пределах ассигнований, которыми Морское министерство будет располагать по финансовым сетам.

Таковое величайшее повеление, а также Положение о береговых наблюдательных постах и станциях Морского ведомства, распубликованные в Сборнике указаний и распоряжений правительства от 20-го сего ноября №224, ст. 2210, объявляю по Морскому ведомству.

Подписал: морской министр вице-адмирал Воеводский

Целевым предназначением системы берегового наблюдения и радиосвязи являлось наблюдение за происходящим на море и обеспечение связи кораблей с берегом. Структура вновь созданной системы предусматривала объединение постов и станций в группы, в каждой из которых имелась центральная радиостанция. Управление всеми группами каждого моря объединялось в лице начальника Службы связи. Наряду с централизацией управления береговой частью системы радиосвязи, Положением предусматривалась регламентация всех вопросов ее боевой и повседневной деятельности (оргштатные, хозяйственные, административно-правовые и др.). Кроме того, введенным в действие приказом по Морскому ведомству № 311 от 23 ноября 1909 года определялись штатные должности начальников Службы связи на Балтийском и Черном морях и Тихом океане, их права и обязанности.[3]

Приказ
по Морскому ведомству
23 ноября 1909 года №311

государь император, высочайше утвердив, в 5-й день ноября 1909 года, одобренное Адмиралтейств-советом, по журналу 14 октября 1909 года №4750, ст. 40434, Положение о начальнике действующего флота, вместе с тем высочайше повелеть соизволил:

I. Начальников морских сил переименовать в начальников действующего флота;

---

[1] Например, *Зернов М., Трухнин Н.* Служба связи в русском флоте в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 1966, №3, с. 111. *Трухнин Н., Заколпский Ю.* 100-летний юбилей // Морской сборник. 1974, № 11, с. 87. *Дюдин Е. С., Ильин Н. И., Морозов И. Д., Стрелов А. Б.* Флагману – надежную связь. СПб., 1995, с. 100, 101, 109, 112. *Коваленко Ю. Я., Стрелов А. Б.* У истоков радиосвязи. СПб., 1997, с. 123, 128.

[2] Указатель правительственных распоряжений по Морскому ведомству за 1909 г., с. 959–967.

[3] Указатель правительственных распоряжений по Морскому ведомству за 1909 г., с. 968–979.

II. Положение о начальнике действующего флота ввести в действие взамен высочайше утвержденного 18 июня 1908 года Положения о начальниках морских сил;

<…> Таковое высочайшее повеление, а также высочайше утвержденное Положение о начальнике действующего флота, распубликованные в Сборнике указаний и распоряжений правительства от 20-го сего ноября№224, ст. 2212, объявляю по Морскому ведомству.

На подлинном собственною его императорского величества рукою написано:

"Утверждаю"
В Ливадии.
5-го ноября 1909 года
Подписал: морской министр вице-адмирал Воеводский

Положение о начальнике действующего флота

1. Эскадры и отряды действующего флота и 1-го резерва в Балтийском море, в Черном море и в Тихом океане, как равно средства наблюдения и связи в каждом их указанных морей, вверяются в командование флагману, который именуется начальником действующего флота данного моря.

3. Начальник действующего флота подчинен непосредственно морскому министру.

8. Начальник действующего флота принимает все меры к тому, чтобы средства наблюдения и связи были надлежащим образом организованы, чтобы как эти средства, так и подчиненные ему суда были укомплектованы личным составом и чтобы материальная часть была в полной исправности.

22. Заведование и управление подведомственными начальнику действующего флота средствами наблюдения и связи возлагается по усмотрению начальника действующего флота на одного из флагманских специалистов штаба, которому присваивается наименование начальник Службы связи.

Начальник Службы связи, неся общие обязанности чинов флагманского штаба и пользуясь правами флагманских специалистов, наблюдает за тем, чтобы корабли и береговые наблюдательные посты и станции были надлежащим образом снабжены установленными приборами для сигнализации и чтобы посты и станции были укомплектованы личным составом. Он распоряжается приведением береговых постов и станций в состояние готовности к сроку, назначенному для открытия их действия. Согласно с указаниями, получаемыми от начальника штаба, о руководит собиранием и передачей сведений.

В отношении к личному составу береговых постов и станций начальник Службы связи пользуется дисциплинарной властью, присвоенной командирам судов I ранга.

С разрешения начальника действующего флота и с ведома начальника штаба, начальник Службы связи удостоверяется в исправности предметов сигнальной части на кораблях и на наблюдательных постах и станциях, а также в надлежащем отправлении службы на береговых постах и станциях. О всякой неисправности на кораблях он сообщает командиру корабля, а замеченную неисправность на береговых наблюдательных постах и станциях устраняет своей властью, донося обо всем начальнику штаба.

Таким образом, издание приказов № 310 и № 311 подвело итог послевоенных преобразований в Морском министерстве по совершенствованию материальной основы системы управления силами Российского флота и явилось юридическим основанием создания Службы связи.

В начале 1910 года приказами по Морскому ведомству были произведены назначения первых начальников Службы связи флотов: капитана 2 ранга Н. Н. Апостоли (Балтийский флот), капитана 2 ранга В. Н. Кедрина (Черноморский флот) и корпуса флотских штурманов подполковника В. З. Лукина (Тихоокеанский флот).[1] Одновременно с назначением начальников связи флотов состоялись назначения начальников и электротехников районов береговых наблюдательных постов и станций: начальником Южного района Службы связи Балтийского моря – капитан-лейтенант А. А. Ковальский и электротехником лейтенант Б. В. Пяткин; начальником Северного района – старший лейтенант Н. С. Вечеслов и электротехником – лейтенант Г. И. Шевелев; начальником Владивостокского района Службы связи Тихого океана – поручик по адмиралтейству И. П. Семенов.[2]

[1] РГА ВМФ Ф. 406. Оп. 9. Д. 115, 1729, 2394. Приказ по Морскому ведомству №8 от 11 января 1910 г. Приказ по Морскому ведомству № 28 от 8 февраля 1910 г. Приказ по Морскому ведомству № 137 от 10 июня 1910 г.

[2] Приказы по Морскому ведомству: №12 от 18 января 1910 года, №52 от 8 марта 1910 года и №123 от 24 мая 1910 года.

Попытка централизации радиодела на флоте

Как видно, предположения МГШ по докладу морскому министру №9 от 3 февраля 1907 года завершились лишь централизацией наблюдения и связи на флоте. Вторая задача, ставившаяся в докладе МГШ, – централизация радиодела в масштабах Морского ведомства – была решена лишь частично.

Буквально через месяц после доклада МГШ "Служба связи и наблюдения, ее развитие в 1907–1909 гг." в Морской технический комитет был представлен проект Положения об управлении на флоте делом беспроволочного телеграфирования, разработанный флагманским минным офицером штаба главного командира флотов и портов Балтийского моря лейтенантом Б. Б. Жерве.[1] Проект состоял из двух частей.

Часть I "Управление делом беспроволочного телеграфирования в центральных учреждениях Морского министерства" предполагала "дело беспроволочного телеграфирования, подобно прочим отраслям морского дела, не централизовать во флоте в ведении какой-либо должности, а распределить по отделам в учреждениях Морского министерства": организация и административно-строевая часть – в Главном морском штабе, статистическая часть – в Морском генеральном штабе, техническая часть – в Морском техническом комитете, хозяйственная часть – в Главном управлении кораблестроения и снабжений. При этом заведование организационной и административно-строевой частями радиодела проектом предлагалось возложить на одного из штаб-офицеров Главного морского штаба.

Часть II проекта "Управление делом беспроволочного телеграфирования в Балтийском и Черноморском флотах и на судах и побережье Тихого океана" предусматривала подчинение радиодела на флотах их командующим; для непосредственного же руководства радиосвязью предлагалось на Балтийском и Черноморском морях ввести должность заведующего беспроволочным телеграфированием флота, на Тихом океане – заведующего беспроволочным телеграфированием Владивостокского порта.

Характеризуя проект Б. Б. Жерве в целом, следует отметить, что в нем предлагались лишь полумеры и его реализация не решила бы вопроса централизации управления радиоделом на флоте.

Кроме проекта Положения об управлении на флоте делом беспроволочного телеграфирования весной 1907 года капитаном 2 ранга А. А. Реммертом были разработаны и представлены руководству МТК проекты Временного положения о радиотелеграфной части в Морском ведомстве, Положения о Минно-электротехническом отделе Морского министерства, Положения о Радиотелеграфной лаборатории, Положения о радиотелеграфных мастерских и Положения о радиотелеграфных складах. Все эти проекты явились частями единого пакета документов по централизации радиодела на флоте под названием Положение о радиотелеграфной части в Морском ведомстве.[2]

Проект Положения о радиотелеграфной части в Морском ведомстве 13 июля 1907 года был направлен в Главный морской штаб для дальнейшего законодательного рассмотрения. Вслед за этим в ГМШ поступили отзывы (в целом положительные) на проект от заведующего делами МГШ капитана 1 ранга А. В. Шталя, начальника Учебно-минного отряда Балтийского флота контр-адмирала В. А. Лилье, Главного управления кораблестроения и снабжений. Несмотря на это, решением совещания под руководством исполняющего дела начальника ГМШ Н. М. Яковлева от 13 августа 1907 года было принято отрицательное решение о реализации положений, отраженных в проекте,[3] под тем предлогом, что

---

[1] РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д.3714. Л. 4–24.

[2] РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 3714. Л. 4–24, 25–27, 27об–28, 30–31а, 31а об–31б; Ф. 421. Оп. 4. Д. 1111. Л. 217–227.

[3] РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 3714. Л. 132–135.

"<…>проект Положения о радиотелеграфном деле, обнимая собою административную, учебную и хозяйственно-технические части, представляет из себя полную картину вновь организованного дела и может рассматриваться как материал и основание для дальнейшей разработки и проведения мероприятий по радиотелеграфии, но в целом этот проект неприемлем для Положения, так как всей организации нарождающегося дела придано слишком широкое значение, которое ставит его в самостоятельную часть, выделяя его из всех прочих специальностей".

Совещание рекомендовало МТК выделить в отдельные законопроекты вопросы, касающиеся хозяйственно-технической части радиодела и учебные вопросы, что и было сделано А. А. Реммертом. В итоге, как уже отмечалось выше, рассмотрение законопроекта о хозяйственно-технической части Морского ведомства растянулось на несколько лет и закон о Радиотелеграфном депо Морского ведомства вышел только 10 июня 1916 года.[1]

Централизация управления радиоделом на соединениях флота

Если в результате правового закрепления системы береговой системы освещения обстановки и оповещения был решен вопрос руководства функционированием системы связи на берегу (приказы по Морскому ведомству №310 и 311), то относительно корабельной составляющей этой системы вопрос требовал еще своего решения, что явилось предметом озабоченности представителей различного уровня военно-морского руководства России.

Исключительно точную и объективную оценку состояния этого вопроса дал исполняющий дела 2-го флагманского минного офицера штаба начальника действующего флота Балтийского моря лейтенант А. М. Щастный в своем отчете за 1909 год.[2] Историю же развития вопроса об административном управлении радиосвязью на корабельных соединениях и предложения по его оптимизации изложил 25 февраля 1909 года заведующий делом беспроволочного телеграфирования капитан 2 ранга А. А. Реммерт.[3]

Протокол
совещания по радиотелеграфному делу
22 февраля 1909 года

Председатель: контр-адмирал Лилье.

Присутствуют: капитаны 2 ранга Реммерт, Рейн, Максимов, Берлинг, Сергеев, капитан-лейтенант Щетинин, лейтенанты Миштофт, Шиллинг, Щастный, Вечеслов, Львов, подполковники Иванов, Соловьев, статские советники Анискевич, Ивков, Петровский, коллежский асессор Бернасуз.

Капитан 2 ранга [А. А.] Реммерт доложил совещанию как развивался вопрос об административном управлении радиотелеграфом [на флоте].

В Морском ведомстве до сих пор специальность [2-го флагманского минного офицера] не узаконена. Временно были назначены 2-е флагманские минные офицеры для заведования береговыми радиостанциями и им было вменено в обязанность оказывать содействие минным офицерам по заведованию судовыми станциями.

На этих офицеров обязанности распределились разным образом: в группах, имевших много береговых радиотелеграфных станций, эти офицеры не могли уделять время судовым станциям и, наоборот, где береговых [станций] в группе было мало, но зато в отряде имелось много радиотелеграфных станций, офицер едва успевал руководить и наблюдать за судовыми станциями.

Комиссия, разрабатывавшая Положение об управлении наблюдательными постами и станциями, приняла это во внимание и возложила управление береговыми станциями на особо назначенного офицера, который касался бы судовых [станций] лишь во время их ремонта или установки новых станций на суда. Вопрос же об управлении судовыми станциями оставался открытым, высказавшись, однако, что этим должен вообще заведовать флагманский специалист. Названное Положение было утверждено Адмиралтейств-советом. Тем не менее, при составлении штатов [штабов] начальников Морских сил не было внесено [должностей] 2-х флагманских минных офицеров и нижних чинов, а в названном Положении в обязанность береговых специалистов не входило руководство и заведование судовыми радиотелеграфными станциями.

[1] Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1916, №190, ст. 1578. РГИА Ф. 1158. Оп. 1, ч. 2. Д. 126. Л. 30.

[2] РГА ВМФ Ф. 479. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–2.

[3] РГА ВМФ Ф. 418. Оп. 1. Д. 1. Л. 338–340; Ф. 479. Оп. 1. Д. 15. Л. 56.

> Между тем Минный отдел придерживался всегда того мнения, что для этой продолжающей развиваться и постоянно находящейся в действии специальности, затрагивающей притом интересы многих ведомств, необходимо иметь особого офицера в штабах начальников Морских сил для согласования действия береговых и судовых станций, кроме других его обязанностей, подобных вообще флагманским. Нельзя возлагать заведование судовыми и береговыми радиотелеграфными станциями на одно лицо, так как он не может быть в нужный момент там, где его присутствие требуется. При назначении начальника связи последний объединяет обязанности судового флагманского и берегового специалистов и, таким образом, управление действием судовыми и береговыми радиотелеграфными станциями получит стройную организацию.

С целью разрешения вопроса о руководстве радиосвязью на корабельных соединениях 12 марта 1909 года начальник Морского генерального штаба контр-адмирал А. А. Эбергард докладывал морскому министру вице-адмиралу С. А. Воеводскому, что маневры Балтийского флота 1908 года показали на практике неудовлетворительную организацию наблюдения и связи на большинстве корабельных соединений. В лучшую сторону отмечалась постановка вопроса и результаты радиосвязи на дивизии эсминцев, где руководство этим делом было поручено специально назначенному офицеру штаба командира дивизии. Выражая тревогу в связи с неудовлетворительной постановкой организации связи на флотах, начальник МГШ просил разрешения Воеводского о безотлагательном назначении в штабы начальника Соединенных отрядов Балтийского моря и начальника Морских сил Черного моря вторых флагманских минных офицеров с возложением на них обязанностей по руководству радиосвязью на кораблях флотах. Резолюция морского министра на докладе МГШ гласила:[1]

> "Главный морской штаб. Ввести в табель комплектации второго минного офицера для заведования [радио]телеграфными станциями. Воеводский. 14. 3. 1909 г.".

Спустя неделю, 21 марта 1909 года, распоряжением Главного морского штаба начальникам Морских сил Балтийского и Черного морей разрешалось ввести в табели комплектации своих штабов вторых флагманских минных (радиотелеграфных) офицеров, на Тихоокеанском флоте эта должность являлась нештатной и руководство радиосвязью по совместительству осуществляли флагманские минные офицеры корабельных соединений.[2] В соответствии с принятым решением, в 1910 году состоялись назначения первых флагманских радиотелеграфных офицеров в штабах начальников Морских сил морей: на Балтике – лейтенант А. М. Щастный и на Черном море – лейтенант А. А. Тучков, которые к моменту их назначения уже исполняли обязанности по этим должностям.[3]

Совершенствование организации связи

Вместе с тем, как свидетельствует анализ использования радиосвязи в ходе боевой подготовки флотов, принятые Морским генеральным и Главным морским штабами меры по повышению эффективности управления силами далеко не исчерпывали всего спектра мероприятий по решению данной проблемы. Как отмечал А. М. Щастный, с 1904 года на флоте от года к году начала осознаваться необходимость упорядочения связи кораблей и береговых постов и радиостанций как между собой, так и друг с другом, так как каждый флот и каждое соединение решали эти вопросы по-своему, применительно к своим условиям и решаемым задачам (следствие децентрализации управления радиосвязью). Наглядным примером этому может служить сложившаяся практи-

---

[1] РГА ВМФ Ф. 418. Оп. 1. Д. 233. Л. 67. Следует отметить, что доклад МГШ от 12 марта 1909 года был не единственным решением о необходимости введения радиотелеграфных офицеров на флотах. Аналогичный, но более конкретизированный, доклад был представлен С. А. Воеводскому по итогам работы одного из междуведомственных совещаний по радиосвязи. По данному докладу морской министр повторил содержание резолюции на докладе МГШ, введение аналогичных должностей на соединениях с числом радиоустановок свыше восьми, ввиду недостатка (до 60%) минных офицеров, не разрешил (РГА ВМФ Ф. 479. Оп. 1. Д. 15. Л. 52, 53, 55).

[2] РГА ВМФ Ф. 418. Оп. 1. Д. 233. Л. 90.

[3] См.: *Шошков Е. Н.* Наморси А. М. Щастный. СПб., 2001, с. 13, 15.

ка использования радиосвязи Главным штабом. Вместо того, чтобы передавать телеграммы в порты по линиям проволочного телеграфа, штаб использовал радиоканалы, для чего требовалось порой применять двух- и трехкратную ретрансляцию сообщений, теряя при этом время и лишая возможности корабельных радистов вести обмен между кораблями и с берегом, пытающимся наперебой вступить в связь с нужным корреспондентом при первой же возможности, не очень беспокоясь о достоверности приема своих радиограмм. Были случаи, когда в подобной электромагнитной обстановке радиостанции императорских яхт подолгу не могли установить связь с берегом.[1]

Такое положение с организацией управления силами не способствовало ни широкому взаимодействию различных соединений кораблей между собой и с сухопутными частями приморских округов, ни обеспечению эффективного боевого использования сил флота в случае войны на море, а также решению вопросов как защиты своей связи (электромагнитная совместимость береговых и корабельных станций флота и Военного ведомства, разведзащищенность и способность функционировать в условиях преднамеренных радиопомех), так и использование радиосредств для освещения обстановки на море (радиоразведка), нарушение связи противоборствующей стороны (радиопротиводействие) и др. По этому поводу в докладе МГШ морскому министру от 2 июля 1909 года отмечалось, что организация радиосвязи на Балтийском флоте находится в неудовлетворительном состоянии и "даже можно сказать, отсутствует"; несмотря на несколько лучшую оценку положения с организаций связи и управления в Черноморском флоте, она также имела ряд существенных недостатков.[2]

Было бы неверно утверждать, что данные вопросы находились вне поля зрения Минного отдела, Морского технического комитата, Главного морского и Морского генерального штабов в прежние годы. Многие из предложенных проектов и начинаний получали свою реализацию, другие, из-за невозможности преодоления бюрократических преград и косности мышления отдельных руководителей, отклонялись, со временем возбуждались снова и проводились в жизнь с большим опозданием. Как уже отмечалось, благодаря инициативе и усилиям Морского ведомства в 1906–1909 годах был решен вопрос правового урегулирования устройства и эксплуатации радиостанций в России и централизации управления радиотехнической отраслью на общегосударственном уровне.[3]

Вопрос о необходимости комплексного анализа состояния радиосвязи, выработки решений по совершенствованию всего радиодела на флоте и подготовке к предстоящему междуведомственному совещанию по учреждению Междуведомственного радиотелеграфного комитета был вновь поднят Морским техническим комитетом в 1909 году. С разрешения морского министра в феврале – марте провело работу ведомственное совещание радиоспециалистов флота, выработавшее ряд предложений, позволивших поднять организацию радиосвязи на качественно новый уровень. Получившие одобрение руководства министерства, эти предложения, в основном, сводились к следующему: управление радиосвязью на флоте являлось прерогативой командующих Морскими силами морей, устанавливались нормы снабжения береговых радиостанций и кораблей радиоаппаратурой и штат этих станций, совершенствова-

[1] РГИА Ф. 1282. Оп. 1. Д. 763. Л. 2–3. РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 3948. Л. 185–186; Ф. 479. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–2.

[2] РГА ВМФ Ф. 418. Оп. 1. Д. 221. Л. 146–160; Д; 647. Л. 52–58; Ф. 421. Оп. 4. Д. 1327. Л. 18–28; Д. 1360. Л. 11–13.

[3] РГИА Ф. 28. Оп. 1. Д. 403. Л. 70–95, 120; Оп. 10. Д. 840. Л. 1; Ф. 273. Оп. 6. Д. 1857. Л. 2; Ф. 565. Оп. 9. Д. 31534. Л. 1, 6, 7, 13–18; Ф. 1405. Оп. 531. Д. 830; Ф. 1276. Оп. 6. Д. 346. Л. 1–18, 39–40, 60; Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1017. Л. 4; Ф. 1289. Оп. 10. Д. 840. Л. 1–3; Оп. 12. Д. 1767. Л. 1–26. РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 3422. Л. 1–2, 3, 7, 9, 14, 16, 27, 32, 47, 60, 65, 68–69, 88, 100–101, 102–104; Д. 3712. Л. 5–21; Д. 3955. Л. 2; Д. 3956. Л. 4–23; Ф. 421. Оп. 4. Д. 872. Л. 298, 344; Д. 421. Оп. 4. Д. 1025. Л. 15–16, 17–18, 296–310; Ф. 479. Оп. 1. Д. 15. Л. 46в. Собрание узаконений и распоряжений правительства. 20 марта 1909 г. № 43, отдел первый, ст. 371. Собрание узаконений и распоряжений правительства. 22 июня 1912 г. № 114, ст. 962.

лась подготовка личного состава с отработкой навыков приема на слух, организовывались опыты "качественного" и "количественного" характера, была начата практическая подготовка по радиосвязи слушателей Военно-морской академии.[1]

С учетом рекомендаций, выработанных совещанием, положительного опыта в организации радиосвязи на флотах, а также международных норм морской подвижной связи были разработаны и введены в действие инструкции по радиосвязи Балтийского (Инструкция для переговоров по радиотелеграфу) и Черноморского (Инструкция для станций радиотелеграфа Черноморского отряда действующего флота) флотов.[2]

Основные принципы организации связи на флоте сводились к следующему. В зависимости от мощности, радиостанции флота подразделялись на станции большой (свыше 25 кВт), средней (8–25 кВт) и малой (до 2 кВт) мощности. Первые и вторые – для установки на берегу, третьи – корабельные. В зависимости от значения излучаемой мощности и типа антенны радиостанции обеспечивали дальности связи: большой мощности – 2500 миль, средней мощности – 1500 миль, маломощные – до 25 миль. К маломощным относились также и радиостанции коротковолнового диапазона (длина волны 80–160 м), основное назначение которых состояло в обеспечении внутриэскадренной связи. При этом радиостанция в каждом отдельном случае должна была использовать такую мощность излучения, чтобы, с одной стороны, обеспечить требуемое качество передачи, с другой стороны, по возможности меньше мешать работе других станций.

При организации связи важное место отводилось организационно-техническим мероприятиям по обеспечению качества радиосвязи: остроте настройки радиоприемников, увеличением излучаемой мощности радиопередатчиков, изменением тональности передаваемого сигнала. В последнем случае устанавливалось четыре типа тональности: тон №1 – 2000 искровых разрядов в секунду, №2 – 1000 разрядов, №3 – 666 разрядов, №4 – 500 разрядов. Особое внимание уделялось обеспечению радиосвязи в условиях преднамеренных помех, которое достигалось "использованием волн переменной длины".[3]

> Суть этого мероприятия сводилась к тому, что на каждую радиостанцию заблаговременно выдавались своеобразные расписания рабочих волн, именуемые "розой волн", представляющих собой разнообразие табличной формы переменных волн. В соответствии с расписанием ввода "роз волн" в действие, радиосеанс начинался с использования волны под №1 действующей "розы волн", на которую настраивался радиопередатчик передающей станции и один из радиоприемников (их должно было быть не менее двух) принимающей станции. При отсутствии радиопомехи в канале сеанс на этой волне мог продолжаться как угодно долго, вплоть до полного исчерпания радиообмена. Если же в процессе передачи радиограммы помеховая обстановка настолько ухудшалась, что дальнейший обмен между корреспондентами оказывался невозможным, передающая станция перестраивала свой радиопередатчик, а приемная – свой приемник на волну №2, и работа продолжалась.

После завершения работы международной Берлинской радиотелеграфной конференции (21 октября 1906 года) Морское министерство явилось единственным из ведомств России, владеющих радиоустановками, приведшим национальную терминологию в соответствие с международной. Для этого циркуляром Морского технического по минному делу от 20 ноября 1906 года предписывалось:[4]

---

[1] РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 3955. Л. 2–6, 25–7, 29–58. 104–177; Ф. 479. Оп. 1. Д. 15. Л. 54–55. Протоколы совещаний по радиотелеграфному делу и материалы к протоколам. Не подлежит оглашению. СПб., 1909, с. 1–138.

[2] РГА ВМФ Ф. 418. Оп. 1. Д. 1. Л. 372–376; Д. 147. Л. 234–254; Д. 647. Л. 149–152; Ф. 479. Оп. 3. Д. 357. Л. 1–7. Приказ начальника Соединенных отрядов Балтийского моря. 6 октября 1909 г., №488.

[3] Некоторое подобие современных адаптивных частотных систем, с той лишь разницей, что все действия по оценке помеховой обстановки в радиоканале и управлению каналообразующими средствами выполнялись радистом-оператором.

[4] Циркуляр Морского технического комитета по минному делу // Известия по минному делу. Вып. 43. 1908.

Для установления однообразия в именовании станций беспроволочного телеграфа Морской технический комитет предлагает впредь именовать их радиотелеграфными.

Телеграммы, передаваемые радиотелеграфом, именовать радиотелеграммами, и на бланках как исходящих, так и входящих ставить в заголовок сокращенное наименование "радио", которое должно служить признаком, что телеграмма должна быть передана радиотелеграфом.

С переходом к концу 1909 года организации радиодела на флоте на новый качественный уровень, заключающийся в решении вопросов централизации управления радиосвязью на флоте в лице начальников служб связи и флагманских радиотелеграфных офицеров флотов, созданием соответствующей нормативной базы для совершенствования боевого применения радиосвязи и, как следствие, повышение эффективности управления силами, вооружении флота более современными средствами радиосвязи, выработке новых норм и правил комплектования кораблей и береговых радиостанций техническими средствами и личным составом завершился второй этап развития системы радиосвязи Морского министерства.

Программа судостроения, портостроительства и инженерного оборудования театров

Третий этап развития системы радиосвязи Морского министерства связан с реализацией кораблестроительной программы и совершенствованием системы базирования флота в 1910–1914 годах. Еще в 1907 году Морской генеральный штаб на основе общей военно-политической обстановки в мире, а также военных и морских программ других государств пришел к выводу о неизбежности большой европейской войны, инициатива в развязывании которой будет исходить от Германии, и начало которой следовало ожидать в 1915 году. В итоге тщательного изучения исторического прошлого и складывающихся военно-политических отношений России и Германии, генеральные штабы Морского и Военного ведомств пришли к выводу, что заключение союза с Германией маловероятно и что Россия будет воевать на стороне ее противников.[1]

После Русско-японской войны Российский флот оказался совершенно ослабленным и неспособным вести борьбу с флотом вероятного противника в открытом море. Несмотря на объективную необходимость спешно строить флот, у Морского ведомства в течение длительного времени не было ясности какой флот нужен России и какие задачи он должен решать в предстоящей войне, в связи с чем российское правительство не торопилось с принятием решений на выделение кредитов для этих целей.[2]

Лишь в 1911 году Николаю II был представлен проект Закона об императорском Российском флоте, в котором определялась взвешенная программа развития военного флота на два десятилетия вперед. В объяснительной записке к Закону определялось, в частности, главное направление развития флота: "Вооруженная морская сила должна быть создана на том из морей, где она может иметь решающее значение в международных конфликтах". Таким морем, согласно исследованиям Морского генерального штаба, являлось Балтийское. Значение Черноморского флота и Сибирской флотилии предполагалось уточнить в дальнейшем, исходя из конкретной военно-стратегической обстановки на театрах.[3]

Количественное и качественное радиооснащение театров к 1912 году выглядело следующим образом:

---

[1] См.: Флот в первой мировой войне. Т. 1. М., 1964, с. 33.

[2] См.: *Петров М. А*. Подготовка России к Первой мировой войне на море. М., 1926, с. 120. *Бескровный Л. Г.* Армия и флот России в начале XX в. М., 1986, с. 190–194. *Цветков И. Ф.* Военное судостроение в России накануне и в период Первой мировой войны (1905–1918 гг.). А. р. дис. …д. т. н. СПб., 1996, с. 6, 20.

[3] РГА ВМФ Ф. 32. Оп. 1. Д. 383. Л. 3; Ф. 479. Оп. 6. Д. 25. Л. 53.

Радиовооружение флота (конец 1912 года)*

Объекты	Количество радиостанций		Примечание
	береговые	корабельные	
Балтийский флот	25	90	Береговые: 11 – стационарные, 14 – подвижные; корабельные: 51 – звучащая, 39 – искровые.
Черноморский флот	8	35	Береговые: 6 – стационарные, 2 – подвижные; корабельные: 12 – звучащие, 23 – искровые.
Амурская флотилия	3	1	Береговые: 3 – стационарные; корабельные – 1 – искровая.
Сибирская флотилия	2	9	Береговые: 1 – стационарная, 1 – подвижная; корабельные: 2 – звучащие, 7 – искровые.
Каспийское море		2	Корабельные: 2 – искровые.
Всего	38	137	

* РГА ВМФ Ф. 418. Оп. 1, Д. 1260. Л. 597–598.

Первым этапом реализации Закона должна была стать пятилетняя Программа усиленного судостроения 1912–1916 годов, одобренная Советом министров и получившая 23 июня 1912 года силу закона. Однако воссоздание боеспособности флота не исчерпывалась лишь увеличением численности его корабельного состава. Близость главной базы Балтийского флота в Кронштадте к столице, сложности с использованием сил из-за замерзания Финского залива и ряд других неблагоприятных факторов базирования требовали создания передовых пунктов дислокации в Ревеле, Свеаборге и Либаве, что, в свою очередь, вызвало необходимость в строительстве новых военных портов и соответствующем инженерном оборудовании всей прибрежной полосы Балтийского моря. В соответствии с законом от 23 июня 1913 года на устройство и оборудование военных портов, морских радиостанций и наблюдательных пунктов в 1913–1916 годах Морскому министерству отпускалось 68254548 руб., из которых 1683958 руб. предназначались для финансирования работ по совершенствованию системы освещения обстановки и оповещения сил на театрах (Балтийский – 730135 руб., Черноморский – 497616 руб., Тихоокеанский – 456207 руб.), основу которой составляли морские радиостанции берегового базирования – важнейшая составная часть системы радиосвязи.[1]

Доклад
комиссии по военным и морским делам Государственной думы
по законопроекту "О портостроительстве и оборудованию театров военных действий в связи с программой усиленного судостроения на 1912–1916 гг."
Докладчик Н. В. Савич

<…>Законом 23 июня 1912 года отпущены средства на постройку новых судов с целью воссоздания нашего военного флота. С осуществлением новой судостроительной программы тесно связан вопрос обеспечения флота базами-портами, оборудованными соответственно задачам, возлагаемым на флот, для обслуживания его потребностей в отсутствие военного времени и удовлетворения текущих нужд по ремонту и снабжению. Современное состояние наших портов является совершенно не отвечающим потребностям даже настоящего судового состава как в отношении оперативной стороны, так и в смысле надлежащего оборудования.

Ввиду этого Морское министерство испрашивало средства на портостроительство одновременно с ходатайством об отпуске средств на постройку новых судов в законопроекте от 5 марта 1912 года. Принимая, однако, во внимание, что в представленной в 1912 году программе не были предусмотрены планы обороны Ревель-Поркалаудского района, Государственная дума нашла более правильным выделить из строительной программы оборудование портов и театров военных действий, с тем, чтобы по этому предмету внесен был особый законопроект. Представляя ныне соответствующие законопроекты, морской министр приводит следующие соображения.

[1] РГИА Ф. 1158. Оп. 1, ч. 1. Д. 93. Л. 1–66.

В Балтийском море находится единственная база для флота – Кронштадтский порт, не удовлетворяющий задачам, возлагаемым на флот, уже по одной географической обстановке. Расположенный в глубине Финского залива Кронштадтский порт замерзает ежегодно на 5–5,5 месяцев и, в силу этого обстоятельства, не может иметь надлежащего значения с оперативной точки зрения. Тем не менее, Кронштадтский порт, находясь в непосредственной близости к столице и потому имеющий возможность пользоваться всеми средствами, которые дает Петербургский промышленный район, сохраняет полное значение как судостроительная, ремонтная и снабжающая база Балтийского флота. Удаление Кронштадта от принятой теперь оперативной зоны в западной части Финского залива и при обороне его крепостными верками сохраняет за этим портом значение тыловой базы Балтийского флота на долгое время.

Избрав оперативной базой Балтийского флота Ревель, как пункт наиболее пригодный для создания военного порта, Морское министерство, даже при существующем составе морских сил на Балтийском море, признало необходимым изменить дислокацию судов Балтийского флота и вывести главные силы из Кронштадта, расположив их в Свеаборге и Ревеле. Ко времени готовности Балтийской эскадры новый Ревельский порт должен получить такое оборудование, которое обеспечивало бы защищенную стоянку эскадры, снабжение ее топливом и боевыми запасами и дало бы возможность производить боевой и текущий ремонт, не выводящий кораблей из строя на продолжительное время. Для этого оборудование Ревельского порта к 1916 году должно отвечать выработанному Военным ведомством плану, порт должен быть защищен фортификационными сооружениями, охватывающими важную стратегическую зону Финский залив –Наргэн – Поркалауд.

Местные условия Балтийского театра вызывают необходимость создания особой позиции, непосредственно связанной с Ревельским укрепленным районом. Такой позицией, по плану Морского министерства, предположен Свеаборг, на который будут базироваться канонерские и минные суда (шхерный флот). До вооружения артиллерией крепостных верков Ревельского маневренного района, Свеаборг будет иметь весьма важное значение, как единственный защищенный рейд в западной части Финского залива, доступный для линейных судов.

Главной оперативной базой Черноморского флота служит Севастополь. Кроме Севастополя, подлежит оборудованию и Николаев, который должен быть судостроительной базой Черноморского флота. Вместе с тем, за Николаевским портом сохраняется значение вспомогательной базы для операций флота в северо-западной части Черного моря, для чего в Николаеве необходимо оборудовать склады жидкого и твердого топлива.

Наконец, на третьем нашем морском театре, – в Тихом океане – единственной оперативной, ремонтной и снабжающей базой служит Владивосток. Ввиду, однако, незначительности наших морских сил в Тихом океане работы по приведению Владивостока в требуемое состояние представляются весьма ограниченными и сводятся, главным образом, к оборудованию складов боевого снабжения, к улучшению и переустройству складов топлива и оборудованию станций для подводных лодок.

<…>Кроме того, для дальнейшего оборудования, расширения и улучшения Службы связи на всех трех театрах военных действий, Морское министерство предполагает провести целый ряд специальных работ

Общая стоимость работ по портостроительству и оборудованию театров в течение 1912–1923 годов исчисляется ныне ведомством в сумме 111307254 руб.

Разверстка стоимости работ по Службе связи на 1912–1923 годы

МТВД	Ассигновано до 1912 г., руб.	Ассигновано на 1912 г., руб.	Стоимость работ на 1913–1916 гг., руб.				Всего
			1913	1914	1915	1916	
БФ	136000	266163	236475	126497	75000	26000	866135
ЧФ	295000	–	276486	73710	73710	73710	792616
ТОФ	130000	99825	177882	63000	63000	52500	586207
Итого	561000	365988	690843	263207	211710	152210	2244958

Реорганизация Службы связи

В условиях, когда подготовка флотов к войне требовала значительного расширения географии радиостроительства, совершенствования организации боевого использования связи, подготовки кадров, решения хозяйственных, мобилизационных и других вопросов, важную роль играл человеческий фактор. Если в лице В. Н. Кедрина Служба связи Черноморского флота обрела квалифицированного профессионала и энергичного организатора, благодаря чему, как уже отмечалось, радиодело на Черном море было поставлено на соответствующем уровне, то на Балтийском море и в Тихом океане многие вопросы требовали незамедлительного решения. Положение дел с организацией радиосвязи на Балтике вызвало нарекание со стороны Николая II. Так, когда морской министр в октябре 1910 года доложил царю об установлении свя-

зи береговой радиостанцией Севастополь с императорской яхтой "Штандарт", находящейся в Балтийском море, Николай II отметил:[1]

> "Радуюсь успехам нашей радиотелеграфии на юге, но удивляюсь, что в столице и Кронштадте отстали".

Необходимость приведения системы радиосвязи Балтийского флота к структуре, организации и требуемому уровню управления силами послужила основанием к смене руководства Службой связи флота. Приказом по Морскому ведомству № 1 от 3 января 1911 года начальником связи в штаб начальника действующего флота Балтийского моря вместо капитана 1 ранга Н. Н. Апостоли назначается командир канонерской лодки "Храбрый" капитан 2 ранга А. И. Непенин.[2] В лице вновь назначенного руководителя Служба связи Балтийского флота приобрела вдумчивого оперативного аналитика, незаурядного администратора, принципиального и заботливого командира.[3]

Проанализировав состояние системы береговых наблюдательных постов и радиостанций, А. И. Непенин уже к концу марта 1911 года подготовил ряд докладов командующему флотом с предложениями о реформировании всех сторон ее организации и функционирования. Придавая важное значение для боевой деятельности сил флота правильной организации Службы связи, Непенин предложил выделить эту службу в самостоятельное отделение (наряду с оперативным и распорядительным) штаба флота. Наиболее значимые из представленных проектов ("Об изменениях по управлению и хозяйству Службы связи" с проектом нового Положения о береговых наблюдательных постах и станциях Морского ведомства, "Об организации Службы связи", "Проект распределения Службы связи по районам"), после рассмотрения в штабе флота, 28 апреля 1911 года были доложены морскому министру и получили одобрение.[4]

Комиссией под председательством капитана 1 ранга П. Н. Головнина с привлечением представителей Морского генерального и Главного морского штабов, Главного управления кораблестроения и законодательной части Морского ведомства, назначенной морским министром, 12 августа 1911 года был разработан проект Положения о Службе связи и Временное положение о военно-морских летчиках. Получив предварительное одобрение Адмиралтейств-совета, проект в сентябре был направлен в законодательные учреждения. Однако из-за возражений Министерства финансов и Государственного контроля на предполагаемое увеличение ассигнований для содержания Службы связи законодательное утверждение проекта затянулось на два года.[5]

Пока шло согласование вопроса о финансировании Службы связи, выяснилось, что обеспечить эффективное освещение обстановки и своевременное оповещение своих сил на театрах только лишь силами и средствами береговых наблюдательных постов и радиостанций невозможно. В связи с этим было признано целесообразным для ведения дальней морской разведки использовать авиацию. Созданные на флотах авиационные отряды были включены в состав Службы связи, что еще больше усложнило ее структуру и требовало дополнительных средств на ее содержание. Поэтому в 1914 году Морское министерство выходит в законодательные учреждения с новыми законопроектами – "Об отпуске средств на устройство авиационных станций", "Об

---

[1] РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 3948. Л. 180–184; Д. 4498. Л. 136; Ф. 421. Оп. 4. Д. 73.

[2] РГА ВМФ Ф. 406. Оп. 10. Д. Н–74. Л. 2; Ф. 736. Оп. 1. Д. 55. Л. 75. Морской сборник. 1911. № 1, офиц. отдел, с. 20. Очерк о А. И. Непенине см. в кн. *Биккенин Р. Р., Глущенко А. А., Партала М. А.* Очерки о связистах Российского флота. СПб., 1998, с. 163–188.

[3] См.: *Дудоров Б. П.* Адмирал Непенин. СПб., 1993, 280 с. *Черкашин Н. А.* Кровь офицеров… Роман в трех книгах. М., 2001, 497 с. *Мурниэк Х. М.* Морская служба связи дореволюционного времени // Морской сборник. 1922, № 8-9, с. 129–134.

[4] РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 4067. Л. 30–45, 46–50; Ф. 418. Оп. 1. Д. 276. Л.65–70, 85–99, 100–105, 112;Ф. 736. Оп. 1. Д. 55. Л. 81, 87, 92, 97.

[5] РГА ВМФ Ф. 418. Оп. 1. Д. 293. Л. 3.

отпуске средств на расходы по устройству и содержанию Службы связи и авиации Морского ведомства", а взамен проекта Положения о Службе связи от 12 августа 1912 года на утверждение вносились новые документы – "Положение о Службе связи" и "Положение о Службе авиации в Службе связи".[1]

Морское министерство в Государственную думу

8 марта 1914 г. №84

Об отпуске из Государственного казначейства средств на содержание Службы связи и авиации

Опыт минувшей войны с Японией показал существенное значение своевременной осведомленности о действиях неприятеля; равным образом, и в мирное время наблюдение за движением судов вероятного противника в пределах возможного театра военных действий, а также и охрана такового от предварительного изучения неприятелем, является делом первостепенной важности. Вследствие сего еще во время войны было установлено наблюдение над прибрежным морским пространством и передача данных этого наблюдения на суда и в ближайшие порты, для чего на побережье были установлены особые наблюдательные пункты. Впоследствии организация эта получила более прочное устройство и в конце 1909 года было введено в действие Положение о береговых наблюдательных постах и станциях Морского ведомства. Положение это было составлено в то время, когда не имелось еще достаточных данных как для суждения о том, какое место должно быть предоставлено Службе наблюдения и связи в общей системе морской обороны, так и для определения наиболее целесообразного внутреннего ее устройства. Поэтому Положение 1909 года носит характер временного положения, имевшего целью с наименьшей затратой средств дать возможность установить временное устройство наблюдения и связи. В настоящее время четырехлетний опыт действия Службы наблюдения и связи в Балтийском и Черном морях и Восточном океане предоставил достаточные данные для ее устройства, наиболее обеспечивающего удовлетворительное выполнение возлагаемых на нее задач. Сообразно сему Морским ведомством разработан проект нового Положения о Службе связи.

Вместе с тем в настоящее время выяснилось каким могучим средством для дополнения наблюдений, произведенных береговыми наблюдательными постами, является наблюдение при помощи летательных аппаратов. Поэтому Морское ведомство пришло к заключению о необходимости придать к Службе связи особую Службу авиации, не включая, однако, пока таковой вполне в первую из них ввиду ее технических особенностей, а лишь подчинив обе эти службы в каждом море одному лицу – начальнику Службы связи. При этом из двух родов аппаратов, – аппаратов легче воздуха (управляемые аппараты и воздушные шары) и аппаратов тяжелее воздуха (аэропланы), Морское ведомство остановилось исключительно на вторых, руководствуясь следующими соображениями, Аппараты первого рода – воздухоплавательные имеют значительно большую стоимость чем авиация; вместе с тем они требуют гораздо более сложного оборудования опорных пунктов и значительного числа персонала для обслуживания, Условия эти делают их неудобоприменимыми для тех целей, для коих учреждается Служба связи в Морском ведомстве. Аппараты же второго рода – авиационные имеют значительные преимущества перед воздухоплавательными, так как стоят гораздо дешевле и притом строятся в кратчайший срок, обслуживаются весьма незначительным числом команды и, что самое главное, не требуют больших, широко оборудованных опорных пунктов. Кроме того, значительно менее громоздкие, чем воздухоплавательные аппараты, авиационные могут быть без особых затруднений перевозимы, не требуя для того особо сложных приспособлений; при этом, благодаря незначительной сравнительно величине аэропланов, места их расположения труднее обнаруживаются.

Что касается оснований, на которых должна действовать Служба связи, то в настоящее время не имеется еще достаточных, проверенных на опыте, данных для окончательного ее устройства, и потому, несмотря на тесную связь между службами связи и авиации, Морское ведомство признало более целесообразным выработать для последней проект отдельного Положения, лишь по образцу Положения о Службе связи, с тем, чтобы по выяснении результатов его применения на практике, соединить эти оба положения.

Сущность обоих положений заключается в следующем. Служба связи и авиации составляет отдельную военно-морскую организацию в каждом море и подчиняется непосредственно командующему Морскими силами. Служба связи имеет целью доставление флоту необходимых сведений о происходящем на море и побережье и облегчение сношений между судами. Вместе с тем на эту Службу возлагается охрана наблюдаемого пространства моря и береговой полосы от предварительного изучения их вероятным противником. Для этой цели на побережье морей устанавлива-

[1] РГИА Ф. 565. Оп. 7. Д. 28157. Л. 1–5, 10; Ф. 1158 Оп. 1, ч. 1. Д. 92. Л. 1–6; Оп. 1, ч. 2. Д. 292. Л. 1, 2–24, 25–33, 34–45, 46, 52–61, 69; Ф. 1276. Оп. 9. Д. 404. Л. 1, 2–25, 40–41, 42–58, 59–67, 68–79, 80–82, 84–85, 109–111, 112–114; Ф. 1278. Оп. 6. Д. 1551. Л. 3–10, 11–25, 26–34, 35–45, 86, 87, 101, 109. РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 4336. Л. 102–138, 140–174; Ф. 736. Оп. 1. Д. 145. Л. 16, 21–31; Д. 137. Л. 26, 69, 70, 86, 87.

ется сеть наблюдательных и передаточных постов. Некоторые посты, по местным условиям, соединяются в станции; станции и посты соединяются в отделения; несколько отделений составляют район. Для сосредоточения донесений в каждом районе имеется центральная станция. Некоторые станции и посты, отдельно расположенные или имеющие особые задачи, могут быть не включены в состав отделений и в таком случае подчиняются непосредственно начальнику района (отдельные станции и посты) или начальнику Службы связи (самостоятельные станции и посты). В распоряжение начальника Службы связи и в каждом и в каждом отделении предполагается дать по одному посыльному судну. При некоторых постах будут состоять паровые и моторные катера, автомобили и другие средства передвижения.

Определение числа станций и постов, их расположение, распределение по отделениям и районам и определение числа отделений и районов производится распоряжением морского министра; им же устанавливаются на каждый год, в зависимости от действительной потребности, время действия станций и постов.

В хозяйственном отношении районы и самостоятельные станции и посты Службы связи со всеми входящими в них учреждениями и судами, а также посыльное судно, находящееся в распоряжении начальника Службы связи, приписываются к военным портам, от коих и получают все снабжение и довольствие.

Управление Службой связи в каждом море возлагается на особого штаб-офицера – начальника Службы связи, непосредственно подчиненного командующего Морскими силами. При нем состоят: инженер-механик, заведующий всеми механизмами в учреждениях и на судах Службы связи, и флаг-офицер, заведующий делопроизводством и распорядительной частью.

Всеми учреждениями и судами с их командами, входящими в состав района, управляет начальник района на общих правах командира судна II ранга. Наблюдение за исправным состоянием радиотелеграфных станций и всех вообще электрических установок и приборов, а также сети проводов и кабелей, возлагается на электротехника района, который, вместе с тем, является ближайшим помощником начальника района и, в случае надобности, его заместителем. Санитарной частью в районе заведует врач района; на него же возлагается лечение больных, не требующих госпитализации, Делопроизводство и наблюдение за правильным и своевременным ведением отчетности по району лежит на обязанности комиссара-письмоводителя района.

Ближайшее заведование отделением Службы связи возлагается на начальника отделения, который, вместе с тем, командует посыльным судном, обслуживающим отделение.

Для заведования во всех отношениях каждой станцией или постом назначаются старшины из кондукторов или унтер-офицеров, последние, впрочем, только на посты, входящие в состав станций, и в кадровые команды станций и постов, развертываемых при мобилизации. В особых случаях на станции и посты, имеющие особо важное значение, назначаются начальники из обер-офицеров. Равным образом из обер-офицеров назначаются начальники центральной и самостоятельных станций, из коих первый является в то же время ротным командиром команды района.

Для производства установок и технического ремонта в каждом районе имеется особая команда нижних чинов под начальством обер-офицера или кондуктора, именуемая ремонтной партией.

Командиры учреждений и судов Службы связи назначаются по табели комплектации, причем, ввиду ответственности и самостоятельности возлагаемых на нижних чинов обязанностей, в командах Службы связи допускается сверхсрочнослужащих до 50% табельного числа по каждой специальности.

Команды Службы связи комплектуются молодыми матросами и специалистами на одинаковых основаниях с прочими командами флота, с тем лишь исключением, что по сигнальной и рулевой специальностям подготовка производится в самой Службе, а не в школе; равным образом, унтер-офицеры, электрики Службы связи готовятся в этой Службе и получают это звание по выдержании соответствующего экзамена в школах монтеров Почтово-телеграфного ведомства или в телеграфных классах электротехнических школ Военного ведомства.

Служба авиации имеет целью наблюдение за морем и несение разведочной и сторожевой службы за пределами круга действия береговых постов, а также борьбу с воздушной разведкой противника. Значение авиации для чисто боевых целей, т. е. прямого нападения на противника посредством метания взрывчатых снарядов или стрельбы, в настоящее время не настолько еще выяснено на опыте, чтобы ставить эти действия в прямую обязанность авиационных частей и потому в проект Положения введено лишь общее указание, что Служба авиации, помимо исполнения вышеперечисленных обязанностей, может быть употребима и для активных боевых действий.

Служба авиации состоит из летательных аппаратов, соединенных в отряды, и береговых учреждений, обслуживающих эти отряды. Учреждениями Службы авиации являются станции I разряда, на коих постоянно помещаются авиационные отряды, и станции II разряда, служащие лишь для временного пребывания этих отрядов.

<…>Станции Службы авиации со всеми вспомогательными учреждениями, а также с опирающимися на них авиационными отрядами, соединяются по местным условиям в воздушные

районы, причем все береговые учреждения Службы связи, расположенных в пределах этих районов, включаются в их состав.

Общее руководство авиацией сосредотачивается в Морском генеральном штабе, в каждом же море – возлагается на командующего Морскими силами. Управление Службой авиации в каждом море возлагается на начальника Службы связи этого моря.

<…>Офицерский состав как Службы связи, так и Службы авиации, целесообразно комплектовать преимущественно чинами судового состава, …которые затем будут опять возвращаться на суда. Однако, чтобы такой порядок не встретил затруднений, необходимо поставить Службу связи и Службу авиации в одинаковые условия с судовой службой, т. е. чтобы офицеры, переходя из одной из этих служб в другую, не теряли как в служебном, так и в материальном отношениях.

24 июня 1914 года все эти проекты получают силу закона,[1] а 16 августа объявляются к руководству по Морскому ведомству.[2] Принятие данного пакета документов явилось весьма важным шагом в совершенствовании организации разведки и радиосвязи в преддверии Первой мировой войны и обеспечили эффективность управления силами при ведении боевых действий флотами в 1914–1917 годах.

Перевооружение радиопарка флота новыми станциями

Деятельность Морского министерства в 1910–1914 годах не ограничилась лишь мероприятиями по совершенствованию управления радиосвязью на флоте. В общем комплексе мер по реформированию морских вооруженных сил страны важное место отводилось созданию в Морском ведомстве собственного радиотехнического предприятия, способного обеспечить потребности флота в средствах радиосвязи, завершившееся открытием в сентябре 1910 года в Петербурге Радиотелеграфного депо. В 1912 году завершилось перевооружение больших кораблей и береговых станций новыми радиопередатчиками и началось перевооружение на аналогичную аппаратуру миноносных кораблей, завершившееся в 1913 году. К началу 1914 года заметно возросло количество радиостанций на кораблях (171 станция) и на берегу (65 станций). После сообщений о проведении за границей (Германия, Франция, Япония) опытов по осуществлению радиотелефонной связи, осенью 1912 года были проведены аналогичные опыты и в Российском флоте. Однако результаты испытаний нового вида радиосвязи показали, что несмотря на шумную рекламу об успешности его применения за рубежом, радиотелефон для практического применения при управлении силами разработан еще недостаточно.[3]

Попытки оптимизации организации и боевого применения связи

Численный и качественный рост парка корабельной радиоаппаратуры, усложнение ее технического устройства, расширение решаемых с помощью радио задач приемов его боевого применения требовали оптимизации руководства радиосвязью на кораблях. Назначенная в январе 1913 года комиссия, изучив опыт руководства радиосвязью на кораблях германского флота, пришла к заключению о необходимости введения на кораблях отечественного флота специальных радиотелеграфных офицеров. Признавая недостаточной подготовку таких специалистов в Минном офицерском классе, комиссия признала необходимым учреждение особого Радиотелеграфного класса, проект положения о котором и программа обучения в нем представлялись на решение высшего руководства Морского ведомства.[4] К сожалению, эти весьма актуальные для своего времени предложения, разработанные одним из выдающихся организаторов, конструкторов и педагогов Службы связи Российского флота И. И. Ренгартеном, не были реализованы ни в предвоенное время, ни в ходе начавшейся вскоре войны; правильность их была подтверждена временем и они были проведены в жизнь после 1917 года.

[1] РГИА Ф. 1278, Оп. 6. Д. 1551. Л. 109.

[2] Указатель правительственных распоряжений по Морскому ведомству за 1914 г., с. 1–25, 26–66.

[3] РГА ВМФ Ф. 401. Оп. 3. Д. 188. Л. 126–130. Всеподданнейший доклад по Морскому министерству за 1911 г., с. 68. Всеподданнейший доклад по Морскому ведомству за 1912 г., с. 62, 64, 65.

[4] РГА ВМФ Ф. 401. Оп. 3. Д. 123. Л. 14.

С учетом уроков использования радио в боевых действиях 1904–1905 годов и опыта управления силами в ходе боевой подготовки соединений в предшествующие Первой мировой войне лет, связисты флота решали широкий спектр вопросов по повышению эффективности использования радиосвязи, среди которых важное место отводилось радиоразведке и радиоподавлению. Задолго до изобретения радиопеленгатора, В. Н. Кедрин предложил метод определения расстояния до работающей радиостанции, что позволяло определять не только примерное направление на источник радиоизлучений, но и дистанцию до него и, таким образом, устанавливать его местоположение. Проведенные в 1911 году под руководством профессора Морской академии А. А. Петровского испытания позволили определить условия, при которых возможно подавление радиосвязи "противника" преднамеренными помехами, а полученные при этом количественные показатели легли в основу разработанных специалистами флота способов ведения радиоподавления. На проведенном в Морском генеральном штабе в декабре 1913 года совещании в целях защиты своей радиосвязи и нарушения радиосвязи противоборствующей стороны было признано, в частности, совершенно необходимым: во-первых, организовать сбор и анализ всех случаев нарушения правил радиосвязи отечественными станциями (т. е., говоря современным языком, организовать радиоконтроль) с выделением для этого специальных контрольных радиостанций и, во-вторых, выработать предложения "о прекращении радиопереговоров неприятельского флота в своем море" (т. е. радиоподавление). Принятые решения получили реализацию при отработке задач боевой подготовки флотов, в ходе которой в систему подготовки личного состава были введены тренировки по созданию помех "противнику" и по защите своей радиосвязи, а проведенные в 1914 году в условиях радиоразведки и радиопротиводействия маневры Балтийского флота по уровню организации и масштабам отработки этих вопросов опередили свое время на десятки лет вперед.[1]

К началу Первой мировой войны завершился третий этап развития системы радиосвязи Российского флота, для которого было характерно массовое оснащение кораблей и береговых объектов радиоустановками, значительная часть которых была изготовлена в Радиотелеграфном депо Морского ведомства, включение береговых радиостанций в систему освещения обстановки и оповещения на театрах, совершенствование организации, приемов боевого использования и новых направлений применения радиосредств, повышение качества подготовки и практической выучки личного состава радиостанций. Очередной этап развития системы радиосвязи Морского ведомства связан с деятельностью флота в Первой мировой войне.

СОЗДАНИЕ СИСТЕМЫ РАДИОСВЯЗИ ВОЕННОГО МИИСТЕРСТВА

Переходя к анализу процесса создания системы радиосвязи Военного министерства, следует отметить, что главенствующее место в управлении войсками к началу XX века отводилось телеграфу и телефону.[2] При этом командование использовало для связи как линии правительственной связи, так и чисто военные, устроенные армейскими связистами.[3]

Организация управления и связи в армии

В соответствии с Положением о полевом управлении войсками в военное время, введенном в действие 10 марта 1890 года и определявшем состав действующей армии, организацию и формы ее управления, за организацию связи в войсковых объединениях и соединениях от армии и ниже отвечали начальники штабов армий.[4] Задачи

[1] РГА ВМФ Ф. 401. Оп. 3. Д. 72. Л. 71–72; Д. 123. Л. 104–105, 123; Ф. 418. Оп. 1. Д. 614. Л. 131, 138; Ф. 421. Оп. 4. Д. 1327. Л. 33–34. Известия по минному делу. 1914, вып. 48, с. 45–48. *Ренгартен И. И.* О радиосвязи в военном флоте // Морской сборник. 19120, № 1–3, с. 7–62.

[2] Сводка тактических указаний, данных начальниками в войну 1904–1905 гг. Харбин, 1905, с. 1.

[3] Архив ВИМАИВиВС Ф. 10р. Оп. 1. Д. 101. Л. 1–15.

[4] Положение о полевом управлении войск в военное время. СПб., 1890.

обеспечения мобилизационного оповещения, руководства и контроля мобилизационного развертывания вооруженных сил и сосредоточения армий на предписанном театре военных действий, прямой телеграфной связи штаба главнокомандующего армиями со Ставкой, штабами армий, между штабами армий по фронту и сопряжения с телеграфной сетью страны, прямой телеграфной связи штаба армии со штабом главнокомандующего армиями, штабами корпусов и отдельных дивизий в районе сосредоточения армии, а также со штабами соседних армий возлагались на правительственный телеграф. Средства связи непосредственно военного телеграфа, содержавшиеся в мирное время в телеграфных ротах саперных батальонов корпусов и крепостных телеграфах, с объявлением мобилизации переходили на штат военного времени, а с началом боевых действий на них возлагалось обеспечение телеграфной связи со штабом армии и штабами соседних корпусов, штабами дивизий и отрядов, входящих в корпус, ближайшей правительственной телеграфной станцией.[1]

Если телеграф находил применение как в высших (армия, корпус), так и в средних звеньях (дивизия, бригада, полк) управления войсками, то в низших инстанциях (батальон, рота) и непосредственно на боевых позициях широко использовалась телефонная связь, а также сообщение с помощью гелиографов, сигнальной связи, летучей почты и посылки ординарцев.[2]

Характерной чертой деятельности правительства не только по созданию системы связи оборонного предназначения, но и совершенствованию вооружения армии вообще, следует признать то, что происходило оно в русской армии не только вследствие слабого развития отраслей отечественной промышленности и недостаточного финансирования, но, главным образом, вследствие недопонимания высшего и центрального руководства значения техники на войне. Так, например, когда Николаю II в ходе Первой мировой войны была продемонстрирована автоматическая винтовка конструкции В. Г. Федорова, монарх не разрешил ее массовое производство и принятие на вооружение под тем предлогом, что при ее использовании у армии "не хватит патронов".[3] Военным советом было отклонено предложение Главного военно-технического управления о приобретении для армии автомобилей только лишь потому, что он представляет собой "сложный и хрупкий инструмент", а армии нужны "простые повозки на крепких осях".[4] По словам В. А. Сухомлинова,[5]

> командующий Киевским военным округом М. И. Драгомиров "всецело отрицал такие опыты над армией, которые не создавались сами собой; если же они, сверх того, еще стоили денег, которые [воинские] части должны были экономить в другом направлении, то старый служака не скупился ни на сарказмы, ни на чернила, чтобы отбить охоту у экспериментаторов".

Другой военный министр, А. А. Поливанов, по этому поводу отмечал,[6] что

> в русской армии "военно-декоративная часть заслоняла военно-техническую, и выбор цвета сукна для мундира нового гусарского полка мог привлечь к себе больше внимания, нежели вопрос о целесообразности беспроволочного телеграфирования на войне или о применении дымовой завесы".

Попытка "реабилитации" А. Н. Куропаткина

Однако, как свидетельствуют документы, были и исключения из этого правила. Вопрос о возможном использовании радиосвязи в Военном министерстве впервые был затронут в письме председателя Морского технического комитета вице-адмирала И. М. Дикова

---

[1] Положение о полевом управлении войск в военное время. Разд. 3, гл. 1. СПб., 1890. Приказ по Военному ведомству, № 200 от 27 августа 1894 г. История военной связи Российской армии. Т. 1. / Под общ. ред. Е. А. Карпова. СПб., 1999, с. 183–184.

[2] Архив ВИМАИВиВС Ф. 10р. Оп. 1. Д. 103. Л. 1–3.

[3] *Сиротин Г.* Город без памяти // Балтийский луч. 2002, 25 октября.

[4] Воспоминания Сухомлинова. М.-Л., 1926, с. 145.

[5] Воспоминания Сухомлинова. М.-Л., 1926, с. 87.

[6] *Поливанов А. А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907–1916 г. / Под ред. А. М. Зайончковского. Т. 1. М., 1924, с. 144.

начальнику Главного штаба генерал-лейтенанту В. В. Сахарову от 13 марта 1899 года. После доклада данного документа военному министру А. Н. Куропаткину, придавшему вопросу "весьма серьезное значение", он был направлен для выработки соответствующих предложений главному начальнику инженеров генерал-лейтенанту А. П. Вернандеру. Как следовало из резолюции последнего,[1]

> в армии "к сожалению, вопрос о телеграфировании без проводов совсем на практике [оказался] не тронут".

В весьма сжатые сроки Электротехнической частью Инженерного ведомства были разработаны предложения по постановке опытов по радио в Военной электротехнической школе. Необходимые для приобретения радиоаппаратуры средства в сумме 4 тыс. руб. предлагалось взять из статьи бюджета министерства, предусматривавшей расходы "на производство опытов с металлической броней и другими сооружениями", опыты по радиосвязи организовать в Военной электротехнической школе под непосредственным руководством преподавателя по телефонии, громоотводам и железнодорожной сигнализации И. И. Сокольского. При докладе данных предложений 5 мая 1899 года военному министру, последовало его решение:[2]

> "Согласен на такие ассигнования ныне же, дабы не упустить время. Вопрос весьма важный".

Во многом данное решение А. Н. Куропаткина перекликается с резолюцией П. П. Тыртова на докладе Морского технического комитета о необходимости введения радиостанций на вооружение флота, что свидетельствует о правильном понимании высшим военным руководством России роли радио для управления войсками и силами. Несмотря на отсутствие к этому моменту в бюджетах обоих ведомств средств на развитие радиосвязи, руководство изыскивало возможности для финансирования предполагаемых работ за счет ассигнований, выделенных на другие цели (минные опыты и вооружение кораблей в Морском ведомстве, опыты с броней – в Военном). Вместе с тем организация предполагаемых опытов в Военном министерстве во многом напоминала постановку аналогичных опытов в Почтово-телеграфном ведомстве на Днепре: на приобретение радиоаппаратуры, установку мачт для антенн и сооружение станционных построек запрашивались явно недостаточные средства, руководство опытами поручалось некомпетентному в радиотехнике (в области токов высокой частоты) специалисту, совмещавшему в одном лице организатора, хозяйственника, радиоинженера и исследователя при одновременном исполнении своих прямых функциональных обязанностей.

Начало опытов по радиосвязи в Военном ведомстве

Рассмотрение вопроса развития радиосвязи в Военном ведомстве в контексте создания системы радиосвязи в общегосударственном масштабе свидетельствует, что процесс этот протекал в различных ведомствах обособленно. Координации усилий различных ведомств на общегосударственном уровне не производилось, объединение финансовых, людских, научных и производственных ресурсов отсутствовало. Такое положение приводило к тому, что опыт Морского ведомства, первым приступившим к опытным и практическим работам по радио в России и имевшим к началу века достаточный задел в этой области знания и техники, другими ведомствами учитывался недостаточно, в силу чего многое начиналось с нуля.

Подтверждением сказанному является организация опытов по радиосвязи под руководством И. И. Сокольского. Продлившись с июня 1899 по декабрь 1900 года, опыты в целом оказались неудовлетворительными, а их результаты вызвали недовольство военного министра:[3]

---

[1] Архив ЦМС Ф. Бренев. Оп. 3. Д. 446. Л. 3–6, 9. *Бренев И. В.* Начало радиотехники в России. М., 1970, с. 205.
[2] Архив ЦМС Ф. Бренев. Оп. 3. Д. 446. Л. 10–13.
[3] Архив ЦМС Ф. Бренев. Оп. 3. Д. 448. Л. 1–2, 3–5, 6–7, 8–9, 10–14, 16–17.

"Надо обратить внимание Главного инженерного управления на недостаточно успешные работы с беспроволочным телеграфированием; прошу увеличить опыты и давать мне каждые два месяца отчет о [их] результатах".

С целью повышения результативности проводимых исследований по радиосвязи в Военном ведомстве необходимо было подготовить квалифицированных специалистов, что было проблематично при отсутствии в Военной электротехнической школе действующих радиостанций. После настойчивых требований начальника Военной электротехнической школы "для практического изучения и дальнейшего внедрения в войсках" 20 декабря 1901 года Военным советом было отпущено 18800 руб. на приобретение четырех радиостанций. Аппаратуру предполагалось заказать А. С. Попову, фирме Дюкрете в Париже и Всеобщей электрической компании (AEG) в Германии; от закупки приборов у фирмы Маркони, "подробности устройства которых содержатся в секрете и при заказе их нельзя быть уверенным, что будут посланы образцы последнего изготовления", решено было воздержаться.[1]

Между тем Маркони не стал дожидаться заказов на свою продукцию от российского правительства, а сам проявил активность в проникновении на российский рынок. В условиях, когда на усиление своего присутствия на Дальнем Востоке тратились колоссальные средства, а из-за неразвитой информационной инфраструктуры на театре военные власти поддерживали связь между базами и крепостями с использованием линий телеграфной связи Датского телеграфного общества,[2] летом 1901 года Маркони предлагает адмиралу Е. И. Алексееву проект соединения линиями радиосвязи Порт-Артура с Владивостоком, Таку (Тангу) и Пекином. При этом стоимость устройства радиолинии Порт-Артур – Владивосток оценивалась в 175 тыс. руб., а Порт-Артур – Пекин – 100 тыс.[3] На запрос Главного штаба о целесообразности реализации проекта и возможном участии в нем представителей Главного инженерного управления, последнее в отношении от 28 ноября 1901 года, перечислив все отрицательные свойства беспроволочного телеграфа, ограниченность возможностей его широкого применения и довольно высокую стоимость аппаратуры, не нашло достаточных оснований к удовлетворению ходатайства фирмы Маркони.[4] Истинные же причины отказа следует усматривать в полной несостоятельности Главного инженерного ведомства в 1901 году возглавить работы по внедрению средств радиосвязи в армии.

В мае 1902 года закупленные для проведения опытов во Франции и Германии радиостанции были доставлены в Военную электротехническую школу. После их изучения офицерами и подготовки радиотелеграфистов в июне были начаты опыты в Кронштадте при расстояниях между станциями 4,5 версты, а в августе – сентябре – между Кронштадтом и Петербургом. Результаты испытаний получили положительный отзыв Главного инженерного управления и были доложены А. Н. Куропаткину, приказавшего продолжить опыты по радио и в зимнее время.[5] С окончанием опытов по радиосвязи аппаратура была отправлена в Германию для модернизации, настройки и подготовки к опытам следующего года.

Однако достигнутые положительные результаты не прибавили уверенности руководству Военной электротехнической школы и Главного инженерного управления в

---

[1] Архив ВИМАИВиВС Ф. 10р. Оп. 1. Д. 74. Л. 20–22.

[2] См.: *Высоков М. С.* Очерк истории связи на Дальнем Востоке (30-е гг. XVIII–начало XX вв.). Юж.-Сах., 1985, с. 32.

[3] Относительно стоимости проекта радиолинии контрактом предусматривались, в частности, следующие условия: "За право пользования системой Маркони платится арендная плата в размере с каждой мили [радиолинии] 1 фунт стерлингов в год с каждого аппарата в течение 14 лет, или же единовременная капитализирующая рента из 6% годовых"(Архив ВИМАИВиВС Ф. 10р. Оп. 1. Д. 140. Л. 48).

[4] См.: *Бренев И. В.* Начало радиотехники в России. М., 1970, с. 219, 220. *Коваленко Ю. Я., Стрелов А. Б.* У истоков радиосвязи. СПб., 1997, с. 114. История военной связи Российской армии. Т. 1. СПб., 1999, с. 175.

[5] Архив ВИМАИВиВС Ф. 10р. Оп. 1. Д. 74. Л. 29–30.

преимуществах нового средства связи перед привычными проволочными телеграфами и телефонами. Поэтому в своей деятельности дальше опытов по радиосвязи названные учреждения двигаться не могли и не желали. В силу этого не нашло реализации предложение А. Н. Куропаткина и командования Приамурского военного округа о создании в 1902 году сети радиостанций (9 установок) на побережье Татарского пролива. На просьбу Главного штаба 12 сентября 1902 года Главное инженерное управление ответило, что вопрос о возможности использования радиосвязи для управления войсками не вышел в настоящее время из стадии опытов, а результаты исследований показывают преждевременность широкого его внедрения для практических целей. И это было заявлено в то время, когда годом раньше в Германии на войсковых маневрах радиосвязь нашла широкое применение, о чем было хорошо осведомлено Инженерное ведомство России.[1]

Считая преждевременным использование радио для практических целей, Главное инженерное управление и на 1903 год планировало лишь продолжение опытов по радиосвязи. При этом в опытах предполагалось использовать только немецкие станции, что же касалось установок Попова-Дюкрете, то из-за их несовершенства от участия в опытах они исключались.[2] С учетом приобретенного в 1902 году собственного опыта планом предусматривалось достижение дальностей радиосвязи до 100 верст, а с приобретением у фирмы AEG более мощных установок, на что потребовалось бы 150 тыс. руб., – до 200 верст. Апеллируя к результатам исследований в Германии, руководство Военной электротехнической школы правильно определяло потенциальные возможности радиотехники, признавая,[3] что

> "применение способа телеграфирования без проводов может иметь *в будущем* большое значение для Военного ведомства, особенно же для наших крепостей, которые в случае их осады, могут не только переговариваться между собой, но и поддерживать сообщение с армией".

Однако никаких ходатайств о выделении средств на приобретение новых радиоустановок не последовало и опыты 1903 года производились на аппаратуре, приобретенной ранее в Германии.

Контрастность отношений к радиосвязи в центре и действующей армии

Между тем в действующей армии, в отличие от центральных учреждений Военного министерства, отношение к радиосвязи было совершенно иным. Располагая сведениями об использовании радио в армиях других стран и полученных результатах опытов в Военной электротехнической школе в 1902 году, в январе 1903 года командир 42-го пехотного Якутского полка Н. Н. Путилов просил начальника Школы В. А. Романова оказать содействие в приобретении двух радиостанций для обеспечения связи с отдаленными подразделениями своего полка. Выразив готовность оказать всяческую помощь в приобретении радиоаппара-

[1] Архив ВИМАИВиВС Ф. 10р. Оп. 1. Д. 74. Л. 21.

[2] Архив ВИМАИВиВС Ф. 10р. Оп. 1. Д. 104. Л. 24, 25. Несмотря на общеизвестные к 1903 году физические возможности радиообмена между радиостанциями различных систем, что в частности подтверждается созывом Берлинской предварительной радиотелеграфной конференции, в Военной электротехнической школе о нем узнали лишь в конце 1902 года. (Архив ВИМАИВиВС Ф. 10р. Оп. 1. Д. 104. Л. 36). Этот факт является одним из многих, свидетельствующих об исходном уровне компетентности специалистов Инженерного ведомства в области радиотехники, с которого начались опыты в Военном министерстве.

[3] Архив ВИМАИВиВС Ф. 10р. Оп. 1. Д. 74. Л. 36. В связи с этим трудно обвинить Главное инженерное управление в непонимании роли радиосвязи в военном деле в начале XX века. Однако его неготовность к конкретным и незамедлительным действиям по внедрению радио в войска всячески обосновывалась недостаточным совершенством этого рода связи и во многом напоминала поведение Лисы в басне Эзопа "Лиса и виноград". Первые же месяцы войны с Японией наглядно показали, что в военной сфере, как ни в какой другой, между благими пожеланиями и конкретными действиями лежит порой целая пропасть – с осадой Порт-Артура и выводом из строя проволочных и кабельных линий связи крепость оказалась без связи с армией, Владивостоком и столицей.

туры и ознакомлении с ее устройством и правилами эксплуатации личного состава, генерал Романов, вместе с тем, признавал[1]

> "что в настоящее время устройство станций беспроволочного телеграфа для каждодневных надобностей частей – преждевременно".

При анализе организации мероприятий, проводимых Главным инженерным управлением в области исследований по радиосвязи в Военном министерстве, наблюдается отсутствие системности в данном вопросе. Так, поручив проведение опытов Военной электротехнической школе, от которой в Германию и Францию для изучения радиодела был командирован штабс-капитан И. А. Леонтьев, Инженерное ведомство направляет на Балтийский флот с аналогичной целью начальника Воздухоплавательного отдела капитана Семковского. Подобное решение могло бы быть оправдано, если бы приобретаемая за рубежом и в других ведомствах информация получала обобщение и систематизацию, служила основанием для постановки планомерных исследований в Военном министерстве. Однако ничего подобного не происходило и Военная электротехническая школа, являясь единственным учреждением Инженерного ведомства, ответственным за исследования по радиосвязи, считала практическое использование средств радиосвязи в войсках преждевременным, исходя из чего сама ставила себе задачи, решала их, оценивала полученные результаты и планировала свою дальнейшую деятельность в данном направлении.

Таким образом, бессистемность мероприятий Главного инженерного управления в деле внедрения радиосвязи в войска, медлительность и недостаточная эффективность проводимых исследований, вызванные недооценкой возможностей нового вида сообщений для управления войсками, вели к блокированию решений высшего военного командования и инициативы командиров войсковых соединений по практическому использованию радио в армии. В силу названных причин не была также реализована попытка разработки и производства в Инженерном ведомстве полевой радиостанции собственной конструкции, предложенной служащим Двинского артиллерийского склада коллежским советником К. С. Ивановым и поддержанная военным министром А. Н. Куропаткиным.[2] В итоге русская армия подошла к началу военных действий на Дальнем Востоке с устаревшей материальной базой системы управления войсками, без достаточного контингента обученных радиоспециалистов и собственной радиотехнической научно-производственной базы. Курс высшего руководства Военного ведомства на попытку оснащение армии средствами радиосвязи, абсолютно верный по своей идее, на практике оказался совершенно не подкреплен реальной военно-технической политикой в области радио, что в конечном счете и предопределило его несостоятельность в первые же месяцы войны с Японией. История в очередной раз преподнесла урок, состоящий в том, что в военной сфере, как ни в какой другой, между благими пожеланиями и конкретными результатами лежит порой целая пропасть.

Радиовооружение армии к началу Русско-японской войны

Уже первые месяцы войны с Японией со всей очевидностью продемонстрировали неготовность театра военных действий, в том числе и в телекоммуникационном отношении, что побудило Главное инженерное управление по-другому взглянуть на роль радио в обеспечении освещения обстановки, взаимодействия с флотом, управления войсками. При этом процесс радиооснащения армии в 1904–1905 годах имел, по крайней мере, две особенности. Во-первых, отсутствием в Военном ведомстве обоснованного с учетом сложившейся военно-стратегической обстановки на театре войны плана развития системы радиосвязи в интересах управления войсками, из-за чего процесс этот во

[1] Архив ВИМАИВиВС Ф. 10р. Оп. 1. Д. 104. Л. 3–32.
[2] Архив ВИМАИВиВС Ф. 49. Оп. 1. Д. 23. Л. 42.

многом инициировался зарубежными радиотехническими фирмами, стремившимися получить выгодные заказы на поставку радиооборудования для армии и не всегда соответствовал насущной потребности в сооружении тех или иных радиоустановок. Во-вторых, за прошедшие с первых опытов по радио в Военном министерстве четыре года Инженерное ведомство не стало центральным учреждением (подобно Морскому техническому комитету), готовым решать весь комплекс вопросов по радиовооружению штабов и частей и его боевому использованию. Решение этих вопросов было переложено на Военную электротехническую школу, что во многом удлиняло сроки разрешения весьма важных задач и снижало эффективность их конечного результата.

С началом боевых действий на Дальнем Востоке Инженерное ведомство не проявило личной инициативы в массовом радиооснащении войск, и лишь после предложений фирм Маркони (11 мая 1904 года) и "Телефункен" (12 мая 1904 года) о готовности поставить для армии подвижные радиостанции, по представлению Главного инженерного управления Военный совет 4 июня принял решение приобрести по три станции у каждой фирмы и проверить их возможности для работы в полевых условиях. При положительных результатах испытаний предполагалось сформировать и отправить на театр войны специальные радиотелеграфные роты.[1]

Формирование первых военных радиочастей

Несмотря на настоятельные просьбы главнокомандующего армиями А. Н. Куропаткина (5 сентября 1904 года),[2] Н. П. Линевича (4 октября 1904 года)[3] и командующего войсками Приамурского военного округа Андреева (4 октября 1904 года)[4] о скорейшей доставке радиостанций на театр военных действий, Главное инженерное управление не смогло в короткий срок осуществить их незамедлительное удовлетворение. Испытание закупленного радиооборудования завершилось лишь 16 марта 1905 года. Штаты и табели комплектации первых радиочастей (1-й и 2-й Восточно-Сибирских телеграфных рот), предназначенных к отправке на театр войны были утверждены 12 ноября 1904 года, а формирование их завершено в апреле 1905 года.[5]

Чтобы придать каждой Маньчжурской армии отдельное радиотехническое подразделение, 29 декабря было принято решение о формировании 3-й Восточно-Сибирской телеграфной роты.[6] На вооружении рот находились радиостанции системы Маркони судового типа. Для превращения их в подвижные к станциям были приданы мобильные электростанции и все оборудование разместили на 594 двуколках, изготовленных в Петербургском вагоностроительном заводе.[7]

---

[1] Архив ВИМАИВиВС Ф. 10р. Оп. 1. Д. 84. Л. 3, 5, 6–8, 9–10.

[2] Архив ВИМАИВиВС Ф. 10р. Оп. 1. Д. 84. Л. 24.

[3] Архив ВИМАИВиВС Ф. 10р. Оп. 1. Д. 84. Л. 27.

[4] Архив ВИМАИВиВС Ф. 10р. Оп. 1. Д. 84. Л. 28.

[5] Приказ по Военному ведомству от 12 ноября 1904 г., № 689.

[6] Приказ по Военному ведомству от 29 декабря 1904 г., № 816. Из-за трудностей с укомплектованием личным составом, лошадьми и оборудованием 3-я Восточно-Сибирская радиотелеграфная рота была сформирована только к окончанию боевых действий на Дальнем Востоке и отправка ее на театр военных действий была отложена (Архив ВИМАИВиВС Ф. 10Р. Оп. 1. Д. 84. Л. 33).

[7] РГИА Ф. 1101. Оп. 2. Д. 592. Л. 24–27, 28, 29–30, 31, 36, 112–115, 116–117, 161–162. В литературе такие станции называются "типом полевой подвижной радиостанции с двуколочным обозом выделки Военной электротехнической школы" (См., например, *Сокольцов Д. М.* Радиотелеграфные станции Военного ведомства. – В кн.: Очерк развития радиотелеграфных сообщений в России и за границей. СПб., 1913, с. 16. История военной связи. Т. 1. М., 1983, с. 230), из чего можно заключить, что изготовление их производилось на производственной базе Школы. В действительности же это были морские радиостанции системы Маркони, которые по предложению офицеров Школы Д. М. Сокольцова и И. А. Леонтьева были размещены на двуколках, что и было выполнено Военной электротехнической школой (Архив ВИМАИВиВС Ф. 49. Оп. 1. Д. 23. Л. 116).

После завершения формирования радиочастей, они 7 и 21 апреля 1905 года двумя эшелонами были отправлены на театр военных действий.[1] 1-я Восточно-Сибирская телеграфная рота под командованием подполковника Д. С. Троицкого прибыла в расположение 2-й армии в Маймайкай 21 мая 1905 года, 2-я Восточно-Сибирская телеграфная рота под командованием подполковника Ф. Я. Юхницкого – в состав 1-й армии в Гунчжулин 27 мая.[2] Обе роты предназначались для связи в высших звеньях управления (штаб главнокомандующего – штабы армий – отдельно действующие отряды), имевших достаточно разветвленную сеть проволочного телеграфа, тогда как радиосвязь больше нужна была в низовых структурах управления войсками (полках, батальонах, батареях), лишенных возможности широкого использования средств проводной связи.[3]

О том, как происходило формирование этих подразделений и отправка их на Дальний Восток рассказал впоследствии один из офицеров 1-й Восточно-Сибирской телеграфной роты поручик Н. Н. Дмитриев.[4]

> "По окончании Военной электротехнической школы в 1904 году, я был послан в Очаковскую минную роту. 16 декабря 1904 года был вызван в Санкт-Петербург в Военную электротехническую школу на формирование 1-й Восточно-Сибирской отдельной роты – первой [военной] радиотелеграфной части в России. В Школе прошли дополнительный курс по радио и познакомились с аппаратурой. Это знакомство было очень поверхностным, так как все приемные приборы были в ящиках под пломбами и нам было строго запрещено вскрывать пломбы. Через два месяца, 16 февраля 1905 года, нас, 9 офицеров, командировали в Красное Село, где мы разместились в летних бараках. Мы получили только общие схемы. И самим пришлось составлять монтажные схемы по двуколкам и производить сам монтаж своими руками. Каждый начальник монтировал свои двуколки. Источником энергии было динамо постоянного тока, соединенное муфтой с бензиновым двигателем. От динамо заряжались свинцовые аккумуляторы (24 банки). При испытаниях двигатели оказались ненадежными, были поломки частей, заедания и недопустимые износы. Поэтому мы потребовали, чтобы нам дали второй комплект двигателей, иначе мы не согласны идти [на Дальний Восток]. Наше требование было удовлетворено.
>
> Так как была большая спешка с нашей отправкой на фронт, то мы не успели закончить оборудование двуколок и были отправлены поездом в Харбин в марте 1905 года. С нашей отправкой так торопили, что В. Баранов недостающие части и запасные части к радиоаппаратуре принес на вокзал к отходу нашего поезда. В Харбин ехали около месяца…".

В связи с задержкой прибытия на театр военных действий 1-й и 2-й Восточно-Сибирских телеграфных рот, радио в армии использовалось лишь с июня по сентябрь 1905 года во время позиционной войны на Сыпингайских позициях. И все же, несмотря на то, что радиочасти поступили на театр военных действий незадолго до окончания войны, опыт их использования подтвердил реальную возможность и целесообразность применения радиосвязи для управления войсками в боевых условиях.

Командование роты состояло из командира (штаб-офицер), начальников отделений (обер-офицеры), врача (обер-офицер) и делопроизводителя (обер-офицер). Организационно каждая рота состояла из двух отделений, в которых было по три действующих и одной запасной радиостанции. Радиостанцию обслуживали начальник станции (обер-офицер), старший радиотелеграфист (унтер-офицер), три радиотелеграфиста (унтер-офицеры), два моториста (унтер-офицер и ефрейтор), станционный надсмотрщик (унтер-офицер) и 26 обозных и хозяйственных чинов.[5]

---

[1] Архив ВИМАИВиВС Ф. 49. Оп. 1. Д. 23. Л. 227.

[2] Архив ЦМС Ф. Радио. Оп. 1. Д. 1391. Л. 1–2.

[3] Архив ВИМАИВиВС Ф. 10Р. Оп. 1. Д. 84. Л. 49. См. также: *Шмидт, штабс-капитан.* Беспроволочный телеграф на театре военных действий // Русский инвалид. 1904, 31 июля, № 167, с. 4–5.

[4] *Дмитриев Н. Н.* Воспоминания радиста о радиотелеграфных станциях за время с 1905 по 1927 годы (Архив ЦМС Ф. Радио. Оп. 1. Д. 1391. Л. 1–2). Отдельные факты, приведенные автором, могут быть отнесены к достоверным, так как подтверждаются другими источниками (напр., перепиской В. Д. Батюшкова с представителями фирмы Маркони).

[5] Например, командиром 1-й Восточно-Сибирской телеграфной роты был подполковник Д. С. Троиц-

Транспортные средства радиостанции состояли из 45 лошадей (три из них верховые) и 25 одноконных и двуконных повозок: 10 инженерных (приемная, передающая, антенная, запасного имущества, двух аккумуляторных и двух горюче-смазочных) и 15 интендантских. Обоз всей роты включал 60 инженерных и 90 интендантских повозок.

О том, как развивались события с прибытием Восточно-Сибирских телеграфных рот на театр военных действий, рассказывает в своих воспоминаниях поручик Н. Н. Дмитриев.

> "<…>По прибытии в Харбин закончили оборудование двуколок, а также производили учебные установки и работу радиостанций. Все офицеры и нижние чины были совершенно не обучены. В результате нашего опыта сократили число двуколок и лошадей (из-за более рациональной укладки оборудования и имущества).
>
> Наконец, в мае 1905 года мы были на фронте. Мою радиостанцию №2 [первого отделения 1-й роты] направили в штаб 3-й армии, Начальник штаба армии был очень удивлен, зачем им прислана какая-то радиостанция, так как у нас исправно действует и проволочный телеграф. Он сказал, что мы ему не нужны и, если я хочу, то он может меня откомандировать обратно в штаб роты. Но, после того, как я завил, что командирован по распоряжению главнокомандующего генерала Линевича, он сказал, тогда располагайтесь где хотите.
>
> Второе отделение роты имело свой штаб в Бухае. Они должны были ходить в рейды с генералом Мищенко, а потому они приспособили станции под вьюки. Моя станция работала на станции Людяпуза, Годзядань и Яомынь.
>
> <…>При работе радиостанции приемная и передающая двуколки ставились рядом, чтобы радиотелеграфист мог принимать и передавать, не сходя с места.
>
> Антенная состояла из 6 горизонтальных лучей медного тросика, натянутых между центральной мачтой и шестью мачтами по окружности. Мачты составлялись из бамбуковых звеньев длиной 3 метра: центральная мачта из шести звеньев, периферийные из трех. Заземление радиостанции состояло из 6– листов оцинкованного железа, соединенных между собой и располагавшихся на земле вокруг передающей и приемной двуколок.
>
> Вначале мы старались принимать на ленту, так от нас требовали наличия документа, но очень скоро отказались [от пишущего приема] из-за грозовых разрядов, когда дальности связи не превышали 50–60 километров. Переход на слуховой прием дал увеличение дальности связи до 100–120 километров и значительно повысилась достоверность связи. Дежурство было круглосуточным. Нагрузка была незначительной, так как весь обмен шел по проволочному телеграфу. Лишь однажды, когда во время гололеда оборвало телеграфные провода, нагрузка легла на радиостанции. Восстановили провода – и все опять пошло по-прежнему…".

Разработка организационно-технических основ использования военной радиосвязи

Если техническая сторона использования радио в войсках получила свое разрешение к началу 1905 года, то организационные аспекты данного вопроса требовали еще своего решения. Полевым уставом русской армии, изданным в начале 1904 года, не предусматривались положения, регламентирующие вопросы боевого использования радио в боевых действиях. Поэтому первый опыт использования радиосвязи в русской армии[1] поставил в повестку дня необходимость решения данных вопросов.

Прежде всего для упорядочения действий радиостанций требовалась централизация управления их работой. В соответствии с приказом главнокомандующего Ман-

---

кий, командирами отделений капитаны Н. Н. Подерни и Д. М. Сокольцов, начальниками радиостанций поручик Д. Д. Заклинский, поручик Н. Н. Дмитриев, поручик Баумгартен (на фронте застрелился, узнав об измене невесты), врач Олигер, делопроизводитель Медведев. Конному отряду генерала П. И. Мищенко были приданы 4-я (начальник – штабс-капитан Спицкий) и 5-я (начальник – поручик Сперанский) радиостанции (Архив ВИМАИВиВС Ф. 10р. Оп. 1, Д. 84. Л. 36).

[1] Утверждения, что "русская армия первая в мире использовала радио для управления сухопутными войсками непосредственно на театре военных действий" (См.: История военной связи. Т. 1. М., 1983, с. 271, 272. Военные связисты в боях за Родину / Под ред. А. И. Белова. М., 1984, с. 11. История военной связи Российской армии. Т. 1. СПб., 1999, с. 277, 285), являются ненаучными, так как, по свидетельствам современников, радиосвязь широко применялась японцами уже в боях при Вафангоу 1 и 2 июня 1904 г. (См. *Шмидт, штабс-капитан.* Беспроволочный телеграф на театре военных действий // Русский инвалид. 1904, 31 июля, № 167, с. 4–5. *Раевский, штабс-капитан.* Технические средства сношений и разведывания на полевых укрепленных позициях в Манчжурии. – В кн: Сборник сочинений офицеров Николаевской академии Генерального штаба. Кн. 8. СПб., 1907, с. 164.).

чжурскими армиями от 23 июля 1905 года № 1478 учреждается Управление начальника радиотелеграфа при главнокомандующем и его штат, а 25 июля начальником Управления назначается подполковник 1-го Восточно-Сибирского саперного батальона А. Н. Эйлер.[1] Все радиостанции были разделены на две группы во главе с начальниками групп, которые подчинялись начальнику радиотелеграфа.

Принятые меры по совершенствованию организации функционирования радиостанций дали положительные результаты.[2] Во-первых, упорядочение работы станций привело к улучшению их электромагнитной совместимости, что, в свою очередь, позволило увеличить дальность связи с 30 верст до 70–95, а с использованием воздушного змея для подъема антенны – 130 верст. Во-вторых, пропускная способность радиолиний возросла с 200 слов в сутки до 1280 слов в конце августа и до 2100 слов в конце сентября. В-третьих, значительно вырос объем передаваемых радиограмм – с 50 слов в мае до 200 слов в сентябре. В-четвертых, скорость радиообмена увеличилась с одного слова в минуту в мае до четырех слов в сентябре. В-пятых, благодаря возросшим практическим навыкам радиотелеграфистов в сочетании с улучшением электромагнитной обстановки удалось повысить достоверность передаваемой информации, что послужило основанием к передаче в радиолиниях шифрованных радиограмм и более широкому использованию радио для управления войсками.

Обобщенный опыт функционирования радиоустановок на театре военных действий был положен в основу первого руководящего документа в Военном ведомстве по организации станционно-эксплуатационной службы как на отдельных станциях, так и в их группах. 10 сентября 1905 года главнокомандующий Маньчжурскими армиями утвердил Инструкцию для действия полевых радиографных станций, явившейся руководством для радиоподразделений в русской армии.[3] Несмотря на слабое радиотехническое вооружение русской армии, данный документ, разработанный А. Н. Эйлером и Д. М. Сокольцовым, представлял довольно совершенное руководство по радиосвязи, основные положения которого были положены в разработку организационно-технических и станционно-эксплуатационных наставлений в последующие годы.

Первые стационарные радиостанции Военного ведомства

Блокада Порт-Артура и нарушение связи крепости с армией вынудили военное руководство России срочно предпринимать меры о недопущении подобных последствий с возможной осадой японцами Владивостока, Николаевска-на-Амуре и о. Сахалина. В связи с этим весной 1905 года Инженерное ведомство предусматривало создание сети стационарных радиостанций, позволявших названным пунктам при их блокаде поддерживать связь с армией с помощью радиосвязи. Проектом предусматривалось строительство следующих радиолиний: Владивосток – Харбин, Владивосток – Спасское, Николаевск-на-Амуре – Александровск (о. Сахалин), Николаевск-на-Амуре – Гугга – Малмыжское. Однако из-за задержек с поставкой радиооборудования и строительством станционных построек к середине августа 1905 года удалось посредством четырех полевых радиостанций, выведенных в резерв из состава находившихся на театре Восточно-Сибирских радиотелеграфных рот, создать лишь радиолинию Владивосток – Спасское – Иман – Хабаровск.[4] Для связи Владивостока с Харбином была также приспособлена установленная 14 апреля 1905 года во Владивостоке мощная береговая радиостанция Морского ведомства.[5] Кроме того, в распоряжение Военного ведомства были переданы заказанные Морским министерством в начале 1905 года в Германии три радиостанции с дальностью действия до 300 верст. Эти

[1] РГИА Ф. 1289. Оп. 5. Д. 5608. Л. 3.
[2] Архив ВИМАИВиВС Ф. 10Р. Оп. 1. Д. 84. Л. 42–44.
[3] Инструкция для действия полевых радиографных станций образца 1905 г. Гунжулин, 1905.
[4] Архив ВИМАИВиВС Ф. 10Р. Оп. 1. Д. 84. Л. 47–49; Ф. 49. Оп. 1. Д. 23. Л. 239–241.
[5] РГА ВМФ Ф. 421. Оп. 4. Д. 872. Л. 304, 430; Ф. 967. Оп. 1. Д. 188. Л. 157–158.

радиостанции были в 1905–1907 годах установлены во Владивостоке, Харбине и Николаевске-на-Амуре.[1] В 1907 году еще одна радиостанция была установлена в Нижне-Тамбовском.

Таким образом, в 1905–1907 годах Военным министерством на Дальнем Востоке была создана качественно новая информационная инфраструктура на основе сети радиостанций, включающая 10 полевых радиостанций Восточно-Сибирских телеграфных рот и 8 стационарных установок.[2] С окончанием боевых действий телеграфные роты были отправлены в Петербург[3] и в декабре месяце получили наименование 1-й и 2-й Восточно-Сибирских рот искрового телеграфа, а находившаяся в столице рота – 1-й роты искрового телеграфа.[4] В связи с этим следует еще раз отметить обособленность процесса развития системы радиосвязи в различных ведомствах России, отсутствие надведомственного органа, регулирующего различные составляющие этого процесса в общегосударственном масштабе, что не лучшим образом сказывалось на эффективности проводимой работы и повышении роли радио в народнохозяйственных и оборонных целях. Так, если в 1906 году в мировой и отечественной терминологической практике рекомендовалось беспроволочное телеграфирование именовать радиотелеграфом, что было принято к руководству Министерством внутренних дел и Морским, Военное ведомство в своем делопроизводстве продолжало пользоваться устаревшей лексикой вплоть до Первой мировой войны.

Завершая исследование по созданию сети радиостанций Военного министерства на Дальнем Востоке, следует отметить, что с окончанием войны Инженерное ведомство в течение года не предприняло должных мер, способствующих эффективному функционированию имеемых радиоустановок, особенно стационарного типа. На поддержание технического состояния радиостанций, их эксплуатацию и содержание личного состава просто не было денег.

После окончания Русско-японской войны страна испытывала финансовые затруднения. Значительные ассигнования требовались властям и на мероприятия по модернизации социально-экономической сферы в условиях продолжавшейся буржуазно-демократической революции. Поэтому обращения Военного министерства в правительство и Государственную думу о предоставлении средств на содержание стационарных радиостанций оставались не удовлетворенными.

В связи с этим 30 сентября 1906 года Управление электротехнической частью Инженерного ведомства возбудило вопрос о передаче радиостанций в ведение Главного управления почт и телеграфов при условии, чтобы "в военное время эти линии с обслуживающим персоналом могли бы вновь переходить в ведение военных властей на тех же основаниях, как и сеть обыкновенного [проволочного] телеграфа".[5] Однако ходатайство удовлетворено не было. Главное управление почт и телеграфов, для которого вопросы радиосвязи также являлись новыми, после длительного изучения своих возможностей по удовлетворению поступившего ходатайства, только 10 января 1910 года ответило в Инженерное ведомство, что обслуживание радиостанций чиновниками Почтово-телеграфного ведомства могло бы иметь место лишь в случае предоставления ежегодно Министерству внутренних дел до 30 тыс. рублей на каждую радиостанцию, что почти в три раза превышало действительные расходы на указанные цели.[6]

---

[1] РГА ВМФ Ф. 421. Оп. 4. Д. 986. Л. 24; Ф. 967. Оп. 1. Д. 188. Л.65, 88, 96, 102; Д. 209. Л. 27, 90, 91; Оп. 6. Д. 185. Л. 87, 94, 218; Д. 1313. Л. 21, 99, 110, 127, 151, 152, 165, 186, 219.

[2] В 1911 году после модернизации радиостанций во Владивостоке и Николаевске-на-Амуре (их мощность была доведена до 40 кВт) станции в Имане и Нижне-Тамбовском были закрыты.

[3] *Дмитриев Н. Н.* Воспоминания радиста о радиотелеграфных станциях за время с 1905 по 1927 г. (Архив ЦМС Ф. Радио. Оп. 1. Д. 1391. Л. 8).

[4] Приказ по Военному ведомству от 14 декабря 1905 г. № 797.

[5] РГИА Ф. 1289. Оп. 8. Д. 1564. Л. 1–3, 41.

[6] РГИА Ф. 1289. Оп. 8. Д. 1564. Л. 42, 47–49.

При столь затянувшемся решении данного вопроса Главное инженерное управление 28 октября 1908 года направляет в Государственную думу законопроект "О расходах на различные потребности", в котором относительно радиостанций отмечалось:[1]

> "<…>Содержание станций искрового телеграфа в Нижне-Тамбовском, Николаевске-на-Амуре, Владивостоке, Хабаровске, Харбине, Имане. Во время минувшей войны было признано крайне необходимым снабжение Приамурского военного округа станциями беспроволочного телеграфа, который являлся единственным средством быстрых сношений между отдаленными друг от друга пунктами в случае обрыва неприятелем телеграфных проводов и разрушения телеграфных линий, или тогда, когда по условиям местности и климата проволочный телеграф являлся малонадежным средством. Ввиду этого было тогда же приобретено 13 мощных станций искрового телеграфа, причем три из них (Владивосток, Хабаровск, Иман) построены и фактически действуют с 1906 года, обслуживаясь личным составом других частей инженерных войск впредь до утверждения постоянных штатов станций, а три (Николаевск-на-Амуре, Нижне-Тамбовск и Харбин) построены, но не могут работать за неимением денежного отпуска на техническое содержание и личный состав для обслуживания сих станций, на что спрашивается применительно к существующим штатам для Петербургской и Выборгской радиостанций (Приказ №128–1907 г.) 12923 рубля".

Рассмотрение законопроекта в Государственной думе затянулось на полтора года. Причиной этому было не только длительное прохождение законопроектов в законодательных инстанциях России, но и зачастую несовершенство самих проектов. В связи с расширением круга подлежащих законодательному оформлению проблем (финансовая сторона содержания и других радиостанций Военного ведомства) закон об отпуске средств на содержание радиостанций на Дальнем Востоке, в Бобруйске, Жмеринке, Уржумке и Киеве появился только 5 мая 1910 года.

Вынужденное, в силу обстоятельств военного времени, организовать работу по созданию первых военных радиоподразделений и строительству стационарных радиостанций на театре войны, Военное министерство, вместе с тем, не предусматривало аналогичных действий в Европейской России. Лишь опасность потери связи в военных округах, вызванная событиями продолжавшейся буржуазно-демократической революции, побудила Инженерное ведомство в спешном порядке приступить в 1907 году к строительству радиостанций в Петербурге, Выборге, Киеве, Жмеринке и Одессе.[2]

Военное радиостроительство в Европейской России

К плановому развитию сети радиостанций оборонного назначения Военное министерство приступило только в 1910 году, когда 9 декабря на четвертом заседании Временного междуведомственного радиотелеграфного совещания были утверждены предположения Главного управления Генерального штаба с планом развития системы военной радиосвязи. В соответствии с планом, составленным с учетом уроков Русско-японской войны 1904–1905 годов, для целей государственной обороны Военное ведомство предполагало сооружение 16 новых и модернизацию 9 имеемых стационарных радиостанций. Проектируемая сеть радиостанций должна была при необходимости, по мнению Инженерного ведомства, обеспечить связь столицы со всеми регионами страны (Кавказ, Центральная Азия, Дальний Восток, Урал), а также обеспечить взаимодействие Военного и Морского министерств и связь военно-политического руководства империи с союзниками.[3]

Усиление радиооснащения действующей армии

С учетом опыта войны с Японией в послевоенное время важное внимание было обращено на увеличение численности радиочастей в армии. В дополнение к трем ротам искрового телеграфа, сформированным к концу войны, в 1910 году приказом по Военному ведомству № 515 создаются еще пять рот: 2-я Вилен-

[1] РГИА Ф. 1158, Оп. 1, ч. 1. Д. 139. Л. 13.

[2] РГИА Ф. 23. Оп. 12. Д. 337. Л. 34–36, 37–42; Ф. 1158. Оп. 1, ч. 1. Д. 36. Л. 10–21; 146. Л. 18; Д. 148. Л. 19, 59; Ф. 1289. Оп. 9. Д. 691. Л. 3, 18–20; Д. 1694. Л. 1–5.

[3] РГИА Ф. 1158. Оп. 1, ч. 1. Д. 146. Л. 1, 4–6, 14–25, 26–29; Ф. 1289. Оп. 12. Д. 1767. Л. 83–87.

ская, 3-я Варшавская, Сибирская, 1-я Кавказская и 9-я Кавказская. Организационно каждая радиочасть состояла из двух отделений, имеющих на вооружении по четыре радиостанции (три основные и одна запасная), предназначалась для обслуживания одной армии и входящих в ее состав корпусов и придавались штабам армий, фронтов и Ставке верхового главнокомандования. Кроме полевых радиостанций, в армии имелись более мобильные, так называемые кавалерийские радиоустановки, состоявшие на вооружении кавалерийских дивизий и отдельных кавалерийских бригад. На вооружении пехотных и кавалерийских полков, артиллерийских бригад, дивизионов и батарей средств радиосвязи не имелось.[1]

Попытки централизации радиодела в Военном ведомстве

Важным фактором, снижавшим роль не только радиосвязи, но и других родов связи в армии, на эффективность управления войсками, являлось отсутствие центрального органа управлением связью в масштабах Военного ведомства. Несмотря на актуальность подобного решения, создание прецедента в Морском ведомстве (образование Службы связи), неоднократные предложения армейских связистов о необходимости совершенствования административно-хозяйственного управления связью,[2] военное руководство не торопилось с объединением управления всей связью в одном учреждении.

> Журнал заседания междуведомственного совещания по объединению и урегулированию действий всех искровых станций, находящихся в пределах Приамурского военного округа
> 11 декабря 1912 г.
>
> <…>Постановили: 1. …для объединения управления станциями в каждом соединении (местном ведомстве) безусловно необходима особая организация во главе с лицом, имеющим специальную подготовку. Этому лицу должны подчиняться в техническом и эксплуатационном отношении все станции данного соединения как в мирное, так и в военное время. Необходимость такого объединения действий станций в одном лице обуславливается сложностью и узкой специализацией дела.
>
> Насколько таковое объединение необходимо, показывает пример Военного ведомства, где неоднократно возникал и временами осуществлялся вопрос об объединении действия искровых станций в одном лице, однако до сего времени, несмотря на всю настоятельную необходимость, вопрос этот не получил окончательного решения.

Запоздалое мощное радиостроительство

Особую страницу в процессе создания системы радиосвязи Военного ведомства, во многом отражающую реалии российской действительности начала XX века, составляет история строительства двух мощных радиостанций для международных сношений в Москве и Царском Селе и приемного радиоцентра в Твери, о чем уже говорилось выше в соответствующих сюжетах.

Документы свидетельствуют, что вопрос о строительстве подобных радиоустановок ставился в России с начала столетия и конкретно Военным министерством с 1910 года, признававшим их насущную необходимость уже с того момента, когда состояние радиотехники позволяло успешно решить техническую сторону дела.[3] Однако из-за отсутствия должной целеустремленности Инженерного ведомства в проведении предполагаемого проекта в жизнь, с одной стороны, и ориентации Почтово-телеграфного ведомства в международных сношениях на линии проволочного телеграфа Индо-Еропейского телеграфного общества и Большого северного телеграфного общества, обеспечивающих, по мнению ведомства, своевременный обмен корреспонденции с Англией (700 тыс. телеграмм в 1909 году), Францией (500 тыс. теле-

[1] РГИА Ф. 1158. Оп. 1, ч. 2. Д. 69. Л. 2, 4.; Ф. 1278. Оп. 6. Д. 1016. Л. 3, 18. См. также: История военной связи Российской армии. Т. 1. СПб., 1999, с. 305, 307.

[2] Напр.: Журнал заседания междуведомственного совещания по объединению и урегулированию действий всех искровых станций, находящихся в пределах Приамурского военного округа (РГА ВМФ Ф. 418. Оп. 1. Д. 1260. Л. 599–600).

[3] РГИА Ф. 95. Оп. 11. Д. 2683. Л. 3–7; Ф. 565. Оп. 5. Д. 19339. Л. 1–11; Ф. 1289. Оп. 10. Д. 2427. Л. 34–45; Д. 2452. Л. 1–7. РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 3960. Л. 1–17.

грамм), Германией (1750 тыс. телеграмм) и другими государствами и имеющих достаточный запас по пропускной способности, с другой стороны, не привели к резервированию указанных телекоммуникаций линиями радиосвязи и созданию материально-технической базы для интеграции России в систему международной радиосвязи.[1] В результате низкой живучести линий проволочного телеграфа, которая недостаточно принималась всерьез, особенно в условиях войны, Россия могла быть лишена возможности не только на международный обмен частной корреспонденции, но и межправительственную связь с союзными государствами.

Подобно тому, как многие конструктивные предложения по разрешению ряда военно-политических и военно-технических проблем во время войны с Японией исходили от представителей предпринимательских структур, так и в вопросах сооружения радиостанций для международной связи выступили опять таки предприниматели.[2] В начале 1912 года в Совет министров обратилась группа "российских предпринимателей" в составе отставного вице-адмирала И. Ф. Бострема, действительного статского советника Н. И. Гучкова, мануфактур-советника Н. И. Прохорова, статского советника П. И. Балинского, отставного гвардии ротмистра В. В. Маркозова и потомственного дворянина Б. А. Суворина с ходатайством о выдаче им концессии на устройство, содержание и эксплуатацию мощных радиостанций в пяти пунктах империи, способных обеспечить уверенную круглосуточную радиосвязь как с Францией и Англией, так и с русскими кораблями в Северном море и Бискайском заливе.[3] Сумма контракта на постройку названных станций могла превысить 5 млн руб.

С самого начала рассмотрения условий получения концессии, выдвигаемых заявителями, они были признаны неприемлемыми по экономическим, политическим и техническим соображениям.[4] Так, в частности, на нежелательность заключения соглашения с концессионерами с общегосударственной точки зрения отмечал в письме на имя министра внутренних дел А. А. Макарова морской министр И. К. Григорович.[5] Никакими средствами и возможностями для реализации предполагаемого проекта "концессионеры" не располагали. Хотя они и утверждали, что с заключением договора о концессии ими будет образовано "Русско-английское радиотелеграфное общество", всем было ясно, что за этим Обществом, как и за всей деятельностью концессионеров, стоит и будет стоять английская радиотехническая компания Г. Маркони. Нравственная сторона предполагаемой сделки была отмечена В. И. Лениным[6] –

> "<…>капиталисты лондонские – обирание россиян – концессия от русского правительства – участие печати – повальная продажность – купля-продажа кого угодно за десятки тысяч рублей"

---

[1] РГИА Ф. 273. Оп. 6. Д. 1859. Л. 6.

[2] См., например, *Ленин В. И.* Капитализм и печать. ПСС. Т. 25. М., 1977, с. 5–8. *Снесарев Н.* Мираж "Нового времени". Почти роман. СПб., 1914.

[3] РГИА Ф. 565. Оп. 5. Д. 19339; Оп. 12. Д. 1784, 1794, 1857.

[4] РГИА Ф. 95. Оп. 7. Д. 82. Л. 20–22; Ф. 1405. Оп. 531. Д. 829. Л. 36. РГА ВМФ Ф. 401. Оп. 1. Д. 9. Л. 52, 53. Например, по условиям концессии правительство должно было в течение 25 лет отчислять в пользу концессионеров 65% причитающегося в пользу России валового сбора от переданной корреспонденции при помощи сооружаемых станций (РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 1781. Л. 129, 130). Чтобы представить абсолютное значение размера причитающихся концессионерам платежей, следует отметить, что за 1913 год поступления в казну от международного обмена с Францией, Англией и США составляли 1,5 млн руб. С учетом тенденции роста объема международного обмена, за 25 лет действия условий концессии государство должно было выплатить предпринимателям свыше 10 млн руб. Кроме того, используя в течение указанного срока предложенную систему радиоустановок, правительство не имело права на приобретение радиостанций других фирм, что в условиях быстрого прогресса в развитии радиотехники обрекало Россию на использование в течение четверти века устаревшей техники (РГИА Ф. 1276. Оп. 9. Д. 413. Л. 64).

[5] РГА ВМФ Ф. 401. Оп. 1. Д. 9. Л. 52–53.

[6] *Ленин В. И.* Капитализм и печать. ПСС. Т. 25. М., 1977, с. 6. См. подр.: *Глущенко А. А.* Радиотелеграф А. С. Попова и российские предприниматели. – В кн.: Власть и общество. СПб., 2000, с. 68–76.

и объяснялась сотрудником газеты "Новое время" Н. Снесаревым:[1]

> "Все привыкли мало помалу жить гораздо выше своих средств. Отсюда и явилась погоня за деньгами, не стесняясь и не обращая внимания на способы их приобретения".

Круг лиц, желающих жить "гораздо выше своих средств", не ограничился лишь составом концессионеров. За удовлетворение просьбы заявителей, несмотря на отрицательный отзыв по ней морского министра И. К. Григоровича и министра внутренних дел Н. А. Маклакова, высказался и председатель правительства В. Н. Коковцов. В намерении достичь положительного решения правительства по поводу концессии, Коковцов пошел даже на то, что первоначальное отрицательное решение кабинета по поводу концессии от 4 июня 1913 года не получило "журнального постановления"[2] и Главному управлению почт и телеграфов было рекомендовано обсудить вопрос повторно.

После всестороннего рассмотрения в междуведомственных совещаниях и комиссиях в июле – августе 1913 года условий концессии перечень предполагаемых к сооружению радиостанций был сведен до двух (в Москве и Царском Селе), а строительство и эксплуатацию их предлагалось осуществить Почтово-телеграфным ведомством за счет государственного финансирования. Предположения Министерства внутренних дел были одобрены в марте 1914 года Советом министров.[3] Однако, вопреки решению правительства, строительство указанных установок осуществило Военное министерство.

На первый взгляд действия руководства Военного министерства могут показаться вполне логичными и оправданными, продиктованными исключительно интересами государственной обороны. В условиях, когда к началу мировой войны Россия оказалась без надежной связи с союзниками, 14 августа 1914 года военный министр В. А. Сухомлинов входит с представлением в Совет министров об отпуске 1113 тыс. руб. на первоначальные работы по сооружению двух мощных радиостанций под Москвой (Ходынское поле) и Петербургом (Царское Село) для международных сношений, а также приемного радиоцентра в Твери.[4]

Срочно. Секретно.

Об отпуске Русскому обществу беспроволочных телеграфов и телефонов
задатка на устройство радиостанций в размере 1113000 руб.

14 августа 1914 г. № 2775

Ввиду крайней важности иметь в настоящее время вполне надежную непосредственную радиотелеграфную связь России с Францией и Англией, Главным военно-техническим управлением было разработано соображение об устройстве мощных 300-киловаттных радиостанций в Москве и Царском Селе с отдельной приемной станцией в г. Твери. Установку этих станций было преложено передать Русскому обществу беспроволочных телеграфов и телефонов, так как эта фирма имеет уже готовый, вполне разработанный тип станции такой большой мощности, одобренный Техническим комитетом Главного военно-технического управления для предполагавшейся ранее установки в Бобруйске и так как фирма берется выполнить работу в весьма короткий срок 4–5 месяцев.

Вместе с тем был выработан и проект контракта с упомянутым Обществом, причем фирма заявила общую стоимость установки всех трех станций в 5565000 руб.

По докладу мне изложенных предположений Главного военно-технического управления, предложения эти были мною одобрены и, вследствие крайней спешности дела, я приказал немедленно сдать работы по установке радиостанций Русскому обществу беспроволочных телеграфов и телефонов и заключить с ним контракт.

Вследствие обусловленной военным временем необходимости быстрейшего исполнения заказа фирма сейчас же приступила к работе, не ожидая письменных нарядов и контрактов. Вместе с тем, ввиду того, что фирмой уже теперь затрачены весьма крупные суммы на изготовление радиостанций и в ближайшем будущем предстоят огромные расходы, которых фирма произвести не в состоянии, особенно в столь короткое время, какое требуется условиями заказа, фирма обратилась

---

[1] *Снесарев Н.* Указ. соч., с. 108.
[2] РГИА Ф. 1276. Оп. 9. Д. 409. Л. 50, 55, 56.
[3] РГИА Ф. 1276. Оп. 9. Д. 413. Л. 65; Ф. 1289. Оп. 12. Д. 1781. Л. 186.
[4] РГИА Ф. 1276. Оп. 10. Д. 555. Л. 1–2.

ко мне с прошением от 11 августа с. г. за № 8192 о выдаче ей теперь же, при подписании контракта, задатка в размере 1/5 части подрядной суммы или 1113000 руб.

Принимая во внимание, с одной стороны, что быстрое исполнение фирмой установки радиостанций вызывается интересами чрезвычайной государственной важности и, с другой стороны, что добросовестность и надежность фирмы вполне известны Военному ведомству и находятся вне всяких сомнений, кроме того, весь завод фирмы со всем его оборудованием находится в настоящее время в полном распоряжении и под охраной Военного ведомства, которое с первого же дня по объявлении войны пользуется его радиостанцией для сношений с Парижем, Главное военно-техническое управление полагало бы возможным ходатайство Русского общества беспроволочных телеграфов и телефонов признать подлежащим удовлетворению.

По рассмотрении означенного прошения фирмы, государственный контролер в письме на мое имя от 13 августа с. г. за № 542 высказал мнение, что вопрос о выдаче Русскому обществу беспроволочных телеграфов и телефонов аванса в размере 1113000 руб. без всякого обеспечения, ввиду исключительных обстоятельств настоящего времени, должен быть представлен на рассмотрение Совета министров.

Мнение. Докладывая об изложенном, я полагал бы: разрешить Военному ведомству при заключении контракта с Русским обществом беспроволочных телеграфов и телефонов контракта на установку мощных 300-киловаттных радиостанций в Москве и Царском Селе с отдельной приемной станцией в г. Твери на общую сумму в 5565000 руб., выдать означенной фирме задаток в размере 1/5 части подрядной суммы.

Генерал-адъютант	Сухомлинов
Начальник Главного военно-технического управления военный инженер, генерал-лейтенант	барон Ропп
Заведующий Электротехнической частью военный инженер, генерал-майор	Овчинников

Сооружение названных объектов, как видим, передавалось Русскому обществу беспроволочных телеграфов и телефонов, с которым 14 августа 1914 года был заключен соответствующий контракт.[1]

Скрупулезный анализ подобного шага Сухомлинова позволяет сделать вывод, что заключение контракта на сооружение указанных радиостанций именно с Русским обществом беспроволочных телеграфов и телефонов было продиктовано не только лишь государственными интересами.

Во-первых, протекционизм В. А. Сухомлинова по отношению данного Общества и его руководителя С. М. Айзенштейна прослеживается с 1906 года, когда для резервирования линий проволочного телеграфа, при активной поддержке командующего в то время Киевским военным округом Сухомлинова, в Киеве и Жмеринке Айзенштейн устанавливает две радиостанции.[2] Сооружение и испытание их заканчивается лишь в 1908 году, когда насущная необходимость в них из-за возможного повреждения проводов или забастовок почтово-телеграфных служащих отпала. Интересы дела требовали незамедлительного сооружения радиостанций вполне разработанных конструкций, как это было сделано в Петербурге и Выборге, но никак не экспериментальных установок. Не без участия Сухомлинова в 1910 году АО Русских электротехнических заводов "Сименс и Гальске", выигравшему тендер на поставку 49 радиостанций для искровых рот на сумму 761 тыс. руб., было предложено "подать заявление о согласии принять половину заказа вместо целого", чтобы вторая половина заказа была передана С. М. Айзенштейну.[3]

Во-вторых, келейность (в обход Междуведомственного радиотелеграфного комитета) и спешность, резко контрастирующая с четырехлетней пассивностью в решении

[1] РГВИА Ф. 811. Оп. 1. Д. 26. Л. 169–172.

[2] РГИА Ф. 23. Оп. 12. Д. 337. Л. 34–36; Ф. 1158. Оп. 1, ч. 1. Д. 146. Л. 18. См. также: *Юсупов Э. С.* Семен Моисеевич Айзенштейн – основатель и директор первого в России радиозавода // Вопросы электроники. Серия "Общие вопросы радиоэлектроники". СПб., 1993, с. 4. Wireless Pioneer // Marconi News. 1962, 7 September.

[3] ЦГИА СПб Ф. 1249. Оп. 8. Д. 29. Л. 102, 103, 110, 114, 115. *Крицкий И.* Переусердствовали // Земщина. 1911, 24 июня.

данного вопроса, принятия Военным министерством решения о сооружении радиостанций для международных сношений.

В-третьих, заключение контракта с С. М. Айзенштейном в обход существовавших правил – объявления конкурса и внесения фирмой положенного залога.

В-четвертых, отказ Военного ведомства от участия в созванном при Главном управлении почт и телеграфов совещании для рассмотрения сметы на устройство проектируемых установок и утверждение сметы самостоятельно.

Наконец, отсутствие у С. М. Айзенштейна юридических прав на строительство подобных установок. В соответствии с соглашением, заключенным с фирмой Маркони в 1911 году, Русскому обществу беспроволочных телеграфов и телефонов предоставлялось "исключительное право эксплуатации в России всех патентов Маркони в области беспроволочной телеграфии и телефонии, кроме устройства станций международных сообщений и на коммерческих судах".[1] Однако, благодаря постоянным контактам Сухомлинова с представителями фирмы Маркони в России, каких-либо претензий со стороны английской фирмы не последовало.

Контракт Главного военно-технического управления с Русским обществом беспроволочных телеграфов и телефонов о строительстве Московской, Царскосельской и Тверской радиостанций на сумму 5, 565 млн руб. был заключен 31 августа 1914 года.[2] Вместо положенного залога, вносимого фирмой до заключения контракта, ей был предоставлен задаток в размере 1/5 подрядной суммы (1113 тыс. руб.).[3]

Контракт, заключенный С. Айзенштейном с Главным военно-техническим управлением о строительстве Московской, Царскосельской и Тверской радиостанций

Тысяча девятьсот четырнадцатого года августа тринадцатого дня на основании положения Военного совета от 20 августа 1914 г. по представлению Главного военно-технического управления за № 2754, секретно, я нижеподписавшийся, Семен Моисеевич Айзенштейн, действующий на основании доверенности правления Русского общества беспроволочных телеграфов и телефонов... заключил сей контракт с Главным военно-техническим управлением в том, что Русское общество беспроволочных телеграфов и телефонов принимает на себя изготовление, доставку и установку мощной искровой станции в Москве за общую сумму 2820000 рублей, из них 1870000 рублей за временную установку и 950000 рублей за переоборудование ее в постоянное устройство; изготовление, доставку и установку мощной станции в Царском Селе за общую сумму 2650000 рублей, из них 1700000 рублей за временную установку и 950000 рублей за переоборудование ее на постоянное устройство; изготовление, доставку и установку приемной станции в Твери за сумму 67000 рублей и изготовление, доставку и установку маломощного передатчика в Твери за 28000 рублей, всего за общую сумму 5565000 рублей на нижеследующих условиях.

Первое. Все составные части Московской станции должны быть изготовлены, доставлены на место, установлены в постоянных помещениях и с постоянными мачтами и станция должна быть открыта для действия не позже года и шести месяцев со дня отвода места под станцию. Во временных же помещениях и с временными мачтами станция должна открыть свое действие не позже четырех месяцев со дня отвода места под станцию.

Второе. Все составные части Царскосельской станции должны быть изготовлены, доставлены на место и установлены и станция должна быть открыта для действия во временных помещениях и с временными мачтами через пять месяцев после отвода места. К оборудованию же станции на постоянную основу фирма приступит лишь в том случае, если выбранный участок под станцию поступит в постоянное пользование Военного ведомства; причем в этом случае станция в постоянных помещениях и с постоянными мачтами должна быть установлена и открыта для действия не позже года и шести месяцев со дня получения фирмой извещения об уступке в постоянное владение Военного ведомства отведенного места.

Примечание. В случае, если указанное извещение не последует в течение шести месяцев со дня подписания контракта, то переоборудование временной станции на постоянную не производится и сумма за это переоборудование в размере 950000 рублей фирме не уплачивается.

[1] РГИА Ф. 1289. Оп. 10. Д. 2417. Л. 51.
[2] РГВИА Ф. 811. Оп. 1. Д. 26. Л. 169–172.
[3] РГИА Ф. 1276. Оп. 10. Д. 555. Л. 1–2. РГВИА Ф. 811. Оп. 1. Д. 2. Л. 7–9, 132–136.

Третье. Все составные части Тверской приемной станции должны быть изготовлены, доставлены на место и установлены и приемная станция должна быть готова к действию через шесть недель со дня получения фирмой наряда.

Четвертое. Московская, Царскосельская и Тверская станции должны удовлетворять во всем прилагаемым при сем техническим условиям, составляющим неотъемлемую часть настоящего контракта.[1]

Пятое. Все временные здания станций, а равно и лесной материал мачт, оставшийся во время установки станций, поступает в распоряжение Военного ведомства.

Шестое. Обеспечением исправного исполнения сего заказа служит свидетельство о валовой производительности завода, выданное старшим фабричным инспектором Петроградской губернии от 3 октября 1913 года за № 4569 и обеспечением первого платежа в размере 1113000 рублей, подтвержденного свидетельством Петроградского международного коммерческого банка от 21 августа 1914 года.

Седьмое. В случае, если какая-либо станция во временном или постоянном оборудовании не откроет действие согласно пунктам 1, 2 и 3 Технических условий, при отсутствии обстоятельств, указанных в ст. 216 и 218 Положения о казенных подрядах и поставках, в сроки: временная Московская – через 5,5 месяцев и временная Царскосельская – через 6,5 месяцев со дня отвода места; Тверская приемная – через 2 месяца и Тверская передающая – через 4,5 месяца со дня получения наряда, а переоборудованные станции в срок, указанный в п. 1 и 2 сего контракта, то фирма уплачивает за все дни опоздания штраф в размере 0,5% в месяц от стоимости соответствующих станций.

Восьмое. Плата за станции производится следующим образом:1113000 рублей уплачивается фирме при подписании контракта. После освидетельствования и представления фирмой дубликатов на отправку за каждый двигатель Дизеля платится 70000 рублей, за каждое динамо мощностью 300 кВт – 20000 рублей, за каждую аккумуляторную батарею низкого напряжения в 120 элементов – 20000 рублей, за аккумуляторную батарею высокого напряжения в 6000 элементов – 150000 рублей; за каждый зарядный агрегат – 6000 рублей, за заготовку машин с принадлежностями для одной станции – 50000 рублей (Москва и Царское Село). После установки мачт и сети – по 100000 рублей (Москва и Царское Село). За фундамент под машины и временные здания вчерне по 50000 рублей (Москва и Царское Село). За постоянное здание по 100000 рублей (Москва и Царское Село) и после установки постоянных мачт – 300000 рублей. Остаток от стоимости как временных, так и переоборудованных станций минус 10% (по ст. 9) контрактной суммы выдается фирме по приведении станций в действие согласно Технических условий.

<...> Контракт сей заключен с Главным военно-техническим управлением 31 августа 1914 года, гор. Петроград.

Подлинный подписали:

Начальник Главного военно-технического управления
военный инженер, генерал-лейтенант барон Ропп

Хотя все постройки станций предполагалось выполнить временными (в виде щитовых зданий), сроки их сооружения все же были беспрецедентными – от 4 до 5 месяцев. Станции были введены в строй: Тверская – 11 ноября 1914 года, Московская – 7 декабря и Царскосельская – 28 января 1915 года.[2] Штатная численность личного состава радиостанций составляла: Московской станции – 132 чел., Царскосельской станции– 130 чел., Тверского приемного радиоцентра – 55 чел.[3]

На 31 декабря 1915 года объем радиообмена станций составил: Царскосельской радиостанции – 275 исходящих радиограмм емкостью 27951 групп и 91 входящая радиограмма емкостью 8163 группы, Московской – 99 исходящих радиограмм емкостью 3118 групп и 93 входящих радиограмм емкостью 2722 группы; Тверская станция перехватила 26207 радиограмм емкостью 1113752 группы.[4]

[1] В соответствии с Техническими условиями, радиостанции в Москве и Царском Селе предназначались для "уверенных взаимных сношений с Парижем и Карнавоном". Требуемая достоверность связи в международных радиолиниях должна быть не ниже 90%. Для этого на передающих станциях устанавливались искровые передатчики мощностью 300 кВт с диапазоном волн 9000 и 11000 м (Москва) и 5000, 7000 и 9000 м (Царское Село). Для увеличения пропускной способности радиолинии предусматривалась как ручная (телеграфным ключом), так и автоматическая (70 слов в минуту с помощью трансмиттера) передача и предусматривалось, помимо прима на слух, применение "регистрирующего фонографического приема" со скоростью 75 слов в минуту (РГВИА Ф. 811. Оп. 1. Д. 26. Л. 170, 172).

[2] РГА ВМФ Ф. 418. Оп. 1. Д. 1400. Л. 87–95.

[3] Архив ЦМС Ф. Бренев. Оп. 3. Д. 338. Л. 8.

[4] РГА ВМФ Ф. 418. Оп. 1. Д. 1400. Л. 87–95.

В результате деятельности Главного инженерного ведомства по радиовооружению армии средствами радиосвязи в 1910–1914 годах к началу Первой мировой войны русская армия подошла с довольно высокой степенью оснащения радиоустановками: 17 стационарных, около ста полевых и свыше 30 легких кавалерийских радиостанций. Кроме того, в годы войны Военным ведомством было введено в строй еще 4 стационарные радиостанции: 17 октября 1914 года Русским обществом беспроволочных телеграфов и телефонов была сооружена мощная радиостанция в Николаеве (100 кВт), а также завершено строительство заложенных в 1913 году АО Русских электротехнических заводов "Сименс и Гальске" радиостанций в Кушке (сентябрь 1915 года), Ташкенте (апрель 1916 года) и Чите (февраль 1917 года).[1] Всего с 1905 по 1917 год Военным ведомством было сооружено и введено в строй 26 стационарных радиостанций различной мощности и назначения.

Количественные показатели системы радиосвязи оборонного назначения России

Оценивая разветвленность системы радиосвязи оборонного назначения России, сложившуюся к началу Первой мировой войны по количеству радиостанций (61 стационарная, 171 корабельная, 120 полевых и подвижных, 30 легких кавалерийских) следует отметить, что она, во-первых, значительно превышает аналогичный показатель (19 береговых и 74 судовых) системы радиосвязи народнохозяйственного назначения империи и, во-вторых, по количеству береговых радиостанций не уступала системам радиосвязи ведущих стран мира (Англия – 35, США – 48), а по подвижным станциям (301) уступала лишь Англии (509) и опережала Германию (144), Италию (110), США (219) и Францию (189).[2] При этом данный анализ может носить лишь приблизительные оценки, так как приведенные данные по разветвленности систем радиосвязи оборонных ведомств других стран, сообщаемые в Бернское международное телеграфное бюро, в силу их секретности, не всегда соответствовали истинному положению вещей.

Вместе с тем необходимо отметить, что, при слабом развитии отечественной промышленной радиотехнической базы, уже в годы войны армия стала испытывать, наряду с другими видами вооружения, острый недостаток в средствах радиосвязи. В условиях, когда в предвоенные годы Военное министерство не занималось вопросами организации производства радиоаппаратуры на базе российских предприятий, Главное военно-техническое управление вынуждено было обратиться к данной проблеме уже в годы войны. Частично потребности армии в радиотехническом вооружении были решены за счет создания в 1917 году в Москве Электротехнического завода Военного ведомства.[3] Однако в большей степени недостаток радиовооружения армии, начиная с 1915 года, восполнялся за счет поставок из Англии и Франции.[4]

Качественная сторона системы радиосвязи оборонного назначения России

Небезынтересным в связи с этим может оказаться опыт решения вопроса о радиовооружении армии США, проведенный также в годы Первой мировой войны. После вступления в 1917 году в войну против Германии, военное руководство незамедлительно приступило к разработке новых средств связи и способов их использования с учетом особенностей европейского театра военных действий. С этой целью в весьма сжатые сроки (июль 1917 года) был создан особый радиодивизион управления начальника связи армии США с привлечением в него национальных радиоинженеров и ведущих специалистов в области радиотехники Англии и Франции.

---

[1] РГВИА Ф. 811. Оп. 1. Д. 2. Л. 139. Архив ЦМС Ф. Бренев. Оп. 3. Д. 928. Л. 23б.

[2] РГИА Ф. 273. Оп. 6. Д. 1860. Л. 111–112. РГВИА Ф. 811. Оп. 1. Д. 2. Л. 139. РГА ВМФ Ф. 401. Оп. 3. Д. 188. Л. 126–130.

[3] Архив ЦМС Ф. Радио. Оп. 1. Д. 748. Л. 1–8; Д. 749. Л. 3.

[4] См., например: *Козлов Н.* Очерк снабжения русской армии военно-техническим имуществом в мировую войну. Ч. 1. От начала войны до половины 1916 года. М., 1926, с. 5, 94, 111. Мировая война в цифрах. М.-Л., 1934, с. 30.

Спустя год радиодивизион превратился в одно из ведущих научных радиотехнических учреждений США "Army Radio Buildings", занятое исключительно разработкой и усовершенствованием радиоаппаратуры для оснащения войск. В его состав входило 70 офицеров, 50 мобилизованных и 350 кооптированных гражданских инженеров, кроме которых конструкторскими работами военного назначения занимались научные лаборатории американских, английских и французских радиотехнических компаний. Новый научно-исследовательский радиотехнический комплекс, воздвигнутый вблизи Нью-Йорка, включал: музей американской, французской и английской радиоаппаратуры, лабораторию радиопеленгования, испытательную и измерительную лаборатории, радиоавиамастерскую с 22 самолетами.

На основе проведенных менее чем за 6 месяцев исследований были даны заказы ведущим радиотехническим фирмам на производство усилительных радиоламп в количестве, необходимом для производства для армии радиостанций с незатухающими колебаниями. Несмотря на строгие условия приемки, через год американская промышленность наладила выпуск радиоламп с нулевого уровня до 1 млн штук в год. Кроме того, за 18 месяцев войны были пущены в массовое производство радиотелефонные станции трех типов и станции инфракрасного диапазона для самолетов, танковые радиостанции, три типа радиостанций с незатухающими колебаниями и три типа искровых радиостанций для использования в войсках, радиокомпаснные станции и другое радиотехническое имущество.[1]

Хотя русских радиоспециалистов американцы не пригласили к участию в разработке новых видов радиотехники, русское командование было в курсе проводимых в США работ – вплоть до октября 1917 года в Ставку верховного главнокомандующего и Главное военно-техническое управление поступали данные о развитии военной техники в союзных армиях, однако русским правительством многие положительные начинания союзных держав и опыт последних использовался недостаточно полно.[2]

Взвешенная оценка действий правительства и военного руководства страны по созданию и развитию радиотехнической отрасли России была дана лишь некоторое время спустя в работе Н. Козлова "Очерк снабжения русской армии военно-техническим имуществом в мировую войну". Подводя итог анализу причин неудовлетворительности снабжения русской армии военно-техническим (в т. ч. и имуществом связи) в годы Первой мировой войны, автор приходит к заключению,[3] что

> "основной базой для удовлетворения армии во время войны в предметах боевого снабжения должна служить соответствующим образом развитая отечественная промышленность (общая и военная), а не запасы мирного времени или заграничные заготовки".

Запасы военно-технического имущества, создаваемые в мирное время, как отмечает Козлов, должны быть созданы в количестве, необходимом для снабжения армии в начальный период войны, до приведения отечественной промышленности в мобилизационное состояние, позволяющее полностью удовлетворить потребности воюющей армии. Что же касается ориентации на заграничные поставки, то они признаются автором ненадежными из-за качества и сроков исполнения и доставки, и, кроме того, нежелательными ввиду поддержки иностранной промышленности в ущерб отечественной (например, с 1913 по 1919 год за счет поставок радиоаппаратуры оборонным ведомствам различных стран, в том числе и России, фирма Маркони увеличила свои прибыли в 10 раз – с

---

[1] См.: *Баженов В.* Опыт организации производства военных радиостанций // Техника и снабжение Красной Армии. 1923. №11–12 (42–43), с. 31–33.

[2] См.: *Коростылев Н.* Нечто архивное // Техника и снабжение Красной Армии. 1923. №11–12 (42–43), с. 71–73.

[3] *Козлов Н.* Очерк снабжения русской армии военно-техническим имуществом в мировую войну. Ч. 1. От начала войны до половины 1916 года. М., 1926, с. 151.

122 тыс. фунтов стерлингов до 1220 тыс.),[1] а также невыгодны в финансовом отношении и иногда совершенно невозможны по обстоятельствам политического характера.[2] Аналогичных взглядов придерживаются А. А. Маниковский[3] и К. Ф. Шацилло.[4]

Говоря о деятельности общественных объединений по развитию системы радиосвязи оборонного назначения, следует прежде всего отметить работу частных радиотехнических предприятий АО Русских электротехнических заводов "Сименс и Гальске", Русского общества беспроволочных телеграфов и телефонов, АО электромеханических сооружений (ДЕКА) по производству и строительству радиоустановок различного назначения. Используя свои производственные мощности, эти предприятия являлись основными поставщиками стационарных и подвижных (полевых, кавалерийских, авиационных) радиостанций для Военного ведомства, а также отдельных радиоустановок (для подводных лодок, самолетов) и различных радиотехнических компонентов для Морского министерства.

РОЛЬ ВОЕННОЙ РАДИОСВЯЗИ В БОЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АРМИИ И ФЛОТА

Диалектическая взаимообусловленность эффективности управления и качества связи

Законы военной науки гласят, что ход и исход войны зависят от соотношения экономических, морально-политических, научно-технических и собственно военных потенциалов воюющих сторон.[5] Однако реальное соотношение сил в ходе боевых действий определяется не столько потенциальными, сколько реализуемыми боевыми возможностями противостоящих группировок, а степень реализации боевых возможностей находится в непосредственной зависимости от эффективности управления войсками (силами).[6] Говоря о роли боевого управления войсками и силами, И. М. Лудри полагал, что[7]

> "Вопросы боевого управления должны занимать в системе боевой подготовки, наряду с огневой подготовкой, решающее место. Самые мощные средства на театре, если они не сведены в стройную боевую организацию и не поддаются твердому руководству, представляют из себя ограниченную силу. История богата примерами, когда в результате плохого управления более сильная сторона в бою или операции терпела поражение и не сумела использовать всей мощи своего оружия".

Далее, отмечая диалектику связи и боевого управления силами флота, автор пишет:

> "Условно исходным моментом, откуда боевое управление берет начало, является принятие командование решения, и кончается оно исполнением его на корабле. Отсюда видно, что основными элементами боевого управления являются: а) работа командных инстанций (командующий, флагман, командир корабля); б) работа штабов всех ступеней и в) все виды наблюдения и связи.
>
> Средства внешней связи корабля являются основной базой боевого управления не только корабля, но и высших командных инстанций. <…>Успешное боевое управление на 90% зависит от безотказного действия средств связи, от высокой подготовки личного состава, который их обслуживает и, наконец, от правильной организации связи".

Изучение и анализ истории войн и военных конфликтов свидетельствуют, что за счет совершенствования средств и способов управления степень превосходства над противником может достигать 25% при равенстве противостоящих сил и позволяет

---

[1] Мировая война в цифрах. М.-Л.6 1934, с. 75.

[2] *Козлов Н.* Очерк снабжения русской армии военно-техническим имуществом в мировую войну. Ч. 1. От начала войны до половины 1916 года. М., 1926, с. 151–152.

[3] См.: *Маниковский А. А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну. Изд. 3-е. М., 1937.

[4] *Шацилло К. Ф.* Государство и монополии в военной промышленности России. Конец XIX в. – 1914 г. М., 1992, с. 24, 253–254.

[5] См.: *Гулин В. П., Кондырев И. Я., Родин А. И.* Философско-социологические проблемы войны и мира. Л., 1976, с. 123–143.

[6] См.: Автоматизация управления и связь в ВМФ / Под общ. ред. Ю. М. Кононова. СПб., 1998, с. 30.

[7] *Лудри И. М.* Вопросв боевого управления // Морской сборник. 1933, №7, с. 3–8.

поддерживать паритет сторон даже при меньшем боевом потенциале войск (до уровня 0,9) по отношению к противнику.[1] При этом оперативность управления войсками и силами, успех операции, своевременность и эффективность применения боевых средств и оружия во многом определяется состоянием и правильным функционированием важнейшей его составной части – системы связи.

По оценке специалистов, успешное боевое управление на 90% зависит от безотказного действия средств связи, от высокой специальной подготовки обслуживающего их личного состава и от правильной организации связи.[2] В свою очередь, появление принципиально новых средств связи, которым в начале XX века явилось радио, привело к созданию качественно новой материальной базы, послужившей основанием для совершенствования не только способов организации связи и приемов ее боевого использования, но также системы управления, форм и способов руководства войсками и силами, методов работы штабов. Эта диалектическая взаимообусловленность уровня развития средств связи и состояния управления войсками и силами наглядно подтверждается историческим опытом.[3]

Анализ боевой подготовки в оборонных ведомствах России в годы, предшествовавшие Русско-японской войне, не дает оснований говорить о широкомасштабном использовании радиосвязи в ходе боевой подготовки армии и флота. Объясняется это рядом причин объективного и субъективного характера.

Во-первых, несмотря на признание преимуществ нового рода связи для управления войсками и силами, значительная часть командного состава армии и флота оставалась приверженцем уже опробованных практикой прежних лет средств и способов связи – проволочный телеграф, телефон, гелиограф, сигнализация флагами, летучая почта, голубиная почта и посылка ординарцев в армии и сигнализация флагами, флажный семафор, прожекторы, катера и быстроходные корабли на флоте. Об отношении ко всему новому в вопросах связи в армии можно судить по мнению генерала М. И. Драгомирова:[4]

> "В бою только то менее подвергается случайностям, что первобытно просто и с этой точки зрения я, по крайней мере, признаю, что главным орудием как для донесений, так и для передачи приказаний были и всегда окажутся живые люди, т. е. ординарцы. Все же остальные средства, как телефон, телеграф оптический и электрический, суть средства только вспомогательные".

Подобные взгляды не только не способствовали повсеместному внедрению радио в штабах и частях и, как следствие, повышению эффективности управления войсками, но и тормозили прогресс в развитии военного и военно-морского искусства.

Во-вторых, для обслуживания и использования радиостанций требовался подготовленный личный состав. Если в Минном офицерском классе и Учебно-минном отряде Балтийского флота с 1900 года специальная подготовка радиотелеграфистов включала, наряду с теоретической, и практическую, то в Военной электротехнической школе, из-за неимения в Инженерном ведомстве собственных радиостанций, радиотелеграфисты получали лишь теоретическую подготовку и совершенно не имели практических навыков в работе на радиостанциях.[5]

В-третьих, техническое несовершенство первых радиостанций, поступивших на флот и приобретенных Инженерным ведомством для проведения опытов в армии, при недостаточной специальной подготовке радиотелеграфистов, не продемонстрировали командному составу тех преимуществ при управлении войсками и силами,

---

[1] *Дюдин Е. С., Ильин Н. И., Морозов И. Д., Стрелов А. Б.* Флагману – надежную связь. СПб., 1995, с. 162.

[2] См.: *Лудри И. М.* Вопросы боевого управления // Морской сборник. 1933, №7, с. 5.

[3] См.: История военной связи Российской армии. / Под общ. ред. Е. А. Карпова. Т. 1. СПб., 1999, с. 3.

[4] *Драгомиров М.* О пустопорожних усовершенствованиях, грозящих водвориться в образовании войск благодаря последней войне // Разведчик. 1905, № 779, с. 734–736.

[5] Архив ВИМАИВиВС Ф. 10Р. Оп. 1. Д. 74. Л. 21, 63.

которых можно было достичь при грамотном использовании для этих целей нового средства связи. Небольшие дальности связи, низкая оперативность радиообмена, взаимные помехи работающих радиостанций вызвали у командиров и командующих недоверие к радиосвязи, что явилось причиной ограниченного ее применения в ходе отработки задач боевой подготовки в мирное время.

В-четвертых, в силу весьма ограниченного круга компетентных специалистов в области радио среди армейских связистов, сторонников и энтузиастов скорейшего его внедрения в практику деятельности командиров и штабов, ряд резолюций военного министра, предписывающих Инженерному ведомству изучить вопрос об использовании нового средства связи для управления войсками, должного исполнения не получили. В результате русская армия подошла к войне с Японией, не имея на вооружении средств радиосвязи.

В-пятых, имевшая место низкая управленческая культура отдельных командующих (командующий 2-й Тихоокеанской эскадрой адмирал З. П. Рожественский), штабов (штаб командующего 2-й армией А. В. Самсонова) и командиров различного уровня в планировании и боевом использовании связи в операциях. Следствием этого явился отказ от комплексного использования для управления войсками и силами различных родов и видов связи, игнорирование требований скрытого управления войсками и силами, вылившееся впоследствии в "радиобоязнь", отсутствие краткости и лаконичности в составлении телеграмм и др. В итоге многие просчеты в управлении приписывались связи, что еще больше осложняло процесс управления.

Таким образом, в силу отмеченных причин, в 1900–1904 годах в ходе боевой подготовки в армии и на флоте радио нашло лишь ограниченное применение на корабельных соединениях, продемонстрировав в отдельных случаях его потенциальные возможности по совершенствованию управления силами,[1] чего нельзя сказать об армии, где радиосвязь в эти годы не вышла за рамки первоначальных опытов.[2]

РАДИОСВЯЗЬ В РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ

Боевое применение радиосвязи в Русско-японской войне характеризуется большей масштабностью на флоте и ограниченностью в войсках. При этом радиосвязь на 1-й Тихоокеанской эскадре имела ряд особенностей, вызванных сложившейся на театре стратегической обстановкой.

Радиосвязь флота при обороне портов и баз Тихого океана

Слабость инженерного оборудования как крепости и порта, так и всего побережья Квантунского полуострова, ограниченность действий кораблей эскадры в первые надели войны, низкая организация взаимодействия крепости с кораблями явились одной из причин безнаказанности действий сил японского флота в районе Порт-Артура.[3] В условиях повсеместного применения японцами радиосвязи для управления своими кораблями вновь назначенным командующим флотом вице-адмиралом С. О. Макаровым было принято решение использовать береговые и корабельные радиосредства эскадры для обнаружения приближающихся к базе сил про-

[1] Примером преимуществ радиосвязи перед другими телекоммуникационными средствами начала XX в. может служить успешная работа первой в мире радиолинии "Гогланд–Котка", устроенная в 1900 году с целью обеспечения управления аварийно-спасательными работами по снятию с камней броненосца береговой обороны "Генерал-адмирал Апраксин" (РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 2117).

[2] См., например, Опыты телеграфирования без проводов в 148 пехотном Каспийском полку // Разведчик. 1900, № 520, с. 886. Опыты телеграфирования без проводов в 148 пехотном Каспийском полку // Военный сборник. 1900, № 1, с. 105–114 и № 2, с. 122–136.*Сокольцов Д. М.* Опыты по телеграфированию без проводов в Военной электротехнической школе. – В кн. Труды третьего Всероссийского электротехнического съезда 1903–1904 гг. в С.–Петербурге. Т. IV. СПб., 1904, с. 263–272. *Юхницкий Ф. Я.* О телеграфировании без проводов // Инженерный журнал. 1901, № 2. Отд. неофиц., с. 253–280.

[3] См., например: *Степанов А.* Порт-Артур. Т. 1. М., 1985.

тивника. Кроме того, рассматривая излучение радиопередатчиков как один из демаскирующих признаков корабля (объекта), Макаров вводит ограничение на использование радиосвязи на кораблях русской эскадры. Таким образом, в результате анализа физических свойств радиосвязи, С. О. Макаров расширяет сферу ее применения, включив средства радиосвязи в состав системы освещения обстановки на театре.[1]

Путем анализа перехваченных японских радиограмм возможно было установить не только факт наличия кораблей противника в районе базы, но и состав группировки и характер решаемых ею задач. Так как при радиообмене японцы применяли телеграфную азбуку, отличную от принятой в большинстве стран мира азбуки Морзе, командованием Тихоокеанского флота для обработки материалов радиоперехвата были привлечены в качестве переводчиков студенты Восточного института в г. Владивостоке Е. Лебедев и А. Занковский.[2]

Как свидетельствуют документы, использование радиосвязи по новому назначению сыграло важную роль в отдельных боевых эпизодах Русско-японской войны. Так, во время крейсерства кораблей Владивостокского отряда под командованием контр-адмирала К. П. Иессена (10–15 апреля 1904 года), благодаря введенному режиму радиомолчания и проведенному радиоперехвату, удалось обеспечить скрытность выхода отряда на коммуникации противника, избежать при этом столкновения с его превосходящей группировкой и уничтожить три японских судна.[3] Кроме того, благодаря радиоперехвату японских радиограмм и их анализу, русскому командованию удалось свести на нет усилия противника по проведению очередной заградительной операции на внешнем рейде Порт-Артура во второй половине апреля 1904 года.[4]

К началу боевых действий на Дальнем Востоке было известно еще одно физическое свойство радиосвязи – подверженность ее воздействию непреднамеренных (грозовые разряды) и искусственных (создаваемых работой специальных радиостанций) помех. Повсеместное использование японцами радиосвязи для управления силами своего флота привело русское командование к мысли о возможном его нарушении путем создания преднамеренных помех работе японских радиостанций. Впервые в практике вооруженной борьбы это произошло 2 апреля 1904 года при попытке японцев произвести обстрел Порт-Артура корабельной артиллерией, вошедший в исторические хроники обороны крепости под названием "третьей перекидной стрельбы". Попытки японцев в данной операции организовать с помощью радиосвязи корректировку огня по фортам и внутреннему рейду Порт-Артура были сорваны радиостанциями броненосца "Победа" и Золотой горы. Выпустив в течение трех часов более 60 снарядов и не причинив существенных повреждений в крепости, японские корабли вынуждены были прекратить стрельбу.[5] Создание радиопомех с целью нарушения управления кораблями

---

[1] См.: Приказ командующего флотом Тихого океана. № 27, 7 марта 1904 г. (Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия флота. Документы. СПб., 1911, отд. 3, кн. 1, вып., 2, с. 189). *Партала* М. А. В начале эпохи радиоэлектронных войн: Исторический очерк о зарождении и начале развития радиоэлектронной борьбы. М., 2004, с. 10–19.

[2] РГА ВМФ Ф. 650. Оп. 1. Д. 617. Л. 384; Ф. 523. Оп. 1. Д. 27. Л. 65. См. также: *Красин В., Глазунов В., Партала М.* Радиоэлектронная борьба в Военно-морском флоте. М., 1996, с. 16.

[3] РГА ВМФ Ф. 524. Оп. 1. Д. 29. Л. 4. *Егорьев В. Е.* Операции Владивостокских крейсеров в русско-японскую войну 1904–1905 гг. М.-Л., 1939.

[4] См.: Описание военных действий на море в 37–38 гг. Мейдзи (в 1904–1905 гг.). Пер. с япон., т. 1. СПб., 1909, с. 142. Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия флота. Документы. СПб., 1911, отд. 3, кн. 1, вып., 2, с. 142.

[5] РГА ВМФ Ф. 650. Оп. 1. Д. 617. Л. 42. Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия флота. Документы. СПб., 1911, отд. 3, кн. 1, вып., 3, с. 4. Описание военных действий на море в 37–38 гг. Мейдзи (в 1904–1905 гг.). Пер. с япон., т. 1. СПб., 1909, с. 139. *Партала М. А.* Кто-то мешал переговорам… (из истории радиовойны на море) // Гангут. 1997, вып. 11, с. 56–67. *Партала* М. А. В начале эпохи радиоэлектронных войн: Исторический очерк о зарождении и начале развития радиоэлектронной борьбы. М., 2004, с. 12–13. *Красин В., Глазунов В., Партала М.* Радиоэлектронная борьба в Военно-морском флоте. М., 1996, с. 19–22.

японского флота предпринималось также при боевом столкновении Владивостокского отряда с японской эскадрой 18–19 июня 1904 года и при выходе 1-й Тихоокеанской эскадры из Порт-Артура 28 июля 1904 года для прорыва во Владивосток.[1]

Таким образом, в начальный период Русско-японской войны получили развитие новые информационные технологии оборонных ведомств России. Применение радиоразведки, радиоперехвата и дешифрования неприятельских радиограмм существенным образом расширили возможности штаба вице-адмирала С. О. Макарова по получению оперативных разведданных о противнике, что имело весьма важное значение при планировании и проведении операций российского флота на театре войны. С другой стороны, применение активных радиопомех работе неприятельских радиостанций значительно сужало возможности японского флота, вело к снижению эффективности управления его штабом своими силами.

Радиосвязь на 2-й Тихоокеанской эскадре

Безусловно, одной из наиболее драматичных страниц Русско-японской войны явилась Цусимская эпопея 2-й Тихоокеанской эскадры под командованием вице-адмирала З. П. Рожественского. В исторической и военно-специальной литературе весьма подробному анализу и разбору подверглись самые различные оперативно-тактические и военно-технические аспекты этой трагедии, приведшей к гибели в сражении более 20 кораблей и судов и унесшей жизни нескольких тысяч русских моряков. Вместе с тем вопросы применения и роли радиосвязи на 2-й эскадре длительное время оставались вне круга интересов историков и, за исключением отдельных работ, в которых данная проблема раскрыта фрагментарно,[2] не получили достаточного освещения в историографии Русско-японской войны.

Большинство современников Русско-японской войны и последующих ее исследователей оценивает состояние и роль радиосвязи на 2-й Тихоокеанской эскадре в целом как неудовлетворительное.[3] Действительно, титанические усилия по спешному оснащению кораблей эскадры средствами радиосвязи не дали в конечном счете ожидаемого эффекта. Такой результат оказался обусловлен целым рядом объективных и субъективных факторов.

Среди объективных причин следует в первую очередь назвать отсутствие хорошо подготовленного личного состава. За редким исключением, практически на всех кораблях радиоаппаратура была передана в заведование нижним чинам, не имевшим соответствующей подготовки по обслуживанию и применению радиостанций. Среди минных офицеров, в ведении которых находились средства радиосвязи, имелись единицы, прошедшие подготовку и имевших хотя бы минимальный опыт самостоятельной работы с аппаратурой. В итоге большинство корабельных радиоустановок в самом непродолжительном времени безграмотными действиями личного состава оказались разрегулированными до такой степени, что с трудом обеспечивали связь на расстояниях до 30–35 миль вместо положенных 100, а часть приборов приведена в неработоспособное состояние.

---

[1] Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904–1905 гг. при Морском генеральном штабе. СПб., 1915, кн. 3, с. 34.

[2] *Бренев И. В.* Начало радиотехники в России. М., 1970. Служба связи Военно-морского флота (история развития) / Под общ. ред. Г. Г. Толстолуцкого. М., 1975. *Буль А., Трибельский Д.* Развитие радиосвязи в Русском флоте в 1900–1905 гг. // Военно-исторический журнал. 1981, № 1, с. 71–74. *Стрелов А. Б.* Беспроволочный телеграф в армии и на флоте в ходе Русско-японской войны // Радиоэлектроника и связь. 1995, № 1(9), с. 29–36.

[3] Например, один из видных организаторов военно-морской радиосвязи и радиоразведки И. И. Ренгартен так определяет роль радио в Русско-японской войне: С точки зрения потребностей войны радиотелеграф не оправдал возлагавшихся на него надежд как в смысле дальности действия, так и надежности радиосвязи. Впрочем, радиотелеграф оказал большую услугу адмиралу Того перед Цусимским боем, а также при уничтожении русских кораблей, уцелевших после боя. (*Ренгартен И. И.* О радиосвязи в военном флоте // Морской сборник. 1920, №1–3, с. 6). См. также: *Семенов Вл.* Расплата. СПб., 1907, с. 249–250. *Семенов В. И.* Расплата. Трилогия. СПб., 1994, с. 720. *Кудрявцев-Скайф С.* А. С. Попов изобретатель радио. М.-Л., 1945, с. 226–227.

Кроме того, как подготовка эскадры, так и ее беспримерный поход явились по сути колоссальным опытным полигоном, на котором подвергались проверке многие организационные и технические решения в области радиосвязи, наработанные к 1904 г. Вместе с тем, и сама радиоаппаратура, установленная на кораблях эскадры, была далека от совершенства, ее схемные и конструктивные решения нуждались в длительной доработке.

Говоря о субъективных факторах, следует безусловно коснуться чрезвычайно противоречивой фигуры командующего эскадрой вице-адмирала З. П. Рожественского. По мнению современников и многих участников событий, командующий не сумел обеспечить должную подготовку эскадры к боевым действиям. Оценивая его действия в вопросах организации и боевого применения радиосвязи, следует отметить, что при надлежащей постановке дела за время перехода эскадры возможно было организовать необходимую подготовку специалистов до прибытия на театр войны, мобилизовав для решения этой задачи все имевшиеся в его распоряжении силы. Но Рожественский не справился, а точнее – даже и не пытался поставить перед собой и своим штабом такой задачи.

Вместе с тем, было бы неверным полагать, что З. П. Рожественский совсем не занимался радиосвязью или не понимал ее значения в современной войне на море. Его приказы и циркуляры, касающиеся организации радиосвязи на эскадре,[1] свидетельствуют об обратном. Однако каждый из этих документов, совершенно правильный по существу, представлял собой не более чем формальную, хотя и суровую, констатацию фактов. Серьезного, глубокого анализа причин неудовлетворительного состояния дел в области радиосвязи на эскадре, отраженного в приказах, и последующей организаторской работы штаба по их устранению так и не последовало.

При всех недостатках радиодела на эскадре, практически в течение всего перехода поддерживалась, пусть и на небольших дистанциях, радиосвязь между флагманом и командирами кораблей. В значительной мере благодаря радиосвязи состоялось соединение с эскадрой отряда Н. И. Небогатова 26 апреля 1905 года у берегов Аннама. Во время перехода флагманским минным офицером эскадры лейтенантом Е. А. Леонтьевым была разработана и объявлена по эскадре Инструкция телеграфирования без проводов между кораблями, оказавшаяся настолько удачной, что в течение длительного времени служила прототипом при разработке аналогичных документов на различных соединениях Российского флота.[2] На эскадре впервые в Российском флоте были документально оформлены рекомендации по защите от преднамеренных радиопомех противника (Циркуляр штаба № 521 от 30 декабря 1904 года), а также разработаны первые приемы радиодезинформации (Циркуляр штаба № 239 от 29 апреля 1905 года).[3]

Всесторонний анализ организации радиосвязи на 2-й Тихоокеанской эскадре свидетельствует, что в целом, при всех своих недостатках, она располагала потенциальными возможностями для управления ее силами в ходе предстоящего боевого столкновения с японским флотом. Однако, как известно, радиосвязь является лишь средством управления, инструментом в руках командующего. Отсутствие же у Рожественского хотя бы в самом общем виде разработанного и соответствующим образом оформленного решения на бой исключило, в принципе, какую-либо организаторскую работу штаба по подготовке эскадры к сражению, сковало инициативу командиров отдельных отрядов и кораблей. В полной мере негативно сказалось это и на вопросах

[1] Например, Приказ № 162 от 15 марта 1905 г. Приказ № 167 от 19 марта 1905 г., Приказ № 194 от 7 апреля 1905 г. и др. (Всего более 30 приказов и циркуляров. Сборник приказов и циркуляров по 2-й эскадре флота Тихого океана за 1904 и 1905 годы. Владивосток, 1905).

[2] РГА ВМФ Ф. 421. Оп. 4. Д. 958. Л. 32–33.

[3] Сборник приказов и циркуляров по 2-й эскадре флота Тихого океана за 1904 и 1905 годы. Владивосток, 1905, с. 312, 385, 556, 587, 615, 619.

Линейные корабли "Севастополь", "Петропавловск", "Гангут" и "Полтава",
одни из первых вооруженные радиостанциями

Радиовооружение кораблей 2-й Тихоокеанской эскадры (вариант)

Военная радиостанция во Владивостоке. 1905 год

Организация радиоподавления работы японских корабельных радиостанций радиосредствами Порт-Артура. 2 апреля 1904 года

С. О. Макаров

В. Н. Кедрин

А. Н. Эйлер

Д. М. Сокольцов с женой

Первые залпы Цусимского сражения

Вспомогательный крейсер "Урал", вооруженный мощной радиостанцией

Военный министр В. А. Сухомлинов
во дворе завода Русского общества беспроволочных телеграфов и телефонов. 1913 год

Радиостанция Военного ведомства в Выборгской крепости

Полевая радиостанция

Кавалерийская двуколочная радиостанция

Кавалерийская вьючная радиостанция системы РОБТиТ образца 1912 года

Мощная передающая радиостанция Военного ведомства под Москвой

Мощная передающая радиостанция Военного ведомства в Царском Селе

Боевой расчет полевой радиостанции. Действующая армия. Равва-Русская. 1915 год

Сеанс радиосвязи. Действующая армия. Ясло. 2 мая 1915 года

С. А. Воеводский

Н. Н. Апостоли

А. И. Непенин

М. С. Рощаковский

И. И. Ренгартен

Б. Б. Жерве

Л. П. Муравьев

И. Г. Фрейман

Знаки отличия специального звания на рукавах предметов обмундирования
для телеграфистов Морского ведомства: а) старший телеграфист, б) телеграфист

Класс подготовки радиотелеграфистов на учебном корабле "Николаев"

Расписания сменных рабочих волн для случая преднамеренных помех ("розы волн")

Береговая радиостанция Балтийского флота "Гапсаль"

Аппаратный зал радиостанции Морского ведомства "Новая Голландия"

Личный состав радиостанции Морского ведомства "Новая Голландия"

Б. В. Пяткин Н. С. Вечеслов

Радиорубка корабля Балтийского флота. Первая мировая война

Линейный корабль "Андрей Первозванный"

Подводные лодки "Барс"

Маневры Балтийского флота. 1912 год

Бой линейного корабля "Слава" с немецкими кораблями. Моонзундский пролив. 4 октября 1917 года

использования радиосвязи. Практически все указания по радиосвязи непосредственно перед сражением свелись к введению на эскадре режима радиомолчания и требованию постоянного несения приемной радиовахты в готовности получить распоряжение флагмана. Таким образом, имея в своем подчинении современные боевые корабли и оружие, для управления ими в бою Рожественский избрал средства связи, больше подходящие для эпохи парусного флота.

Отношение З. П. Рожественского к значимости радиосвязи для управления силами имеет резкий контраст с постановкой этого вопроса в японском флоте. Несмотря на то, что первое сообщение об обнаружении русской эскадры было получено адмиралом Того в Мезампо только через два часа после ее обнаружения, грамотное использование радиосвязи позволило японцам своевременно сконцентрировать расчлененные силы своих отрядов для нанесения удара. Утром 14 мая 1905 года в видимости эскадры появились японские корабли-разведчики, непрерывно передававшие командующему флотом сведения об обстановке, что позволило адмиралу Того впоследствии заявить: "Я так хорошо был осведомлен о положении неприятеля…, будто я видел его сам".[1] Подобное могло быть исключено, отдай вовремя Рожественский приказ на постановку радиопомех японским радиопереговорам. Однако в ответ на запрос командира крейсера "Урал" капитана 2 ранга М. К. Истомина "пустить в ход свой мощный [радио]телеграф, дабы мешать неприятелю переговариваться", разрешение на создание радиопомех противнику командующим эскадрой дано не было.[2] По этому поводу в выводах комиссии, созданной после войны при Морском генеральном штабе, было отмечено: [3]

> "<…>…адмиралу Рожественскому надлежало, как только он был открыт японцами, сделать все возможное, чтобы нарушить радиотелеграфную связь между отрядами противника. Японцы, дабы не упустить нашей эскадры, были принуждены рассеять свои силы по большому пространству, и радиотелеграфная связь являлась существеннейшим элементом их сил. Нарушение этой связи радиостанциями нашей эскадры, шедшей соединенно и поэтому не столь нуждавшейся в радиотелеграфе, было тем преимуществом нашей эскадры, которым грех было не воспользоваться. Это было бы ударом по слабому месту противника".

И там же:

> "<…>Несколько мощных, умело примененных радиотелеграфных станций на русской эскадре, нарушив связь между [японскими] отрядами, сделали бы большее дело, чем десятки пушек".

Последний вывод, ставящий средства радиосвязи на один уровень с боевыми средствами флота, наглядно свидетельствует о их роли в вооруженном столкновении на море.

Уроки Русско-японской войны

Одним из весьма важных уроков Русско-японской войны, сделанных русским военным командованием, стало признание важности управления силами, как одной из наиболее важных и, в то же время, наиболее трудных проблем, и существенной роли в процессе управления средств связи.[4] При этом, во избежание сковывания инициативы командиров и нижестоящих штабов, совершенствование средств и способов связи не должно было повлечь желание вышестоящих штабов "управлять всем издали", а призвано служить главным образом "для ориентирования начальников в обстановке – больше для передачи донесений, нежели приказаний".[5]

---

[1] *Новиков-Прибой А. С.* Цусима. Т. 2. М., 1986, с. 12, 496, 497.

[2] Сборник донесений о Цусимском бое. СПб., 1907, с. 48. *Семенов В. И.* Бой при Цусиме. СПб., 1906, с. 55.

[3] Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904–1905 гг. при Морском генеральном штабе. Пг., 1917, кн. 7, с. 83. *Партала* М. А. В начале эпохи радиоэлектронных войн: Исторический очерк о зарождении и начале развития радиоэлектронной борьбы. М., 2004, с. 10–19.

[4] См.: Сводка тактических указаний, данных начальниками в войну 1904–1905 гг. Харбин, 1905, с. 1.

[5] См.: Сводка тактических указаний, данных начальниками в войну 1904–1905 гг. Харбин, 1905, с. 2.

За годы войны в армии и на флоте получили развитие основы организации и боевого использования радиосвязи, станционно-эксплуатационной службы, новых областей применения средств радиосвязи. Накопленный определенный опыт позволил выявить основные недоработки в использовании радио для управления войсками и силами ("громоздкость материальной части, медленность передачи, возможность перехватывания депеш противником, возможность для противника перебивать работу станций с помощью более сильных разрядов, невозможность регулировать срочную передачу из-за взаимного мешания радиостанций".[1]

Эволюция взглядов на роль управления и связи в межвоенный период

После Русско-японской войны, особенно с 1909 года, проблемы управления войсками с помощью технических средств связи нашли свое отражение в учебных планах Академии Генерального штаба, значительно больше внимания новым методам управления войсками отводилось в опубликованных трудах[2] и наставлениях по военному делу, были пересмотрены существовавшие положения об управлении войсками, уставы и инструкции.[3] Так, например, принятый в 1912 году Устав полевой службы требовал при пользовании радиосвязью для обмена сообщениями проверять, кто передал распоряжение или донесение, и применять для этого вида связи условные знаки или слова, т. е. шифровать радиопереговоры. Устав требовал, чтобы в штабах назначался заведующий связью (§27): "Общие распоряжения для поддержания связи в частях и отрядах, имеющих штабы, возлагаются на начальников штабов. Непосредственно заведует связью особо назначенный офицер". В частях, не имевших штабов, поддержание связи возлагалось на командира.

Ряд указаний по организации и поддержанию связи в войсках содержало новое Наставление для действий пехоты в бою. Все эти требования и предложения находили реализацию в ходе повседневной радиосвязи и на учениях и маневрах в войсках, а оценивала их война. В межвоенные годы у наиболее грамотной части офицерского состава начало складываться правильное отношение к роли связи в процессе управления войсками:[4]

> «Телеграф ускоряет ориентирование верха армии, способствует управлению ею и объединяет действия всех составных частей армии. Он допускает и выполнение известного стратегического правила – "врозь двигаться и вместе драться"».

РАДИОСВЯЗЬ ОБОРОННОГО НАЗНАЧЕНИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Первая мировая война, развернувшаяся на значительной территории Европы, явилась проверкой состояния военной связи в армиях и флотах всех воюющих государств, в том числе и вооруженных сил России.

Большая численность армий и флотов воюющих государств, протяженность фронтов, простирающаяся на тысячи километров, значительная оснащенность армий и флотов боевой техникой – все эти обстоятельства вызывали изменения в оперативных и тактических формах боевых действий, а также в методах управления войсками и силами, повысили требования к связи.

К началу Первой мировой войны Россия располагала широкой сетью радиостанций народнохозяйственного (23 радиостанции) и оборонного (около 100 полевых,

---

[1] См.: *Раевский, штабс-капитан.* Технические средства сношений и разведывания на полевых укрепленных позициях в Манчжурии. – В кн: Сборник сочинений офицеров Николаевской академии Генерального штаба. Кн. 8. СПб., 1907, с. 162.

[2] *Попов М. Н.* Служба связи в войсках на войне и на маневрах. Варшава, 1912. *Андогский А. И.* Служба связи. Киев, 1914. *Бонч-Бруевич М. Д.* Разведывание, охранение и связь. Киев, 1909.

[3] Устав полевой службы. Пг., 1915. Наставление для действий пехоты в бою. Пг., 1914.

[4] *Косиненко*. Русская телеграфная сеть, постепенное ее развитие и современное состояние с военной точки зрения. – В кн: Сборник сочинений офицеров Николаевской академии Генерального штаба. Кн. 8. СПб., 1907, с. 302.

свыше 30 легких кавалерийских и 20 базисных и крепостных радиостанций в армии, а также 49 береговых и 183 корабельных радиостанций на флоте)[1] назначения. Для связи с союзными странами в 1911 году была построена радиостанция Военного ведомства в Бобруйске и модернизирована радиостанция Морского ведомства в Севастополе.

Радиоподразделения русской армии (искровые роты) придавались штабам армий, фронтов и Ставке верховного главнокомандующего. Исковая рота состояла из двух отделений по три радиостанции в каждом, т. е. имела 6 действующих радиостанций и одну запасную. Радиостанции по прежнему монтировались на двуколках, и лишь к 1914 году некоторые искровые роты получили по одной автомобильной радиостанции.

Кроме полевых радиостанций, предназначавшихся для обеспечения радиосвязи штабов фронтов со штабами армий и последних со штабами корпусов, имелись еще кавалерийские радиостанции с дальностью действия до 60 км, которые придавались кавалерийским дивизиям и отдельным кавалерийским бригадам.

18 июля 1914 года в связи с начавшейся мобилизацией русской армии стали формироваться управления армий, фронтов и Ставки верховного главнокомандующего. В предстоящей войне действия русской армии намечались в двух направлениях: северо-западном – против Германии и юго-западном – против Австро-Венгрии. В соответствии с этим против Германии развертывался Северо-Западный фронт в составе двух армий, а против Австро-Венгрии – Юго-Западный фронт в составе пяти армий.

На Северо-Западном фронте против Германии развернулись 1-я (командующий генерал П. К. Ренненкампф) и 2-я (командующий генерал А. В. Самсонов) русские армии. Всего на фронте было сосредоточено 17 пехотных и 8 кавалерийских дивизий при 1104 орудиях, в составе армий насчитывалось 250 тыс. человек. Юго-Западный фронт в своем составе имел 3, 4, 5, 8, 9-ю армии и Днестровский отряд.

Использование радиосвязи в русской армии и на флоте и ее роль в управлении войсками и силами имеет свои особенности в маневренный и позиционный период Первой мировой войны.

Военная радиосвязь в маневренный период войны

Одной из важнейших операций русской армии в маневренный период войны явилась Восточно-Прусская операция, начавшаяся вторжением войск Северо-Западного фронта (главнокомандующий генерал Я. Г. Жилинский, начальник штаба генерал В. А. Орановский) в Восточную Пруссию. В ходе операции 1-я русская армия 4 августа разбила у Шталлупёнена части 1-го германского корпуса, а 7 августа в Гумбиннен-Гольдапском сражении нанесла поражение основным силам 8-й германской армии. 7 августа 2-я русская армия вторглась в Восточную Пруссию, нанося удар во фланги и тыл 8-й германской армии. Командующий 8-й армией решил начать отвод войск из Восточной Пруссии за Вислу, но германское верховное командование, недовольное таким решением, 10 августа сменило руководство армией, назначив ее командующим генерала П. Гинденбурга, а начальником штаба генерала Э. Людендорфа. Наступление русских войск в Восточной Пруссии вынудило германское командование снять 2 корпуса и одну кавалерийскую дивизию с Западного фронта и направить их 13 августа на Восточный фронт, что явилось одной из причин поражения германских войск в битве на Марне. Воспользовавшись отсутствием взаимодействия между 1-й и 2-й армиями и ошибками русского командования, противник сумел нанести тяжелое поражение 2-й, а затем 1-й русским армиям и отбросить их из Восточной Пруссии.

Существует множество оценок и мнений отечественных и зарубежных исследователей о причинах неудачных действий 1-й и 2-й русских армий в этой операции. По мнению ряда авторов, одной из основополагающих причин разгрома 2-й армии генера-

[1] РГА ВМФ Ф. 401, Оп. 3. Д. 188. Л. 110–126. История военной связи, Т. 1. М., 1983, с. 298.

ла А. В. Самсонова в Восточно-Прусской операции явилось несовершенство управления его штабом подчиненными корпусами и взаимодействия со штабом 1-й армии.[1]

В аккумулированном виде данное положение нашло отражение во введении к сборнику документов по Восточно-Прусской операции:[2]

> "Оперативное невежество русского главного командования, крайняя усталость войск, расстройство тыла и неналаженность связи – обеспечивали успех даже посредственным войскам и их начальникам. Тем более, что новый командующий германскими войсками Гинденбург и его начальник штаба Людендорф были прекрасно осведомлены о всех передвижениях 2-й армии из русских радиопередач, которые аккуратно перехватывались германским командованием".

Так как провал Восточно-Прусской операции с точки зрения управления войсками в исторической литературе не нашел достаточного освещения, представляется целесообразным обратиться к этому вопросу с учетом мнений современников. Вот, например, оценивает данную проблему В. М. Цейтлин в статье, опубликованной после Первой мировой войны.[3]

> «<…>Хотя плохая организация связи в течение первого периода войны являлась хронической болезнью и сопутствовала почти всем нашим операциям, но на [Восточно-Прусской] операции она сказалась ярче других, что и было отмечено как в отчете генерала Пантелеева по расследованию причин разгрома 2-й армии, так и в приказе по Северо-Западному фронту 1914 г, №39. Наиболее грустным является то, что несмотря на расследование причин катастрофы, они не дошли своевременно до толщи армии, оставшись в секретных пакетах, и те же ошибки повторялись в последующих операциях. Кровавый опыт и все тяжелые уроки не только этой операции, но и всей мировой войны проходили в большинстве случаев мимо неисследованными и неиспользованными.
>
> **Подготовка вероятного театра военных действий в отношении связи**. Несмотря на то, что связь играет громадное значение в операции армии, заранее о ней никто не думал, строили стратегические шоссе, железные дороги и т. д., а как связываться, успеют ли построить телеграфные линии – об этом не приходило в голову. Не говоря уже о том, что ни штабом фронта, ни штабом 2-й армии не было предпринято никаких мер по организации связи. Положение усугублялось еще тем, что район действия 2-й армии от р. Нарева до границы Восточной Пруссии был заранее лишен дорог, телеграфно-телефонных магистралей,[4] так как предполагалось, что по этому району будут наступать немцы, а не мы. Была создана "стратегическая пустыня", но в яму, которую мы рыли для немцев, попали, благодаря изменившейся обстановке, сами.
>
> По словам германского Генерального штаба ротмистра Рудольфа Шмидта, известного специалиста по связи, на восточно-германской границе почти совершенно отсутствовала телеграфная и телефонная сеть, которая могла бы стать остовом для линии связи действующей здесь армии. Сеть была построена очень примитивно, она соответствовала сельскому характеру этих провинций, но для военных целей была плохо применима.
>
> **Силы и средства связи 2-й армии**. В штабе 2-й армии находились:
>
> – одно телеграфное отделение при одном аппарате Юза и несколько Морзе с необходимым числом чинов;
>
> – одна телефонная станция с 25 индукторными телефонами и необходимым числом чинов;
>
> – одна рабочая колонна;
>
> – одна отдельная телеграфная рота.
>
> Кроме того, в распоряжении штаба 2-й армии находилась полевая радиостанция, для летучей почты наряжались ординарцы от казачьей сотни.

---

[1] См., например: *Цейтлин В. М.* Организация связи во время операции 2-й армии Самсонова в Восточной Пруссии в августе 1914 г. // Техника и снабжение Красной Армии. 1923, №19 (50), с. 3–13. *Файвуш Я.* Радиоразведка в маневренной войне // Техника и снабжение Красной Армии. 1923, №4 (35), с. 27–29. Исторический обзор организации и устройства проволочной связи во 2-й армии в войну 1914–1918 гг. // Военно-инженерный сборник. Кн. 1. Материалы по истории войны 1914–1918 гг. М., 1918, с. 197–254.

[2] Восточно-Прусская операция. Сборник документов. М., 1939, с. 17.

[3] *Цейтлин В. М.* Организация связи во время операции 2-й армии Самсонова в Восточной Пруссии в августе 1914 г. // Техника и снабжение Красной Армии. 1923, №19 (50), с. 3–13. В качестве эпиграфа к своей статье автор приводит слова В. Станкевича, в которых содержится диалектическая взаимообусловленность процессов управления и связи: "Отсутствие умения организовать связь, отсутствие правильного управления, слепая вера в голую быстроту и натиск – отдали в руки нашего противника сотни тысяч пленных и тысячи орудий".

[4] Подтверждением сказанному служит упоминавшийся уже факт уничтожения в первый же день войны радиостанций Почтово-телеграфного ведомства в Ревеле, Либаве и на острове Руно.

Вследствие совершенно неправильной организации службы связи, основанной на Положении о полевом управлении войсками 1914 г., давшем совершенно несоответствующие и нежизненные основы этой организации, объединения средств связи не было, также не было и начальника связи. Связью заведовал старший адъютант Общего отделения штаба армии, который, вполне естественно, не был в курсе, не зная технических свойств средств связи. Командир телеграфной роты к оперативной работе привлечен не был и руководство организацией связи было поручено старшему механику, безграмотному в военном деле человеку, который наделал много непоправимых ошибок.

Прямой связи со штабом 1-й армии не было, и так в течение всей операции не было, что сыграло важную роль. Связь [между штабами армий] поддерживалась через штаб фронта.

Связи по фронту между корпусами по проволоке не было совершенно. [Такое положение] осталось в течение всей операции.

Отсутствие постоянной проволочной связи как со штабом армии, так и между корпусами, сразу же сказалось на организации марша 5–7 августа по Восточной Пруссии. Телеграммы сильно запаздывали, благодаря чему приказы для движения рассылались несвоевременно и части долго томились на марше иногда до 10–12 часов дня.

Связь в течение 9 и 10 августа уже начала хромать значительно. Линии удлинились, охрана их в пределах Восточной Пруссии была поставлена неудовлетворительно, население часто рвало провода. Благодаря [многочисленным] переприемам, телеграмма в 1-й армейский корпус генералу Артамонову об уравнении движений опоздала на два дня и потеряла всякий смысл. Чтобы передать телеграмму из штаба армии (Остроленка) в штаб 1-го армейского корпуса (Млава), надо было перепринимать 4 раза (Остров, Маков, Прасным, Млава) с другими корпусами в этом роде. Сношения корпусов между собой по телеграфу стали невозможными.

Донесения от корпусов запаздывали и задерживали отдачу общих директив, так как штаб армии не знал точно, где находятся корпуса.

12 августа в 3 часа 30 минут было приготовлено штабом армии приказание №6346. Однако до 8 часов 30 минут его отправить не удалось, так как "кто-то мешал работать по телефону", почему оно было передано в сокращенном виде по радиотелеграфу. По отчету генерала Пантелеева, это приказание, как и целый ряд других, переданное в незашифрованном виде, целиком было перехвачено немцами.

Такие передачи незашифрованных радио[грамм] имели и в дальнейшем, как и в прошедшем, много места, особенно с переходом штаба армии в Найденбург 14 августа. Объяснялось это тем, что шифрование обнимало много времени, а проволока не работала. Отчет генерала Пантелеева по расследованию причин разгрома 2-й армии перечисляет целый ряд нешифрованных оперативных радиограмм, посланных штабом 2-й армии и перехваченных нашей Брест-Литовской радиостанцией. Таким образом, для германцев многое из наших действий не было секретом, Это упущение повторялось и далее в русской армии и объяснялось неорганизованностью службы Генерального штаба.

13 августа 17-й германский корпус атаковал правофланговый 6-й корпус, обе дивизии которого (4-я и 16-я) назад осадили, дав возможность противнику начать охват центра 13-го и 15-го корпусов. О начале отступления командующий 6-го корпуса донес командарму только 14 августа(телеграмма, отправленная в 2 часа 14 августа, получена в штабе армии в 13 часов того же дня), добавив, что за разрывом связи не сообщено ни во 2-й (сосед справа), ни в 13-й (сосед слева) корпуса и, таким образом, обнажив соседей, даже не уведомил их об этом.

14 августа окончательно прерывается связь 1-го армейского корпуса со штабом армии.

<…>В 7 часов 5 минут 15 августа генерал Самсонов передал последнюю телеграмму в штаб фронта, После этого связь со штабом фронта была потеряна. При полной потере связи …поражает неумение использовать свои радиостанции как штаба 6-го корпуса, так и штаба армии.

Именно 15 августа, к началу самого критического положения армии, когда противник охватывал оба фланга, штаб армии остался без связи со штабом фронта, соседней армией и корпусами.

16 августа характеризуется полной потерей связи с корпусами со стороны командующего армией и, следовательно, армии, как таковой, не стало, были лишь отдельные разрозненные и никем не управляемые части войск. Генерал Самсонов погиб в ночь с 16 на 17,[1] тщетно пытаясь с группой штабных офицеров пробиться в Янов, чтобы там организовать управление. В течение 17 августа попала в плен, после тщетных попыток пробиться, большая часть армии».

Анализ сложившейся в районе предполагаемых боевых действий 1-й и 2-й русских армий военно-стратегической обстановки свидетельствует, что от р. Нарева до границы с Восточной Пруссией в первые дни войны была создана "стратегическая пустыня" – из-за опасения наступления противника были разрушены дороги, мосты, линии связи. Не отвечала масштабам управления армией и немецкая сеть проволоч-

[1] Командующий 2-й армией генерал А. В. Самсонов выехал на самый горячий участок фронта лично руководить боем, попал в окружение и застрелился на отдаленной ферме.

ного телеграфа на восточной германской границе. Сооружаемые армейскими связистами временные линии связи разрушались местным населением. В результате сложившегося положения связь штаба 2-й армии со штабом фронта, своими корпусами и штабом соседней 1-й армии была значительно затруднена. При попытках исправить положение с применением средств радиосвязи было передано ряд приказов в незашифрованном виде.[1] Только за период с 10 по 12 августа 1914 года контрольной радиостанцией Военного ведомства в Брест-Литовске было перехвачено 15 незашифрованных радиограмм, переданных штабами корпусов штабу 2-й армии и содержавших совершенно секретные сведения. Вот, например, текст подготовленного штабом армии приказания №6346 о расположении частей и задачах, которые до 8 часов 30 минут 12 августа отправить не удалось по проводной связи, после чего оно было сокращено и в незашифрованном виде передано по радиотелеграфу.[2]

Млава. Вслед командиру 23-го корпуса.

После боя на фронте 15-го корпуса корпус противника 11 августа отошел в общем направлении Остероде. У Гильгенбург, по слухам, была Ландверная бригада. Наша 1-я армия продолжает преследование противника, отходящего на Кенигсберг Растенбург. 2-й армии приказываю наступать на фронт Алленштейн, Остероде.

12 августа корпусам главными силами занять линии: 13-му Гимендорф, Курке, 15-му Надрау, Паульсгут, 23-му Михалкен, Гр. Гардинен. Полосы наступления корпусов разграничиваются: 13-го и 15-го – линией Мушакен, Шверих, Нагляден, 15-го и 23-го – линией Найденбург, Витигвальде, озеро Шиллинг. 1-му корпусу оставаться занятом районе, обеспечивая левый фланг армии. 6-му корпусу перейти район Бишофсбург, Ротфлис, обеспечивая правый фланг армии со стороны Растенбург. 4-й кав[алерийской] дивизии, подчиненной командиру 6-го корпуса, оставаться Зенсбург, разведывая между линиями Растенбург, Бартенштейн и Зеебург, Гильсберг; 6-й и 15-й кав[алерийским] дивизиям – задача директивы №4.

Штаб армии – Остроленко. 6346. Самсонов.

Раскрывающие дислокацию сил армии, поставленные им задачи и намерения командования, эти радиограммы были перехвачены немцами и содержавшиеся в них сведения облегчили им организацию контрудара. Как писал впоследствии по этому поводу капитан германского Генерального штаба Р. Шмидт,[3]

"В августе 1914 г. на Восточном фронте случайно удалось перехватить телеграммы русских радиостанций, посланных без соответствующих мероприятий предосторожности. Принятые крепостным радиотелеграфом русские депеши дали возможность принять некоторые решения, которые привели потом к бою под Танненбургом. После этого случая началась регулярная работа по приему [русских радиограмм]".

Кроме того, несоблюдение штабами порядка боевого использования радиосвязи, требовавшего проверять, кто передал распоряжение или донесение (паролирование), позволило немцам успешно провести отдельные мероприятия по дезинформации. Так, 14 августа немцы передали в штаб 1-го армейского корпуса ложную радиограмму с приказом на отступление,[4] что привело к осложнению и без того тяжелого положения частей 2-й армии.

15 августа, в момент самого критического положения армии, когда противник охватил оба ее фланга, штаб армии остался вовсе без связи и 16 августа армии, как таковой, не стало, были лишь отдельные разрозненные и никем не управляемые части войск, большая часть которых после тщетных попыток вырваться из окружения, попала в плен.[5]

---

[1] См.: *Ронге М.* Разведка и контрразведка. Киев, 1993, с. 82, 84.

[2] Восточно-Прусская операция. Сб. документов. М., 1939, с. 271.

[3] См.: *Шмидт Р.* Служба связи в германской армии во время войны // Война и мир. 1920, №4, с. 50–51.

[4] См.: История первой мировой войны 1914–1918 гг. / Под ред. И. И. Ростунова. Т. 1. М., 1975, с. 323.

[5] Архив ВИМАИВиВС Ф. 13р. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–30. По данным немецкой стороны, потери русской армии в Восточно-Прусской операции составили: "40000 убитыми, 95000 чел. нераненными, 30000 раненными, 500 орудий. Спаслось в общей сложности около 10500 человек".

Что же делала в это время 1-я русская армия под командованием П. К. Ренненкампфа, которого после провала Восточно-Прусской операции обвиняли чуть ли не в предательстве? Как считают военные историки, если бы после сражения 7 августа под Гумбинненом, когда 1-я армия добилась успеха и немцы вынуждены были отступить, действовал более активно, исход Восточно-Прусской операции мог быть совершенно другим. Л. Радус-Зенкович, подробно, день за днем анализирующий действия 1-й армии в ходе операции,[1] приходит к выводу, что ни командующий 1-й армией, ни его штаб не виноваты в гибели 2-й армии. 1-я армия добросовестно выполняла директивы штаба фронта и не подозревала о катастрофе 2-й армии. Заканчивая свое исследование, автор заключает, что одной из главных причин неоказания помощи 2-й армии Ренненкампфом – "запоздалые распоряжения фронта, явившиеся следствием дурной связи".

Одновременно с Восточно-Прусской операцией проводилась Галицийская битва, в которой войска Юго-Западного фронта (главнокомандующий генерал Н. И. Иванов, начальник штаба генерал М. В. Алексеев) нанесли крупное поражение австро-венгерским войскам. В августе 1914 года в сражениях на реках Золотая Липа и Гнилая Липа русские армии разбили австрийцев. 21 августа войска под командованием генерала А. А. Брусилова вошли во Львов и, преследуя противника, к 13 сентября вышли к р. Вислока и предгорьям Карпат. К середине сентября грандиозная Галицийская битва закончилась. Русская армия продвинулась на 280–300 км. Австро-венгерская армия потеряла свыше 400 тыс. человек (около половины личного состава), причем 100 тыс. пленными, 400 орудий и огромное количество военного имущества. В тылу русской армии осталась осажденная крепость Перемышль со 130-тысячным гарнизоном.[2]

Достигнутые в ходе Галицийской операции успехи явились результатом прежде всего хорошей организации управления и связи. Наряду с более качественным, чем в Восточно-Прусской операции, обеспечением армий средствами проводной связи, соединения и части Юго-Западного фронта имели и более сильное радиооснащение.

Отмечая роль связи в этой операции,[3] следует отметить, что средства радиосвязи, имевшиеся на вооружении всех пяти участвующих в ней русских армий, хотя и способствовали управлению войсками, но использовались только в высших звеньях управления и лишь тогда, когда штабы армий длительное время находились на месте; при передислокации штабов радиосвязь работала с перебоями.

Успешное наступление войск Юго-Западного фронта в Галиции создало угрозу вторжения русских войск в Силезию. Германское верховное командование срочно перебросило из Восточной Пруссии в район Ченстохова и Кракова крупные силы и сформировало новую (9-ю) армию с целью нанести удар на Ивангород (Демблин) во фланг и тыл войскам Юго-Западного фронта и тем сорвать готовившееся наступление русских войск в Силезию. В период с 15 сентября по 28 октября 1914 года силами Юго-Западного фронта была проведена Варшавско-Ивангородская операция.

В отличие от Восточно-Прусской и Галицийской операций, где радиосвязь не находила широкого применения для управления войсками, в Варшавско-Ивангородской операции положение изменяется. Во-первых, радиосвязь находит применение не только между дивизиями и корпусами, но и между армиями. Во-вторых, в условиях быстро изменяющейся обстановки линии почтово-телеграфной связи и железно-

---

[1] *Радус-Зенкович Л.* Отчего 1-я русская армия Ренненкампфа в августе 1914 года на помогла 2-й русской армии Самсонова // Военно-исторический сборник. 1921, вып. 4.

[2] Успеху русской армии в Галицийской операции способствовало и то, что в распоряжении русского Генерального штаба имелся план стратегического развертывания австро-венгерской армии. Австрийский полковник Редль, передавший этот план, покончил с собой.

[3] См.: *Брусилов А. А.* Мои воспоминания. М., 1963, с. 92.

дорожного телеграфа, применяемые для управления армиями, не могли обеспечить оперативную связь между штабами, из-за чего для управления войсками широко использовалась радиосвязь, позволившая командованию управлять в этой сложной динамичной обстановке. Так, в октябре 1914 года два русских корпуса в течение 12 дней удерживали плацдарм на левом берегу Вислы у Козенице, поддерживая связь между собой и со штабами своих армий исключительно по радио. Наличие устойчивой радиосвязи позволило командованию 4-й и 5-й армий организовать боевые действия корпусов и сохранить плацдарм, имевший важное значение для последующего решительного наступления русских войск, в ходе которого были разгромлены силы противника и захвачено большое количество пленных и трофеи.

В октябре 1914 года русские армии вновь приступили к подготовке вторжения в пределы Германии. Германское командование перебросило свою 9-ю армию из района Ченстохова на север, решив нанести удар по правому флангу и в тыл наступательной группировки русских. В Лодзинской операции, начавшейся 29 октября, противнику удалось сорвать план русского командования, но его намерение окружить в районе Лодзи 2-ю и 5-ю русские армии окончилось провалом, и германские войска были вынуждены отойти с большими потерями. Одновременно русские войска Юго-Западного фронта в Ченстохово-Краковской операции нанесли поражение австро-венгерским войскам и вышли на подступы к Кракову и Ченстохову. Исчерпав свои возможности, стороны перешли к обороне.

Начиная с Лодзинской операции роль радиосвязи для управления войсками, несмотря на возросшую интенсивность ее использования, в маневренный период Первой мировой войны значительно падает, что обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, принцип шифрования, принятый в русской армии, когда часть радиограммы подвергалась шифробработке, а часть оставалась незашифрованной, значительно облегчал криптоанализ перехваченных радиограмм дешифровальными службам противника. Во-вторых, участились случаи передачи русскими штабами радиограмм в незашифрованном виде. В-третьих, имели место случаи передачи лицами германской и австрийской национальности, находившихся на службе в России, разведке противника сведений о действующих в русской армии шифрах. В итоге, как утверждает М. Ронге, начальник разведывательного бюро австрийского генерального штаба в годы войны,[1]

> "…кажется, никогда еще не было такой войны, чтобы планы противника так быстро становились известными тому, против кого они были направлены".

Одним из существенных факторов, сказавшихся на неудачах русской армии в Лодзинской операции, явилось несоблюдение мер скрытого управления войсками, что скорей явилось недостатком работы штабов, чем связистов. При широком использовании для управления войсками средств радиосвязи часто допускались случаи передачи боевых документов в назашифрованном виде, что позволило противнику при их перехвате оперативно получать развединформацию о составе группировок, дислокации и численности русских частей, намерениях командования и т. п. Располагая столь ценной информацией, германское командование могло более эффективно планировать свои действия, вовремя корректировать планы операций, что существенно сказывалось на результативности боевых столкновений. В итоге, командованию Северо-Западного фронта, несмотря на решительный характер действий войск, вследствие низкой организации управления, неудовлетворительной связи войск по фронту и перерывов в работе связи с подчиненными штабами не удалось осуществить полного окружения и уничтожения ударной группировки противника.

---

[1] *Ронге М.* Разведка и контрразведка. Киев, 1993, с. 86. См. также: *Роуан Р.* Разведка и контрразведка. М., 1937, с. 27. *Джексон Т. М.* Американская разведка во время мировой войны. М., 1938.

В качестве положительного примера, подчеркивающего значение радио при грамотных действиях штабов в управлении войсками в ходе Лодзинской операции, следует привести выход из окружения под Лодзью группировки русских войск 1-го Сибирского корпуса. Попав в окружение, штаб группировки установил устойчивую радиосвязь с 5-й армией, что обеспечило возможность согласовать совместные активные действия, результатом чего стал разгром 9-й армии противника на данном участке фронта.[1]

Осенью 1914 года начались военные действия на Ближневосточном театре. После того, как 16 октября без объявления войны корабли турецкого флота произвели обстрел Одессы, Севастополя, Феодосии и Новороссийска, 20 октября Россия, а вслед за ней Англия (5 ноября) и Франция (6 ноября) объявили Турции войну. 12 ноября Турция провозгласила "священную войну" против держав Антанты. После столкновений русской и турецкой армий на эрзурумском направлении, 9 декабря 3-я турецкая армия перешла в наступление, но в ходе Сарыкамышинской операции (9–25 декабря 1914 года) была разгромлена.

Особенно важную роль в обеспечении боевых действий русских войск во время Сарыкамышинской операции сыграло радио. Для обеспечения управления соединениями, действующими от Батума до Товизна было задействовано около 30 радиостанций. Сведенные в несколько радиолиний, оконечные станции которых размещались в штабе фронта, штабах армий и дивизий (отрядов), радиостанции фронта обеспечили в условиях трудной гористой местности связь любого соединения с любым участком фронта, передачу приказов, донесений и обеспечение переговоров, что явилось важным фактором обеспечения устойчивого управления войсками в операции, завершившейся полным разгромом 3-й турецкой армии.[2]

Опыт ведения боевых действий в маневренный период войны все больше свидетельствовал, что в подготовке и проведении операций и особенно в тяжелых условиях ведения боевых действий радио становилось важным, подчас единственным, средством управления. С учетом полученного опыта и особенностей ведения боевых действий в позиционный период войны в 1915–1917 годах происходят количественные и качественные изменения системы военной радиосвязи. Основные усилия командования были сосредоточены на решении двух первоочередных задач – усилением радиовооруженности штабов и частей армии и совершенствованием организационной стороны Службы военной связи. Так, если во 2-й армии при проведении Восточно-Прусской операции использовалось лишь 8 радиостанций, то в Сарыкамышинской операции их количество было доведено до 30. Частые повреждения линий проводной связи на передовой линии боевого соприкосновения, явившихся следствием частых и продолжительных артиллерийских обстрелов позиций, потребовали использования средств связи, обладавших большей живучестью, а именно радиостанций. В связи с этим в 1916 году Инженерное ведомство организует производство и закупку за рубежом 900 радиостанций различного назначения (полевых, кавалерийских, пеленгаторных, авиационных, автомобильных) на сумму 13 млн руб.[3]

Частичная централизация радиодела в Военном ведомстве

Количественный рост радиоустановок в армии, многообразие их конструкций и сложность эксплуатации требовали совершенствования организационной стороны радиодела: централизации руководства, разработки новых инструкций и руководств, подготовки кадров и т. п. С этой целью в 1915 – начале 1916 годов в русской армии был проведен ряд мероприятий по совершенствованию централизации руководства радиосвязью в армии и изменению его организации.[4]

---

[1] См.: История военной связи. М., 1983, с. 327. *Файвуш Я.* Радиоразведка в маневренной войне // Техника и снабжение Красной Армии. 1923, №4(35), с. 27.

[2] См.: История военной связи. М., 1983, с. 328–329.

[3] РГВИА Ф. 2003. Оп. 3. Д. 341. Л. 48; Ф. 2010. Оп. 1. Д. 397. Л. 12.

[4] Архив ВИМАИВиВС Ф. 10р. Оп. 1. Д. 89. Л. 1–66; Д. 110. Л. 142–168; Д. 113. Л. 1–98. См. также: *Но-*

Применяя радиосвязь для управления войсками в ходе кампании 1914 года, штабы русской армии в инициативном порядке изучали опыт ее боевого использования и стремились к его совершенствованию. Отдельные количественные изменения в системе радиосвязи Военного ведомства со временем привели к ее качественным преобразованиям.

Так, приказом Верховного главнокомандующего №45 от 20 января 1915 года были назначены заведующие радиотелеграфом фронта. Вместо искровых рот были сформированы радиотелеграфные дивизионы. Командиры радиотелеграфных дивизионов являлись заведующими (по совместительству) радиотелеграфом армии, заведующими радиотелеграфом в корпусах – начальники радиотелеграфных отделений.[1] Все эти и ряд других изменений впоследствии нашли официальное закрепление в Положении о радиотелеграфе в действующей армии.[2]

В соответствии с Положением вместо расформированных искровых рот в армиях создавались дивизионы. Радиостанции были распределены по штабам армий, корпусов и кавалерийских дивизий, Каждый штаб получил свои постоянные радиостанции с постоянным обслуживающим персоналом. В связи с этим в штабах и соединениях также были учреждены радиоподразделения. Так, в каждом корпусе создавалось радиотелеграфное отделение в составе трех радиостанций (полевая, легкая, авиационная); в кавалерийской (казачьей) дивизии – конное радиотелеграфное отделение (одна полевая радиостанция и одна легкая); в каждом штабе армии – армейское радиотелеграфное отделение (одна полевая радиостанция, одна приемная и одна авиационная).

Получила также некоторые развитие и централизация управления военной радиосвязью. Командир радиотелеграфного дивизиона имел свое управление, и ему, как лицу, ведающему армейской радиосвязью, подчинялись все радиоподразделения, входящие в состав армии. Как заведующий радиотелеграфом армии он осуществлял полное руководство работой радиосвязи. Таким образом, в результате предпринятых военным руководством мер было достигнуто единство управления радиосвязью.

Происшедшие изменения в структуре радиоподразделений и определенные шаги по централизации радиоделом в армии положительно сказались на результативности радиосвязи при управлении войсками. Радиосвязь приняла более стройную систему и применялась от Ставки Верховного главнокомандующего до кавалерийской (казачьей) дивизии включительно. При этом радиосвязь штаба фронта со Ставкой и соседними фронтами, а также в звеньях фронт – армия, армия – корпус и корпус – кавалерийская (казачья) дивизия осуществлялась по направлениям (на волнах передатчиков). Увеличение количества средств радиосвязи позволило выделить часть радиостанций для несения контрольно-информационной службы.[3]

В годы войны происходят также некоторые изменения в централизации управления радиоделом и в центральных учреждениях. Так, для объединения усилий оборонных ведомств по постройке стационарных радиоустановок 25 января 1915 года при Главном военно-техническом управлении учреждается Комитет по устройству постоянных радиостанций во главе с генерал-майором Л. Свенторжецким.[4]

виков М. Краткий исторический очерк развития войск связи и управления ими // Техника и снабжение Красной Армии. 1923, №46–47 (77–78), с. 18–22.

[1] Приказ Верховного главнокомандующего №236 от 1 апреля 1915 г.

[2] Приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего №126 от 1 февраля 1916 г.

[3] См.: История военной связи. Т. 1. М., 1983, с. 330–331.

[4] РГВИА Ф. 811. Оп. 1. Д. 2. Л. 1, 6, 7–9, 132–136. Архив ЦМС Ф. Бренев. Оп. 3. д. 928. Л. 30.РГА ВМФ Ф. 418. Оп. 1. Д. 1400. Л. 5–7. Следует отметить, что в данном документе, одном из первых, вводится новая терминология: "радиотехника", "радиостанция", "радиограмма", "радиотелеграфист".

Высочайше утверждено 25 января 1915 г

Положение
о Комитете при Главном военно-техническом управлении
по устройству постоянных радиостанций

§1. Комитет состоит из председателя и членов: заведующего электротехнической частью, полномочных представителей сухопутного и морского генеральных штабов по назначению начальников сих штабов, и пяти офицеров Инженерных войск или корпуса военных инженеров. Кроме того, в состав Комитета входит с правом голоса представитель Государственного контроля. Председатель Комитета избирается начальником Главного военно-технического управления и назначается по представлению военного министра высочайшим приказом. Члены Комитета избираются председателем Комитета из чинов инженерного корпуса, выделившихся своими познаниями в радиотехнике.

§1'. При Комитете состоят Отдел службы радиосвязи с центральной при ем телеграфной станцией и канцелярией.

§3. На Комитет возлагается: а) рассмотрение проектов и смет как вновь вводимых, так и проектируемых радиостанций; б) распоряжение всеми работами по постройке и переустройству постоянных радиостанций; в) организация службы связи группы постоянных радиостанций международных сношений; г) организация радиотелеграфной связи между постоянными радиостанциями внутренних сношений; д) организация технической службы на станциях, рассмотрение различного рода инструкций и штатов станций; е) разработка и составление шифров и кодов для постоянных радиостанций; ж) рассмотрение вопросов по радиотехнике и вообще по электротехнике, вносимых в Комитет по приказанию начальника Главного военно-технического управления; з) рассмотрение вопросов по радиотелеграфу, возбуждаемых начальником Морского генерального штаба.

Отдел службы радиосвязи

§9. Отдел состоит из начальника (один из членов Комитета), трех офицеров – специалистов по радиотехнике и трех радиотелеграфистов.

§10. Отдел приводит в исполнение руководящие данные Комитета по совместной работе и службе связи: а) группы мощных радиостанций международных сношений: Петроград-Лопухинская, Москва, Тверь, Царское Село и Николаев с мощными радиостанциями иностранных государств и б) при связи постоянных радиостанций между собой.

§11. При Отделе состоит центральная телеграфная станция, связанная собственными проводами со всеми мощными радиостанциями группы станций международных сношений.

§12. Отдел распределяет между станциями группы мощных радиостанций международных сношений все радиограммы, поступающие в Отдел от Главного управления Генерального штаба и прочих учреждений.

§13. Отдел подготавливает и разрабатывает для Комитета инструкции для работы постоянных радиостанций, составляет списки позывных сигналов, разрабатывает коды и шифры.

§14. Отдел сносится, по указанию Комитета, по вопросам, касающихся группы мощных радиостанций международных сношений, со станциями иностранных государств.

§15. На Отдел может возложено Комитетом производство опытов на постоянных радиостанциях для выяснения их технического состояния.

§16. Начальнику Отдела службы связи непосредственно подчинен в техническом отношении работы станций личный состав группы мощных радиостанций международных сношений.

Председатель Комитета военный инженер генерал-майор Свенторжецкий
Делопроизводитель Комитета военный инженер подполковник А. Водар

Военная радиосвязь в маневренный период войны

Для маневренного периода мировой войны характерно и применение радиосвязи в комплексе мер по дезинформации противника. Так, например, при подготовке наступательной операции армий Западного и Юго-Западного фронтов, весной 1916 г. с применением радиодезинформации русскому командованию удалось скрыть сосредоточение группировки своих сил в районе озера Нарочь и убедить немцев в мнимом сосредоточении войск в районе Барановичей. И лишь из-за несогласованности отельных мероприятий оперативной маскировки русского штаба радиодезинформация дала положительный результат только в первоначальный период подготовки наступательной операции.[1]

Создание Службы связи Белого моря

Важной вехой в развитии системы радиосвязи оборонного назначения в годы войны явилось создание Службы связи Белого моря. Переход боевых действий на фронтах к позиционной форме, истощение военно-экономических ресурсов воюющих коалиций и

[1] См.: История военной связи Российской армии. Т. 1. СПб., 1999, с. 361–362.

необходимость их пополнения за счет морских перевозок привели к активизации морских сил противоборствующих сторон на коммуникациях противника. В связи с осложнением стратегических поставок из Англии и Франции по традиционным морским коммуникациям Балтийского и Черного морей, связь России с союзными странами оказалась возможной лишь через северные и дальневосточные порты. Из указанных двух направлений более предпочтительным являлось северное. В связи с этим первоначально для приема заграничных поставок был избран Архангельский порт. Однако использование северного морского театра в планах войны Морского и Военного министерств не предусматривалось, из-за чего к началу войны он оказался не подготовленным не только к военным действиям, но и для обеспечения безопасности союзнических конвоев.[1]

Пытаясь сорвать межсоюзнические морские перевозки из Англии в Архангельск, в начале навигации 1915 года немцы произвели постановку активных минных заграждений в горле Белого моря – самом уязвимом месте межсоюзнической коммуникации. Подрыв на минах ряда транспортов вынудил правительство России принять решительные меры по обороне северного побережья и защиты жизненно важного морского пути, причем одной из первостепенных, подлежащих проведению в жизнь, задач для "обеспечения правильного и беспрепятственного судоходства" в Белом море признавалось незамедлительным устройство на беломорском и мурманском побережье сети радиостанций.[2]

Сложившееся положение на Северном морском театре к началу войны, его стратегическое значение и первые шаги по организации морских сил на театре, в том числе и Службы связи Белого моря, так описывает Н. В. Кротков.[3]

> "С самого начала войны нашему северному побережью с единственным находившемся на нем торговым портом Архангельском суждено было очутиться в роли артерии, через которую шло питание армий восточных фронтов.
>
> В плане войны определенного оперативного задания Северному театру не имелось по той причине, что при начале войны видимо даже не предусматривалась возможность наличия такого театра и только дальнейшие разворачивающиеся события постепенно обрисовали яркость стратегического значения, которое стал приобретать Северный театр а ход военных событий.
>
> Те задания, которые впоследствии начали предъявляться к Северному театру и то огромное влияние, которое он по своим грузовым операциям оказывал на ход войны, вызвали там необычайный рост строительства, появление на нем военно-морских сил и развития их действия, увеличивающихся из года в год.
>
> Запутанность отношений между торговым портом, таможней, путейским ведомством, заграничными экспортерам, представителями наших ведомств, являвшихся в Архангельске в качестве толкачей и, наконец, сбивчивыми и противоречивыми распоряжениями центра – требовали твердой и сильной власти на месте.
>
> Чтобы разрешить все недоразумения на месте, в июне 1915 г. вводится Положение о временном военном управлении Архангельским портом и прилегающими путями сообщения и, вместе с тем, учреждается должность главначальствующего г. Архангельска и водного района Белого моря.[4] В круг деятельности главнача входит основной задачей обеспечение [организации] морских перевозок как в отношении портовых перегрузочных операций, так и в отношении безопасности коммуникационных морских путей.
>
> Несмотря на волнующие слухи и опасливые ожидания, непосредственного нападения германских крейсеров на наши [северные] берега не последовало. Однако действия неприятеля неожиданно проявились в другом направлении. 29 мая 1915 г. подорвался на мине в горле Белого моря пароход "Арндаль", шедший в Архангельск [из Англии] с углем для Балтийского флота. Вслед за тем та же участь постигла еще несколько пароходов. Наличие постоянного минного заграждения не вызывало сомнений, поэтому потребовалось организовать партию траления. Из взятых по судовой повинности местных траулеров была образована ячейка будущей партии траления и уже 4

[1] РГА ВМФ Ф. Р-1529. Оп. 2. Д. 9. Л. 3–8.

[2] Особый журнал Совета министров. 8 мая 1915 г. (РГА ВМФ Ф. 418. Оп. 1. Д. 426. Л. 18–19).

[3] *Кротков Н. В.* Комментарии по теме: Операции по обеспечению морских перевозок в северных водах по опыту мировой войны (РГА ВМФ Ф. Р-1529. Оп. 2. Д. 17. Л. 25–33).

[4] РГА ВМФ Ф. 1135. Оп. 1. Д. 9. Л. 3–6.

июня первые русские тральщики вышли в море, а 25 июня 1915 г. пришла из Англии и приступила к энергичным [тральным] работам английская партия из восьми специальных тральщиков. К 18 октября она вытралила 174 мины, после чего занялась проводкой караванов, ведя их за тралами.

Благодаря общим усилиям русских и англичан число подорвавшихся в 1915 г. пароходов было невелико (12), а прошло в Архангельск 606 паровых судов общим водоизмещением 872179 т и 12 парусных водоизмещением 7113 т; ушло из Архангельска 555 паровых судов водоизмещением 776672 т и 11 парусных общим тоннажем 6986 т. 20 ноября 1915 г. проводка караванов [в навигацию 1915 г.] была закончена. За это время было проведено за тралами 198 судов.

Работа партий траления осложнялась тем, что по всему побережью не существовало никакой Службы связи. Затруднения, испытываемые из-за отсутствия наблюдения за морем и из-за невозможности быстрого телеграфного сообщения между берегом и плавающими судами, давали себя чувствовать.

Только 4 августа 1915 г. была учреждена Служба связи. Построено 3 береговых радиостанции в следующие сроки: Святой Нос – заложена в сентябре, вступила в строй 15 октября 1915 г., Моржовец – заложена в середине сентября и первая радиограмма получена 16 октября, Канин Нос – заложена в конце сентября, радиосвязь установлена 23 октября 1915 г.

Учреждено 6 сигнально-наблюдательных постов на маяках; привлечены к Службе связи береговые радиостанции Исакогорка и Александровск и все береговые пункты, имеющие телеграф и телефон.

Для обеспечения безопасности проходящих пароходов, следующих по намеченным маршрутам, и создания условий уверенности в благонадежности путей поручается транспорту "Бакан" обследование и оборона побережья. Он с комендантом и частью военной команды крейсирует у входа в горло Белого моря, имея связь с маяком Святой Нос и телеграфом в Иоканге.

В то же время на Службу связи Белого моря возлагается обязанность по наблюдению и передаче сведений с маяков Святой Нос, Городецкий и Орловский – по телеграфу, а с маяков нцы, Зимнегорский и Мудьюгский – по телефону. Кроме того, начиная от бара, наблюдение и передача ведутся военными постами и постами пограничной стражи.

Генмором был разработан план организации морских сил, схема командования и план оборудования театра. При этом Кольский залив получает значение оперативной базы, а Иоканга – маневренной для морских сил, имеющих назначение способствовать охране побережья, а также для принятия торговых судов, идущих с моря. Попутно возникает вопрос о строительстве новых баз и об их боевом оборудовании в связи с поставленными им оперативными заданиями".

Решение правительства от 8 мая 1915 года о строительстве радиостанций в Заполярье было актуальным, но не вполне конкретным. Судя по тому, что ассигнуемые на их строительство 120 тыс. рублей выделялись Главному управлению почт и телеграфов, ответственным за радиооборудование театра должно было выступить Министерство внутренних дел. В соответствии со сложившейся в России практикой решения актуальных задач началась междуведомственная волокита. После непродолжительной переписки решение правительства получило реализацию в действиях военного командования.

Приказом командующего Северным фронтом генерала Н. В. Рузского от 27 июля ответственность за устройство береговых радиостанций на Севере и разработка Положения о Службе связи Белого моря возлагалась на главноуправляющего г. Архангельска и района Белого моря вице-адмирала А. П. Угрюмова.[1]

Приказ
по флоту Балтийского моря

г. Петроград 27 июля 1915 г.

На основании статьи 26[1] книги X Свода морских постановлений представляю начальнику охраны водного района Архангельского порта, впредь до выработки Положения о Службе связи Белого моря на время военных действий, учредить посты Службы связи на островах и побережье Белого моря с выдачей им содержания применительно к таковому на постах Службы связи Балтийского моря.

Вместе с тем предлагаю безотлагательно приступить к разработке Положения и штатов Службы связи Белого моря и представить мне таковые по готовности.

Главнокомандующий генерал-адъютант Рузский

[1] РГА ВМФ Ф. 418. Оп. 1. Д. 426. Л. 35.

Спустя три дня, 30 июля, Морской генеральный штаб представил морскому министру доклад, в котором предлагались меры по строительству радиостанций в Белом море.[1]

Доклад
по Морскому генеральному штабу
30 июля 1915 г. №211

Скорое и действенное устройство Службы связи от Норвежской границы до Архангельска потребует чрезвычайных усилий. Огромное протяжение береговой черты вызывает необходимость предоставления начальнику Службы связи значительной инициативы. Нельзя терять времени на то, чтобы офицер, стоящий во главе дела, на все испрашивал позволения: необходимо предоставить в его распоряжение аванс по меньшей мере в 20000 рублей на нужды организации. Только при выполнении названных условий представляется возможным ожидать от начальника Службы связи воплощения в практически необходимый срок полезной организации освещения далекого Севера с берега, хотя бы только в зачаточном виде.

Резолюция морского министра:
"Ассигновку дать из военного фонда. Григорович. 31. 7. 1915 г."

Был также оперативно решен вопрос о финансировании строительства радиостанций – Управление морской строительной частью перечислило для этого из военного фонда 100 тыс. рублей. В помощь производителю работ по их строительству на Север командировались младший техник Строительной части А. И. Соломко, прапорщики Меньшиков, Игнатьев, Прокофьев и Силяев, фельдшер И. Хабаров, нижние чины команды Кронштадтского крепостного минного батальона ефрейторы В. Попов, М. Колосов, А. Дружков, П. Прозоров и рядовой А. Константинов. В качестве вольнонаемного инструктора для обучения радиотелеграфистов вновь строящихся станций начальником Архангельского почтово-телеграфного округа Н. П. Лапиным командировался радист радиостанции Югорский Шар Д. И. Иванов.

По докладу МГШ, морской министр И. К. Григорович 3 августа приказал произвести первоначально установку радиостанций на м. Святой Нос, м. Канин Нос и о. Моржовец.[2] Разработка Положения о Службе связи Белого моря и постройка первых морских радиостанций в Заполярье были поручены штаб-офицеру штаба главноуправляющего г. Архангельска и водного района Белого моря вице-адмирала А. П. Угрюмова старшему лейтенанту М. С. Рощаковскому.[3]

Постройка радиостанций была произведена менее чем за два месяца и уже к концу октября 1915 года они начали функционировать, обеспечивая связь Архангельска с кораблями и судами в Белом и Баренцевом морях: 14 октября начали работу станции Святого Носа, 15 октября – Моржовца, и 15 октября – на Канином Носу.[4]

В связи с этим может представить интерес одна из радиограмма, переданная 17 октября 1915 года (за 1 год и 4 месяца до Февральской революции 1917 года) в адрес М. С. Рощаковского от строителей радиостанции Святого Носа.[5]

«На поздравительную телеграмму Вашего превосходительства от 16 сего октября за №749 я сего числа ответил следующей телеграммой. Телеграмма Вашего превосходительства сейчас прочитана перед фронтом нижних чинов, рабочих и всех участников постройки радиостанции. Дружное "ура", величественное и радостное, пронеслось над скалами преддверья Ледовитого океана за драгоценное здравие его величества государя императора, императрицы, наследника цесаревича и всего царствующего дома. Обслуживающие станцию обещают положить живот свой на пользу и славу обожаемого государя императора и преуспевание родной станции. Все участники постройки и служащие маяка троекратно спели многолетие о здравии и долгоденствии Вашего превосходительства, глубоким попечением коего воздвигнута сия станция. Об изложенном имею честь донести Вашему превосходительству.

Сущинский»

[1] РГА ВМФ Ф. 1135. Оп. 1. Д. 148. Л. 1.
[2] РГА ВМФ Ф. 899. Оп. 1. Д. 12. Л. 9, 18.
[3] РГА ВМФ Ф. 899. Оп. 1. Д. 12. Л. 16. Очерк о М. С. Рощаковском см.: *Биккенин Р. Р., Глущенко А. А., Партала М. А.* Очерки о связистах Российского флота. СПб., 1998, с. 138–163.
[4] РГА ВМФ Ф. 418. Оп. 1. Д. 426. Л. 94,101.
[5] РГА ВМФ Ф. 899. Оп. 1. Д. 12. Л. 73.

Представляя 19 октября 1915 года в Морской генеральный штаб план устройства и развития Службы связи Белого моря, вице-адмирал Угрюмов придавал весьма важную роль радиооснащению театра, "без осуществления и образцового действия коего невозможно принимать каких-либо мер, касающихся здешних вод, – ни военных, ни относящихся к торговому мореплаванию".[1]

Несмотря на насущность учреждения Службы связи Белого моря, Морское министерство не имело на это юридических оснований. Согласно действующему законодательству (Приказы по Морскому ведомству №310 и 311 от 1909 года), такой орган мог быть учрежден только в составе Морских сил соответствующего моря. Для разрешения сложившихся противоречий морскому министру пришлось обратиться непосредственно к Николаю II и 3 августа 1915 года последовало разрешение на распространение действия Положения о Службе связи и на Белое море с предоставлением вице-адмиралу А. П. Угрюмову права командующего Морскими силами; при этом должность начальника связи не вводилась, а исполнение его обязанностей возлагалось на начальника одного из районов Службы связи.[2] Однако уже к осени стало понятно несовершенство подобной организации, в связи с чем, по докладу И. К. Григоровича, 6 ноября 1915 года Николай II разрешил учредить самостоятельную должность начальника Службы связи Белого моря, на которую был назначен М. С. Рощаковский.[3]

Доклад
по Морскому генеральному штабу
4 ноября 1915 г.

В 3-й день августа сего года Ваше императорское величество по всеподданнейшему моему докладу высочайше повелеть соизволили:

1) распространить на Белое море Положение о Службе связи;

2) предоставить главноначальствующему г. Архангельска и водного района Белого моря вице-адмиралу Угрюмову указанные в сем Положении права командующего морскими силами;

3) предоставить старшему из начальников районов Службы связи Белого моря права начальника Службы связи с непосредственным подчинением вице-адмиралу Угрюмову.

В настоящее время на основании трехмесячного опыта существования в Белом море Службы связи выяснилось, что неимение отдельной должности начальника Службы связи является неудобным, так как вследствие значительного расстояния между районами, фактически невозможно одному лицу, ведающему всей Службой связи, заниматься также и делами одного из районов. Вследствие сего испрашивается высочайшее Вашего императорского величества повеление учредить должность начальника Службы связи Белого моря.

"Высочайше повелено в царской Ставке ноября 6-го дня 1915 г.
Морской министр генерал-адъютант Григорович".

Однако в должности начальника Службы связи Белого моря М. С. Рощаковский пробыл недолго: неофициально – с августа по декабрь 1915 года, официально[4] – с 8 ноября по декабрь. В конце 1915 года он был назначен начальником Кольского укрепленного района. С уходом Рощаковского начальником Службы связи Белого моря был назначен капитан 2 ранга Александров. Еще не вступив в должность, он пред-

[1] РГА ВМФ Ф. 899. Оп. 1. Д. 12. Л. 10–11; Ф. 1135. Оп. 1. Д. 134. Л. 94–96.

[2] РГА ВМФ Ф. 418. Оп. 1. Д. 1422. Л. 56; Ф. 899. Оп. 1. Д. 12. Л. 94.

[3] РГА ВМФ Ф. 418. Оп. 1. Д. 1422. Л. 152, 172; Д. 361. Л. 493; Ф. 899. Оп. 1. Д. 12. Л. 95; Ф. 1135. Оп. 1. Д. 148. Л. 14. Таким образом, днем образования Службы связи Белого моря следует считать 3 августа 1915 года, но никак не 17 января 1915 года, как то утверждается в отечественной историографии, где за исходный рубеж берется начало прокладки в Александровск-на-Мурмане телеграфного кабеля из Англии (См., напр.: Служба связи Военно-морского флота. М., 1976, с. 212). Устройство телеграфного сообщения с Англией было выполнено Архангельским почтово-телеграфным округом, обслуживалось гражданскими чиновниками и никакого отношения к Службе связи Морского ведомства не имело. Неверной является и дата образования названной службы в ноябре 1915 года (См.: *Богуславский Н. А.* Твои позывные, Северный. Мурманск, 1987, с. 10).

[4] Приказ о назначении М. С. Рощаковского начальником Службы связи был подписан 23 ноября 1915 года (РГА ВМФ Ф. 418, Оп. 1. Д. 1422. Л. 493).

ставил вице-адмиралу А. П. Угрюмову рапорт, в котором, изложил свое видение состояния и перспектив развития Службы связи.[1]

> Получив приказание Вашего превосходительства …принять в свое ведение Службу связи Белого моря, я пытался разобраться в делах и организации. Дела в этом, покинутом одновременно всеми обслуживающими его раньше людьми, учреждении мне до сего времени разобрать не удалось, ввиду отсутствия каких-либо указаний на то, что там за время существования делалось. Вижу только, что хозяйство лежало на начальнике Службы связи. Такое положение считаю совершенно недопустимым, ибо должность эта не канцелярского характера.
>
> На основании вышеизложенного прошу распоряжения Вашего превосходительства об учреждении должности помощника начальника Службы связи и ревизора, на которых были бы возложены все хозяйственные, имущественные и денежные дела. Хозяйственная канцелярия должна быть абсолютно отделена от управления Службой связи, в котором сосредоточились бы данные по наблюдению за передачей всевозможных телеграмм с кораблей и доставлением нужных сведений плавающему составу, организация на постах и пр., так как это и является главной, весьма ответственной и достаточно трудной задачей этого учреждения.
>
> <…>Считаю возможным принять Службу связи в свое ведение только таким способом, как дела скоропостижно скончавшегося человека, не оставившего завещания и не сделавшего никаких распоряжений при жизни. Единственная разница в данном случае та, что капитан 2 ранга Рощаковский и лейтенант Клягин не умерли и быть может смогут хоть в будущем дать отчет о своих действиях. Я же не имею возможности принять прежние дела, о чем Вашему превосходительству доношу.
>
> Резолюция: "Назначить комиссию для определения наличия сумм. Если для текущих расходов надо еще деньги, то доложить. Угрюмов".

В силу обстоятельств, изложенных в рапорте, капитан 2 ранга Александров отказался принять Службу связи. Временное исполнение должности было возложено на одного из начальников района лейтенанта Н. Скрыдлова. При его участии МГШ разработал Табель комплектации Службы связи Белого моря, в котором были учтены критические замечания и предложения капитана 2 ранга Александрова. Согласно этому документу штатная численность Службы связи устанавливалась в 553 человека (25 офицеров, 46 кондукторов и 482 нижних чинов),[2] при управлении Службы связи учреждалась хозяйственная часть, штаты маломощных и мощных радиостанций различий не имели.

Решение Морского генерального штаба о необходимости совершенствования Службы связи Белого моря основывалось также на том, что в кампанию 1916 года на Север предполагалось прибытие Отряда судов особого назначения. Система освещение обстановки на театре предусматривала строительство семи новых радиостанций (две – мощностью 10 кВт, две – 2 кВт и две – 0,5 кВт) и открытие 38 новых постов наблюдения и связи, на что отпускалось 2110279 руб.[3] При этом, вопреки бытовавшему прежде мнению о временном статусе Службы связи Белого моря, вызванному обстоятельствами военного времени, в 1916 году Морской генеральный штаб приходит к мнению,[4] что

> "Служба связи Белого моря не может быть рассматриваема как временная организация, необходимая лишь на время войны. Предвидится, что таковая будет существовать и в мирное время…".

Реализацию планов и новых взглядов Морского генерального штаба по совершенствованию Службы связи Белого моря пришлось проводить в жизнь капитану 2 ранга Б. П. Ильину, назначенному в мае 1916 года ее руководителем. Человек крутого нрава, принципиальный и прямой, Ильин многое сделал на этом поприще. Для этого ему пришлось не единожды отстаивать свою позицию в руководящих инстанциях, вплоть до МГШ,[5] насаждать дисциплину и порядок на станциях и постах.[1]

---

[1] РГА ВМФ Ф. 1135. Оп. 1. Д. 148. Л. 27.

[2] На это время в Службе связи Белого моря числилось: 12 офицеров, 4 кондуктора и 70 нижних чинов.

[3] РГА ВМФ Ф. 418. Оп. 1. Д. 505. Л. 283–287; Д. 507. Л. 23; Д. 583. Л. 3–4; Ф. 1135. Оп. 1. Д. 148. Л. 65–84, 121.

[4] РГА ВМФ Ф. 1135. Оп. 1. Д. 148. Л. 121.

[5] Для примера приведем текст одной из телеграмм Б. П. Ильина в Морской генеральный штаб относи-

Благодаря инициативе и настойчивости Б. П. Ильина, для подготовки специалистов Службы связи приказами морского министра были открыты в Архангельске Радиотелеграфная школа (9 сентября 1916 года)[2] и Школа мотористов (25 ноября 1916 года).[3] В целях совершенствования материально-технического обеспечения театра радиооборудованием при Службе связи учреждается Радиотелеграфный склад (14 октября 1916 года)[4].

При всей кропотливой и продуктивной работе Морского генерального штаба по созданию Службы связи Белого моря все же следует отметить, что ориентирована она была исключительно на радиооснащение береговых станций и постов. Руководством корабельной радиосвязью на Севере никто не занимался. Лишь после того, как в рапорте флагманского минного офицера штаба Отряда судов особого назначения лейтенанта В. Задлера был представлен подробный анализ состояния дел с радиосвязью на кораблях и судах в базах и портах Северного Ледовитого океана, Морским генеральным штабом было признано[5]

> "…для заведования радиотелеграфом на кораблях при неимении минного офицера… учредить должность электротехника Службы связи Белого моря, объединяющего и ведающего радиосвязью во всех учреждениях и на судах Флотилии Северного Ледовитого океана",

следствием чего явилось издание приказа по Морскому ведомству о введении должности электротехника Службы связи Белого моря.[6]

К концу 1917 года на Севером морском театре имелось 12 береговых и 35 корабельных и судовых радиостанций.[7] При этом степень укомплектованности корабельного состава радиостанциями составляла 100%. Если учесть, что радиооснащение театра имело лишь двухлетнюю историю, то следует признать его весьма высокие темпы по сравнению с аналогичными мероприятиями на других театрах. Создание системы радиосвязи в Северном Ледовитом океане способствовало не только повышению безопасности межсоюзнических перевозок, но и их эффективности, а с устройством военных баз на Кольском п-ове и образованием в 1916 году Флотилии Северного Ледовитого океана – управлению силами флотилии и развитию связи взаимодействия с союзническими кораблями на русском Севере.

Изменение взглядов на место и роль Тихоокеанского флота

По всей вероятности, запоздалая переоценка значимости в военно-стратегическом отношении Северного морского театра заставила морское командование по-новому взглянуть и на заброшенность Тихоокеанского театра военных действий. Затрудняясь спрогнозировать военно-политическую обстановку и адекватный ей состав морских

тельно организации подготовки мотористов для Службы связи. «Школа мотористов на 50 чел. нужна прежде всего Службе связи. Согласен ли Петроград или нет, но занятия у меня уже начались и, конечно, ни одного ученика я не пошлю на "Ксению". Там приготовят мне слесаря или кузнеца. Ничего не прошу, а только поддержать мое мнение, что подавляющее число мотористов, умеющих обращаться с разнообразными моторами радиостанций и катерными, нужны мне и обучать их надо показом, а не рассказом» (РГА ВМФ Ф. 418. Оп. 1. Д. 505. Л. 74).

[1] Приводим выдержку из приказа Б. П. Ильина от 28 августа 1916 года. "Прошу господ офицеров объяснить нижним чинам нижеследующее мое распоряжение: матросы и солдаты, призываются на морскую службу не для того, чтобы лежать по госпиталям и болеть венерическими заболеваниями, а чтобы служить… Напоминаю, что здоровая, бодрая и веселая команда есть лучший показатель состояния части" (РГА ВМФ Ф. 418. Оп. 1. Д. 407. Л. 7).

[2] Приказ морского министра №47 от 9 сентября 1916 года.

[3] РГА ВМФ Ф. 418. Оп. 1. Д. 505. Л. 74, 194–196.

[4] Приказ морского министра №56 от 14 октября 1916 г.

[5] РГА ВМФ Ф. 418. Оп. 1. Д. 505. Л. 201.

[6] Приказ морского министра №43 от 9 сентября 1916 года.

[7] РГА ВМФ Ф. 899. Оп. 2. Д. 19а. Л. 3–6, 10; Ф. 378. Оп. 1. Д. 79. Л. 63–64, 86, 91. В число береговых радиостанций флотилии Северного Ледовитого океана отнесены также 3 станции Почтово-телеграфного ведомства (Архангельская, Соловецкая и Александровская), переданные в 1916 году в ведение Морского министерства.

сил на Дальнем Востоке с окончанием мировой войны, Морское министерство уже в январе 1916 г. ставит перед Советом министров вопрос о необходимости приступить к заблаговременному инженерному оборудованию тихоокеанского побережья России для действий на нем сильного флота. Не исключая создания на Дальнем Востоке сильного отечественного флота, Морское ведомство предусматривало также возможность базирования в портах Дальнего Востока морских сил одной из "дружественных" стран. Как в первом, так и во втором случае признавалось необходимым создание комплексного инженерного оборудования театра с достаточно развитой системой наблюдения и связи, без чего, по мнению И. К. Григоровича, не только боевые действия флота, но и его сосредоточение и боевое развертывание не могли бы быть эффективными.

При этом радиооснащение театра должно было, помимо радиостанций системы освещения обстановки и оповещения, иметь мощные радиостанции для организации международной связи, связи взаимодействия с союзными флотами и управления своими силами на значительных расстояниях от своих баз, а также радиосвязи со столицей.[1]

Исходя из этого, Морское ведомство разработало проект сооружения во Владивостоке радиостанции мощностью 300 кВт, что могло обеспечить радиосвязь главной базы флота на расстояниях до 7500 км. Технические условия на оборудование станции отличались весьма высоким качеством. Например, для обеспечения высокой технической надежности предусматривалось резервирование основных узлов, устройств и агрегатов, с целью повышения достоверности принимаемой информации применялся спаренный прием на два радиоприемника. Не был лишен проект и недостатков. В то время, когда в США, Англии, Франции были установлены уже радиостанции, работающие незатухающими колебаниями, станция во Владивостоке проектировалась как искровая. Объяснение этому кроется прежде всего в отставании отечественной научно-технической базы от общемирового уровня, характеризуемого переходом от искровых методов генерации электромагнитных колебаний к генераторам незатухающих радиоволн, широким внедрением в радиоустройства электронных ламп, появлением принципиально новых радиоприемников.

После того как Русское общество беспроволочных телеграфов и телефонов определило стоимость оборудования и строительства радиостанции в 2,175 млн руб., заготовка приборов была поручена Радиотелеграфному заводу Морского ведомства, по сметам которого расходы определялись в 1,5 млн руб. Данный случай еще раз подтверждает насущную необходимость иметь соответствующую как народнохозяйственным, так и оборонным целям страны национальную радиотехническую промышленность, поддерживаемую государством.

Морское министерство в Совет министров

17 января 1917 г. №1036/26

В настоящее время, конечно, нет возможности предвидеть какая политическая и стратегическая обстановка сложится по окончании войны на нашем Дальневосточном театре и какого сосредоточения морских сил на этом театре она потребует. Тем не менее представляется настоятельно необходимым обеспечить нашу дальневосточную окраину от возможных случайностей и, раз нет возможности содержать в Тихом океане постоянного флота достаточной силы, могущего бороться с возможными противниками, нужно все же иметь Тихоокеанский театр постоянно подготовленным для действий на нем могущественного флота. Нельзя предрешать теперь же будет ли этот флот состоять из морских сил одного из наших союзников, или же это будут наши собственные морские силы, которые стянутся на Дальний Восток с других театров.

Как в первом, так и во втором случае, мы должны иметь на Дальнем Востоке все вспомогательные средства местной обороны, а также достаточно развитые средства наблюдения и связи, без чего не только действия флота на данном театре, но и сосредоточение и боевое развертывание его не могут считаться обеспеченными. Ввиду этого на Тихом океане для Морского ведомства необходимо иметь не только средства связи местного характера, но нужно установить и средства дальней связи, так чтобы наши и союзные нам морские силы могли, приближаясь к нашим владениям, заблаговременно вступить в связь с нашими местными морскими силами, организовать необходи-

[1] РГИА Ф. 1276. Оп. 12. Д. 948. Л. 1–2. РГА ВМФ Ф. 418. Оп. 1. Д. 1114. Л. 20–21.

мую им разведку, а если это окажется нужно, то развить и дальнейшие операции. Для обеспечения такой связи мною было поручено Главному управлению кораблестроения разработать технические данные такой радиостанции.

В представленном мне проекте радиостанция мощностью 300 кВт даст возможность сноситься с флотом, находящимся в зоне Филиппинских островов, т. е. на расстоянии 4000 км от базы. Эта радиостанция, кроме своей главной цели, даст еще нам возможность, в случае когда это будет признано нужным, войти в непрерывную радиосвязь с английскими и французскими владениями (Сингапур и Сайгон), связанные, в свою очередь, при посредстве радиостанций колониальных радиотелеграфных сообщений, с метрополиями, с Японией и в течение неполных суток с США. Наконец, эта радиостанция могла бы связать Дальний Восток с Москвой через посредство одной промежуточной радиостанции, равной ей по мощности. Последняя возможность представляется также существенно важной, так как Владивосток связывается с метрополией телеграфными линиями через Сибирь, двумя кабелями через Нагасаки и через строящуюся в Чите радиостанцию, откуда далее радиотелеграммы направляются опять таки по проволочному телеграфу. Благодаря малонаселенности края и расположения связывающих телеграфных линий на большом протяжении вблизи границы, подобную связь нашей единственной морской базы на Дальнем Востоке нельзя считать достаточно надежной.

Если эта радиостанция и не будет готова к заключению мира, то она будет использована в первый период после войны, когда пароходное движение во Владивостоке будет крайне интенсивным, так как путь через Сибирь еще долгое время по заключении мира, до окончательной расчистки Балтийского моря от мин, будет иметь очень большое значение.

Сооружение проектируемой для Владивостока радиостанции будет поручено Радиотелеграфному заводу Морского ведомства, что, не говоря уже об экономии в 675000 руб., составляющих разницу между сметами, представленными Русским обществом беспроволочных телеграфов и телефонов (2175000 руб.) и заводом Морского ведомства (1500000 руб.), освободит нас в области радиотехники от недопустимой, с общегосударственной точки зрения, зависимости от заграничных фирм, так как все части радиостанции будут выполнены в России, главные же радиотелеграфные приборы будут построены на заводе Морского ведомства по собственным чертежам.

Ввиду всего сказанного я ходатайствую перед Советом министров об отпуске 1500000 руб. на постройку этой радиостанции.

Морской министр генерал-адъютант Григорович

Проект Морского ведомства о сооружении мощной радиостанции во Владивостоке не встретил поддержки в Министерстве внутренних дел. Однако доводы последнего были так неубедительны, что Совет министров не счел нужным разворачивать по данному вопросу дискуссию, и просимые средства были отпущены.[1]

Строителем радиостанции во Владивостоке по предложению Минного отдела Главного управления кораблестроения был назначен Н. А. Скрицкий, его помощником – И. Г. Фрейман. Для проектируемой радиоустановки было выбрано место, наиболее полно удовлетворяющее военным и техническим требованиям, – перешеек острова Русский между бухтой Рында и бухтой Мелководной. Под радиостанцию отводилось 60 десятин земли. Штатная численность станции должна была включать 4 офицера, 3 кондуктора и 116 нижних чинов.[2]

Строительство станции началось 10 августа 1916 года на о. Русский у бухты Воевода. Через год строительные работы были в основном завершены, однако из-за задержек в доставке приборов и машин монтажные работы были отложены, а с апреля 1918 года решением строительной комиссии "ввиду неопределенности политического положения во Владивостоке" приостановлены вовсе.[3]

Новая попытка централизации радиодела на флоте

Возросшие масштабы радиооснащения флота в годы войны, связанные не только с расширением его географии, количества кораблей и призванных по мобилизационным планам гражданских судов, но и появлением новых объектов (подводных лодок, самолетов) и зарождению новых направлений использования радиосвязи (радионавигация, радиопеленгование, радиоперехват) требовали совершенствования организации административно-правового обеспечения Службы связи.

[1] РГА ВМФ Ф. 401. Оп. 3. Д. 488. Л. 98–100; Ф. 418. Оп. 1. Д. 1114. Л. 6–7, 8–10, 11, 12, 13–16, 17–19, 20–21, 26–27, 28–30, 67–68, 159б; Ф. 1122. Оп. 1. Д. 85. Л. 34.

[2] РГА ВМФ Ф. 401. Оп. 3. Д. 488. Л. 98.

[3] РГА ВМФ Ф. 401. Оп. 3. Д. 656. Л. 3, 34, 37, 39, 82, 89, 90; Ф. Р-360. Оп. 1. Д. 500. Л. 10.

В связи с намечавшейся с 1 января 1917 года реорганизацией Главного управления кораблестроения на имя помощника морского министра 2 июля 1916 года был представлен рапорт минного офицера Учебно-минного отряда Балтийского флота старшего лейтенанта А. А. Бабакина. Отмечая, что радиотелеграф уже давно вылился в совершенно обособленную и своеобразную отрасль техники, из-за чего "пристегивание" его к Минному отделу Главного управления кораблестроения имеет ряд негативных последствий, Бабакин предлагал учредить в составе Управления специальный Радиотелеграфный отдел. Заранее предвидя сложности с проведением своего проекта в жизнь, в конце рапорта Бабакин делает весьма важный вывод: "Если какая-либо инстанция найдет невозможным проведение в жизнь Радиотелеграфного отдела, то нужно иметь достаточно гражданского мужества признаться и явно идти на то, что мы [в вопросах развития радиосвязи] останемся в хвосте остальных наций".[1] Положительного решения предложение Минного отдела об учреждении Радиотелеграфного отделения до октября 1917 г. не получило. Весь процесс развития радио на флоте подтверждал необходимость такого органа и он был создан в 1918 году.[2]

Так как данный документ затрагивает не только вопрос об учреждении Радиотелеграфного отдела, но и раскрывает многие исторические аспекты развития радиосвязи в Морском ведомстве, представляется целесообразным текст его привести полностью тем более, что несмотря на подпись А. А. Бабакина, аргументация доводов, скрупулезный анализ состояния проблемы, стиль изложения и ряд других особенностей данного проекта позволяют присвоить его авторство начальнику Минного отдела А. А. Реммерту, избравшего столь необычную форму выражения озабоченности о состоянием организации руководства радиоделом в Морском ведомстве.

Помощнику морского министра

Докладная записка

С 1909 года Морское министерство по части радиотелеграфа стало на правильную точку зрения, что для того, чтобы не быть все время в хвосте остальных наций и чтобы не зависеть всецело от частных фирм (к тому же не русских), нужно самим работать и стараться быть впереди других. С этой целью был построен Радиотелеграфный завод, который ко времени настоящей войны оказывает Морскому ведомству неоценимую услугу в отношении точности, экономичности и срочности выполнения заказов.

Хотя непосредственно радиотелеграфом и не уничтожаются неприятельские суда, тем не менее разведка, как основа всех операций, базируется преимущественно на радиотелеграфе и благодаря соответствующей постановке дела в течение настоящей войны неоднократно в Балтийском море уничтожались неприятельские суда и, наоборот, наши суда не попадались под удары более сильных отрядов неприятеля. По выражению плавающего состава, корабль без радиотелеграфа – слепой.

Соответственно с постоянно растущими потребностями флотов по части радиотелеграфа и разнообразием появляющихся все время новых аппаратов и конструкций, весьма расширилась деятельность радиотелеграфной части Минного отдела Главного управления кораблестроения. Появилась необходимость принимать самое близкое участие в разработке новых конструкций по заданиям флотов, в их испытании и усовершенствовании, в техническом снабжении новых кораблей по радиотелеграфу, в оборудовании строящихся кораблей, крейсеров, миноносцев, подводных лодок и вспомогательных судов. Далее сама жизнь указывает, что необходима такая центральная инстанция, которая собирала бы опыт всех морей по радиотелеграфу и в соответственно переработанном виде использовала этот опыт при дальнейших конструкциях. Необходимо также, чтобы все главнейшие испытания и опыты на судах и берегу происходили при непосредственном участии представителей центрального учреждения, дабы создать в развитии радиотелеграфа преемственность, столь важную в каждом сложном деле.

Между техническим учреждением и плавающим флотом обязательно должен быть ближайший контакт, так как организация радиосвязи на флотах зависит от конструктивных особенностей

[1] РГА ВМФ Ф. 401. Оп. 5. Д. 12. Л. 18–20; Ф. 418. Оп. 1. Д. 1449. Л. 1–9.

[2] В связи с этим следует отметить, что учреждение Радиотелеграфного отдела в составе ГУК, по всей вероятности, требовалось лишь "де-юре", так как "де-факто" он уже существовал. Об этом говорит анализ делопроизводства Морского министерства, где встречаются документы на листах с угловым штампом и подписью начальника Радиотелеграфного отдела К. Престина.

приборов и, обратно, конструкция приборов часто должна быть приноровлена к тактическим и эксплуатационным требованиям флотов.

Кроме этого надлежит иметь гораздо более близкий контакт с учреждениями, ведающими в Морском ведомстве личным составом. От несогласованности этих учреждений происходит то печальное явление, что во многих морях личный состав вследствие своей неподготовленности извлекает из радиотелеграфных приборов лишь небольшую часть всех выгод, которые могли бы быть получены при более обученном составе. Во многих же морях ценные приборы прямо гибнут зря, так как вообще нехватает офицеров и телеграфистов для их обслуживания.

На центральном техническом учреждении должно лежать и ближайшее руководство Радиотелеграфным заводом Морского ведомства, который все время расширяет круг своей деятельности.

Между тем для выполнения всех этих весьма сложных обязанностей, связанных зачастую с пребыванием в разных морях, новый штат Минного отдела Главного управления кораблестроения, который предполагается ввести с 1 января 1917 года, предусматривает всего лишь одну должность – помощника начальника Минного отдела по части радиотелеграфа.

В других ведомствах и иностранных государствах эта работа возлагается на целые учреждения, и ясно, что с этой работой не может справиться одно лицо, даже если бы оно было гениальным.

Это несоответствие объясняется тем, что проект этих штатов составлялся 6 лет тому назад, а большинство вопросов народились именно за это пятилетие. Результатом такого положения вещей в Морском ведомстве было то, что многие вопросы, подлежащие обработке в центральном техническом учреждении, т, е, в Минном отделе, понемногу перешли частью в Морской генеральный штаб, частью в действующие флоты. Так как деятельность всех этих отдельных офицеров не объединяется кем-либо и нет ответственного лица, руководящего этими опытам, то результаты этих отдельных попыток сравнительно малопродуктивны.

По моему убеждению, этот вопрос может быть решен удовлетворительно только проведением в жизнь Радиотелеграфного отдела Главного управления кораблестроения. В отделе должны сосредоточены несколько специальностей: Радиотелеграф, электротехника, двигатели внутреннего сгорания, мачты, антенны, здания и т. п. Если по всем этим специальностям не будет специалистов в Радиотелеграфном отделе, то придется все время обращаться в другие отделы Главного управления кораблестроения. От этого происходят часто задержки и дело стоит. По своей природе радиотелеграф уже давно вылился в совершенно обособленную и своеобразную отрасль техники, а потому пристегивание его к одному из существующих отделов Главного управления кораблестроения принесет обеим отраслям только вред, так как это спаривание будет насильственным.

Внедрение радиотелеграфа в одном из существующих отделов сделает неестественно большой прирост в этом отделе, усложнит и без того уже сложную систему докладов по начальству и понизит содержание служащих Радиотелеграфного отдела до окладов, в которые нельзя будет найти талантливых людей, хорошо знакомых с радиотехникой.

Штаты Радиотелеграфного отдела должны быть проведены постоянные через законодательные учреждения, Так как однако текущая война требует неотлагательного проведения в жизнь новых мер, то пока надлежало бы ввести временные штаты с отнесением расхода на военный фонд.

Если какая-либо инстанция найдет невозможным проведение в жизнь Радиотелеграфного отдела, то нужно иметь достаточно гражданского мужества признаться и явно идти на то, что мы все время останемся в хвосте остальных наций.

2 июля 1916 г. старший лейтенант Бабакин"

К докладной записке прилагался проект штата Радиотелеграфного отдела ГУК, включающий начальника отдела, двух его старших и трех младших помощников, 14 производителей работ, 4 делопроизводителя, начальника чертежной и младшего чиновника (всего 26 чел.). На содержание предлагаемого учреждения требовалось 117425 руб. в год. Были рассмотрены и кандидатуры для замещения некоторых из этих должностей. Начальник отдела – генерал-майор А. А. Реммерт, помощники начальника отдела – генерал-майор Е. А. Пастухов, капитан 1 ранга Шрейбер, капитан 2 ранга Заозерский, старший лейтенант А. А. Бабакин, производители работ – старший лейтенант Г. Г. Греве, старший лейтенант Петров, капитан Клионовский, инженер-электрик Кондратьев, инженер-электрик В. И. Юрьев, губернский секретарь Афанасьев, старший делопроизводитель – капитан 2 ранга Срезневский, коллежский советник Барнасуз, младший делопроизводитель – лейтенант Андреев, младший чиновник – коллежский регистратор Кирсанов.

Выявить в документах дальнейшую судьбу законопроекта об учреждении Радиотелеграфного отдела ГУК не удалось.

Несмотря на несовершенство и несвоевременность отдельных решений, принимаемых в Морском министерстве, все же следует признать, что это было единственное ведомство России, где с большим вниманием относились ко всему, что было связано с радиовооружением флота, о чем красноречиво свидетельствуют данные о его финансировании. Вопреки установившимся в отдельных работах советских исследователей выводами, повторяемыми и сегодня, о недостаточном финансировании развития радио в России до 1917 года,[1] следует отметить, что с 1900 по 1912 год на оснащение флота радиостанциями было израсходовано более 3 млн руб. бюджетных средств. Кроме того, значительные средства были отпущены сверхсметными кредитами на строительство морских радиостанций, о чем говорилось выше.

Сведения о финансировании на развитие радиосвязи Морского ведомства*

Год	Израсходованные суммы по видам радиоустановок, руб.		
	береговые радиостанции	корабельные радиостанции	Всего
1897			1012
1898			4000
1899			500
1900			54131
1901			42686
1902			16705
1903			28740
1904			195077
1905			436953
1906	167047,75	45307,5	212355,25
1907	27553,42	97590,67	125144,09
1908	95558,94	146662,48	242221,42
1909	62459,70	175745,13	238204,85
1910	76028	207230	283258
1911	65750	382820	448570
1912	408445**	368740	777685
1913	690843***		690843
1914	263207***		263207
1915	211710***		211710
1916	152210***		152210
Итого	2220812,8	1424095,7	4234274,5

*РГИА Ф. 1158. Оп. 1, ч. 1. Д. 93. Л. 12–13, 22–23; Оп. 1, ч. 2. Д. 62. Л. 7–11; Д. 453. Л. 37; Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1201. Л. 12; Ф. 1278. Оп. 6. Д. 1069. Л. 44; Оп. 7. Д. 417. Л. 6–12; Д. 426. Л. 3; Д. 465. Л. 4–11. РГА ВМФ Ф. 401. Оп. 3. Д. 9. Л. 16, 17.

**На развитие системы радиосвязи в 1912 г., помимо указанных средств, выделенных согласно бюджету Морского ведомства, предоставлялось еще 365988 руб. в соответствии с законом от 23 июня 1913 года "Об отпуске из государственного казначейства средств на устройство и оборудование военных портов, морских радиостанций и наблюдательных пунктов".

***Указаны лишь средства, предоставленные Морскому министерству в соответствии с законом от 23 июня 1913 года "Об отпуске из государственного казначейства средств на устройство и оборудование военных портов, морских радиостанций и наблюдательных пунктов" без учета ежегодных бюджетных ассигнований береговых радиостанций и наблюдательных пунктов при реорганизации системы базирования флотов, создания сети радиостанций на Севере, строительства мощной станции во Владивостоке.

Особенности радиосвязи флота в годы войны

Задачи Службы связи Российского флота по обеспечению боевых действий в будущей войне определялись составляемыми Морским генеральным штабом в предвоенные годы планами войны на Балтийском и Черноморском театрах военных действий.[2] Так, в соответствии с Планом операций морских сил Балтийского моря на случай возникновения европейской войны 1912 года основной задачей Службы связи являлось обнаружение главных сил противника возможно дальше от Нарген – Порккалауддской (Центральной) укрепленной позиции и последующее систематическое наблюдение за ним, а также обеспечение постоянной и надежной связи командующего флотом со всеми со-

[1] См., например: *Кудрявцев-Скайф С.* А. С. Попов изобретатель радио. М.-Л., 1945. *Шамшур В. И.* Ленин и развитие радио. М., 1960, с. 8. *Градский П.* Химера, приносящая процветание // Санкт-Петербургские ведомости. 2002, 23 марта. *Сиротин Г.* Любовь без связи хуже смерти // Балтийский луч. 2002, 3 мая.

[2] РГА ВМФ Ф. Р-1529. Оп. 2. Д. 5. Л. 1–87. См. также: *Петров М. А.* Подготовка России к Первой мировой войне на море. М., 1926, с. 133. Флот в Первой мировой войне. Т. 1. М., 1964, с. 46.

единениями и частями, особенно с бригадой разведывательных крейсеров.[1] Проект оперативного плана действий Черноморского флота на 1914 год морским министром утвержден не был, из-за чего к началу войны отсутствовал не только оперативный план флота, но и единые взгляды военного руководства на ведение войны на этом театре.[2] Как следствие, флоту и Службе связи не были поставлены конкретные боевые задачи на случай начала военных действий на Черном море.

Несмотря на несовершенство стратегического планирования, к началу боевых действий Служба связи Российского флота, благодаря разветвленности системы радиосвязи, совершенствованию ее организации и приемов боевого использования, выучке личного состава, в целом оказалась в состоянии обеспечить предстоящие задачи по управлению силами. При этом одной из важных особенностей функционирования системы радиосвязи флота в годы войны явилось преобладание новых ее способов применения (радиоразведка, радиопеленгование, радиоперехват) над традиционными, вытекающими из самой сути радиосвязи, – обмена сообщениями.

В результате анализа боевых действий немецкого флота в первый месяц войны выяснилось, что Германия, разделив свои морские силы между Северным и Балтийским морями, для операций на Балтике выделила сравнительно небольшой корабельный состав для маскировки своих оборонительных намерений. Расценив обстановку более благоприятной для действий Балтийского флота, чем предполагалось перед войной, русское морское командование посчитало возможным изменить оперативный план флота 1912 года в сторону расширения его задач в войне путем проведения операций для оказания помощи флангу 6-й армии. Оценив сильные и слабые стороны Балтийского флота, вице-адмирал Н. О. Эссен пришел к выводу, что наиболее целесообразными его действиями в сложившихся условиях могут быть активные минно-заградительные операции в юго-восточной и южной частях Балтийского моря.[3]

Готовясь к выполнению активных минно-заградительных операций у берегов противника, штаб флота особое внимание уделял организации наблюдения и разведки на театре, без которых немыслимо было выполнение минных постановок в южной части Балтийского моря. Как известно, оперативным планом 1912 года перед разведкой ставились весьма ограниченные задачи – обнаруживать главные силы противника при их приближении к Финскому заливу,[4] выполнение которых возлагалось на крейсерский дозор и наблюдательные посты, расположенные на северном и южном побережье залива и на островах, причем главную роль должны были сыграть последние. Такая система наблюдения более или менее удовлетворяла штаб флота, пока его силы в ожидании боя находились на Центральной минно-артиллерийской позиции. Но для обеспечения активных операций флота в море одних лишь сведений о приближении противника к устью Финского залива было крайне недостаточно. Получать же систематические сведения о германском флоте, организуя глубокую разведку силами крейсеров и эскадренных миноносцев в южной части Балтийского моря, также не представлялось возможным, так как корабли этих классов, за исключением "Новика", обладали недостаточной скоростью хода и их можно было легко потерять. Не были пригодны для этой цели и русские подводные лодки, имевшие чрезвычайно малый радиус действия. Воздушные силы Балтийского флота находились тогда еще в зародыше и задач дальней разведки выполнять не могли. Оставалось последнее и, пожалуй, единственное средство для ведения стратегической разведки на театре – радио.

Хотя на флоте была отработана организация защиты радиосвязи от преднамеренных помех, случаев создания противником радиопомех работе наших радиостанций

[1] РГА ВМФ Ф. 479. Оп. 1. Д. 146. Л. 1–40.
[2] См. Флот в Первой мировой войне. Т. 1. М., 1964, с. 329–331.
[3] РГА ВМФ Ф. 479. Оп. 1. Д. 970. Л. 27, 101–108.
[4] РГА ВМФ Ф. 479. Оп. 1. Д. 146. Л. 28.

не было. Противоборствующие стороны всячески старались, с одной стороны, всемерно сократить свои радиопередачи и, с другой стороны, не только на мешать противнику свободно работать по радио, но и "наивозможно точным образом следить за его радиообменом, учитывать и регистрировать его радиопереговоры".[1]

Как свидетельствуют документы, наблюдение за работой отечественных и иностранных радиостанций было организовано в Российском флоте задолго до Первой мировой войны.[2] Так, еще в 1912 году исключительно для целей радиоразведки 2-м флагманским минным офицером штаба Морских сил Балтийского моря лейтенантом И. И. Ренгартеном был сконструирован всеволновый радиоприемник.[3]

Весьма срочно
Секретно

Начальнику Минного отдела Главного управления кораблестроения
28 июня 1912 г.

Штаб просит содействия в деле осуществления намеченного предстоящей осенью опыта разведки организации радиотелеграфной службы на судах иностранных флотов, особенно Германии. Для этой цели необходимо снабдить одно из судов, идущих за границу (намечен крейсер "Богатырь") специальной приемной радиотелеграфной станцией для исследования высшего спектра волн – от 300 до 30 м длиной; кроме того, подлежащий установке на данном крейсере приемник может исследовать следующий спектр – волны длиной от 300 до 3000 м (и даже до 10000 м и 30000 м), ибо, по сведениям Морского генерального штаба, в Англии проектируются установки с длиной волны от 20 до 40 км.

Штаб просит поручить выполнить радиотелеграфный приемник в Радиотелеграфном депо Морского ведомства по приложенному проекту-схеме. Штаб считает весьма важным, чтобы конечное назначение приемника оставалось бы по отношению к мастерской секретным.

Начальник штаба командующего Морскими силами Балтийского моря
контр-адмирал Крафт

2-й флагманский минный офицер
лейтенант Ренгартен

На одном из совещаний при Морском генеральном штабе 15 декабря 1913 года, в работе которого приняли участие и представители Службы связи, было решено:[4]

"<…>сосредоточить в Морском генеральном штабе сводку всех случаев правонарушений со стороны радиотелеграфных станций других ведомств. Для этого нужно: выработать порядок наблюдений (подслушиваний) этих правонарушений, поручить это одной (нескольким) служащим радиотелеграфных станций или одной исключительно приемной радиотелеграфной станции".

Кроме того, из-за низкой эффективности радиоразведки, проводимой корабельными радиостанциями русского флота при заходе в иностранные порты (на военных кораблях страны посещения вводилось радиомолчание), предлагалось командировать на русские коммерческие суда, вооруженные радиостанциями и посещающие иностранные порты, "вполне подготовленных специалистов, которым должно быть поручено наблюдение за радиотелеграфированием в иностранных портах, особенно в маневренное время".[5]

Первоначальные, преимущественно разрозненные, данные о противнике требовали привести все дело разведки с помощью радио в определенную систему. Первым шагом в этом направлении явилось издание 30 июня 1914 году приказа начальника Связи Балтийского флота А. И. Непенина об установлении круглосуточного наблюдения береговыми станциями за работой иностранных радиостанций.[6] Анализ осо-

[1] *Ренгартен И. И.*О радиосвязи в военном флоте // Морской сборник. 1920, №1–3, с. 57, 59.
[2] РГА ВМФ Ф. 401. Оп. 3. Д. 72. Л. 71–72; Д. 123. Л. 104–105; Ф. 421. Оп. 4. Д. 1327. Л. 33–34; Ф. 736. Оп. 1. Д. 17. Л. 339.
[3] РГА ВМФ Ф. 401. Оп.4. Д. 72. Л. 71–72.
[4] РГА ВМФ Ф. 401. Оп. 3. Д. 123. Л. 104–105.
[5] РГА ВМФ Ф. 401. Оп. 3. Д. 123. Л. 123.
[6] РГА ВМФ Ф. 736. Оп. 1. Д. 17. Л. 136, 237, 339.

бенностей обмена иностранными радиостанциями, используемых позывных, тональности сигнала и его интенсивности, "почерка" радистов позволял различать работу гражданских и военных станций, определять ориентировочно состав корабельных группировок и их местоположение. При всей ценности полученных сведений они все же не могли дать объективную картину о противнике на театре.

Для получения более полной и объективной информации о противнике в сентябре 1914 года на о. Кильконд и в Гангэ устанавливаются первые радиопеленгаторы, а в конце декабря – на о. Реншер и в Гапсале. На Черном море в 1914 году был установлен первый радиопеленгатор на Мекензиевых горах под Севастополем, а в 1915 году – в Керчи и Овидиополе.[1] Применение радиопеленгаторов позволяло с точностью до 2^{o} определить направление на работающую радиостанцию, а по двум пеленгам – ее местоположение. Благодаря налаженной радиоразведке командование Балтийского флота имело возможность следить за всеми движениями германского флота, успешно определять координаты выставленных немцами в русских водах минных заграждений и предотвращать гибель на них кораблей и судов. Путем радиоперехвата на Черном море, как следует из телеграммы командующего Черноморским флотом, политическому руководству страны стали известны важные изменения в стратегической обстановки на театре:[2]

> "Из перехваченной радиограммы Турция объявила полную мобилизацию и примкнула к нашим противникам. От посла ни слова. Прошу сообщить отзыв Министерства иностранных дел.
> 20 июля, 9 час. 8 мин. Эбергард".

По дипломатическим каналам сообщение о начале мобилизации в Турции и введении военного положения поступило от русского консула в Эрзеруме спустя лишь три дня.[3]

Радиоразведка, являясь важным средством слежения за надводными кораблями, не могла обеспечить эффективного наблюдения за действиями германских подводных лодок. В результате реализации комплекса мер, последовавших после обнаружения в августе 1914 года на немецком крейсере "Магдебург" сигнальной книги германского флота "Signalbuch Keiserlichen Marine", шифров мирного времени, карт квадратов Балтийского моря и других документов,[4] позволявших раскрыть основы шифрования радиограмм, система радиопеленгования на Балтийском флоте дополняется радиоперехватом и последующим дешифрованием сообщений противника. После напряженного и скрупулезного криптоанализа перехваченных германских шифрованных радиограмм, проведенного капитаном 1 ранга М. П. Давыдовым в Службе связи Балтийского флота и капитаном 2 ранга И. И. Ренгартеном в штабе командующего флотом, удалось установить принципы шифрования и приступить к рассекречиванию добываемых радиоперехватом сообщений.

Для приведения нового направления использования радиосвязи в систему решением Адмиралтейств-совета от 4 марта 1915 года за № 4976 в составе Южного района Службы связи Балтийского моря была учреждена Радиостанция особого назначения (РОН) и на ее устройство отпускалось 101 тыс. руб.[5] Основным назначением созданной радиостанции являлась расшифровка неприятельских радиограмм и немедленная их доставка командованию.

Для успешного дешифрования радиограмм требовалось ежесуточное установление ключа к используемому германскому шифру, что требовало наличия в штате

---

[1] РГВИА Ф. 811. Оп. 1. Д. 4. Л. 33–34. РГА ВМФ Ф. 418. Оп. 1. Д. 1448. Л. 83, 163; Ф. 610. Оп. 1. Д. 165. Л. 53.

[2] РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 4414. Л. 50.

[3] РГА ВМФ Ф. 418. Оп. 1. Д. 661. Л. 19.

[4] РГА ВМФ Ф. 847. Оп. 1. Д. 10, 119, 146. См. также: Авария германского крейсера Магдебург у о-ва Оденсхольм в ночь на 13-е августа 1914 г. // Морской сборник. 1921, №1–2, с. 8–14.

[5] РГА ВМФ Ф. 479. Оп. 3. Д. 528. Л. 33; Ф. 737. Оп. 1. Д. 137. Л. 69; Ф. Р-1529. Оп. 2. Д. 38. Л. 104–106, 107, 109–113, 398–400, 402–405, 407–457.

РОН специалистов-криптоаналитиков. Прикомандированными к радиостанции офицерами (лейтенанты Б. М. Елачич и Д. П. Измалков и мичман О. О. Проффен) и чиновниками Министерства иностранных дел (Ю. Павлович и Б. Орлов) был раскрыт секрет трех- и четырехзначных германских шифров, а статским советником Э. К. Фаттерлейном – структура и содержание новой Сигнальной книги германского флота. Большую помощь при этом криптоаналитикам оказали радиотелеграфисты РОН Т. Д. Врублевский, Я. П. Курземнек, Л. В. Лавренко, С. В. Покрышкин, В. Н. Шашенков, В. И. Бахтиаров, В. С. Орлов и И. М. Борушко, определявшие по особенностям работы радиостанций немецких кораблей их новые позывные.[1]

Таким образом, благодаря инициативе и колоссальной работе флотских связистов с весны 1915 года командование флота располагало информацией не только о местонахождении и эволюциях германских сил в Балтийском, Черном, Баренцевом и Белом морях, но и было заблаговременно информировано о планах и намерениях германского морского командования.[2] До 1917 года радио являлось основным средством оперативной разведки русского флота.[3]

Существует множество описаний операций русского флота, проведенных успешно на основе учета данных радиоразведки,[4] а после проведения так называемой "мемельской набеговой операции" 18 июня 1915 года[5] в Ставке авторитет флота возрос и, "наряду с героем этого дела Бахиревым, имя Непенина в глазах лиц, знакомых с делом, поднялось высоко".[6] Среди командного состава в годы войны сформировался следующий взгляд на роль радиосвязи в обеспечении боевой деятельности сил флота:[7]

> "Хотя непосредственно радиотелеграфом и не уничтожаются неприятельские суда, тем не менее разведка, как основа всех операций, базируется преимущественно на радиотелеграфе и благодаря соответствующей постановке дела в течение настоящей войны неоднократно в Балтийском море уничтожались неприятельские суда и, наоборот, наши суда не попадались под удары более сильных отрядов неприятеля. По выражению плавающего состава офицеров, корабль без радиосвязи – слепой".

Роль береговых радиостанций и наблюдательных пунктов в обеспечении боевых действий флотов понимало не только руководство Морского министерства, но и противник. При всяком рейде к русским берегам германские корабли и подводные лодки подвергали эти объекты ожесточенным артиллерийским обстрелам, достойным важных укрепленных позиций.[8] На Черном море были полностью разрушены радиостанции в Новороссийске (1914)[9] и Кодоше (1914),[10] до установки на постах Службы связи Белого моря полевых орудий (1916) они также подвергались частым артобстрелам германских подводных лодок[11], огневому воздействию и десантным вылазкам немцев постоянно подвергались не только островные посты и станции Балтийского моря, но и расположенные на континентальной части.[12]

---

[1] РГА ВМФ Ф. 736. Оп. 1. Д. 194. Л. 88, 139–140, 190. См. также: *Биккенин Р. Р., Глущенко А. А., Партала М. А.* Очерки о связистах Российского флота. СПб., 1998, с. 176–183.

[2] РГА ВМФ Ф. 464. Оп. 1. Д. 1, 4–9, 25–29, 46, 47, 94, 95, 118, 124; Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 185, 199, 200, 201. (См. также: *Апостоли Н. Н.* Морская служба связи – важная часть флота // Красный флот. 1924, № 9, с. 87. *Сакович А. А.* Радиоразведка на Балтийском театре в войну 1914–18 гг. // Морской сборник. 1931, № 12, с. 54).

[3] *Сакович А. А.* Радиоразведка на Балтийском театре в войну 1914–18 гг. // Морской сборник. 1931, №12, с. 54.

[4] См., напр.: Флот в первой мировой войне. Т. 1. М., 1964, с. 111, 117, 122. *Павлович Н. Б.* Развитие тактики военно-морского флота. Ч. 3. М., 1983, с. 147.

[5] *Ролльман Р.* Война на Балтийском море. 1915 год. М., 1937, с. 241–244.

[6] *Дудоров Б. П.* Указ. соч., с. 183.

[7] РГА ВМФ Ф. 418. Оп. 1. Д. 1449. Л. 1.

[8] См.: *Фирле Р.* Война на Балтийском море. Т. 1. М., 1926, с. 62.

[9] РГИА Ф. 1289. Оп. 12. Д. 1860. Л. 63.

[10] РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 4414. Л. 504.

[11] РГА ВМФ Ф. 418. Оп. 1. Д. 505. Л. 47.

[12] См. *Дудоров Б. П.* Указ. соч., с. 150–158.

В целом во время войны боевая деятельность Службы связи флотов по обеспечению управления силами в ходе проводимых операций показала, что поставленные перед ней задачи были выполнены успешно и получила положительную оценку не только командиров кораблей и соединений, но и командования флотами. Так, в частности, в приказе командующего Балтийским флотом Н. О. Эссена № 1433 от 31 декабря 1915 года отмечалось, [1] что

> "Служба связи исключительной организацией своей деятельности в высшей мере способствовала успеху всех операций флота",

а командующий Черноморским флотом вице-адмирал А. В. Колчак, оценивая деятельность флота в годы войны, заявил:[2]

> "<…>минные заграждения, дозорная служба, надлежащим образом организованная и надлежащим образом развитая радиосвязь дали возможность обеспечить нам Черноморский бассейн совершенно спокойным от всяких покушений со стороны неприятеля и обеспечить совершенно безопасный транспорт для кавказской армии".

Отмеченные успехи Службы связи Российского флота в обеспечении его боевой деятельности во многом были результатом мастерства, выучки и героизма личного состава береговых и корабельных радиостанций. За героизм, отвагу и мужество, проявленные, например, личным составом Службы связи Балтийского флота только в 1916 году было представлено 226 рядовых и унтер-офицеров к награждению Георгиевскими крестами и медалями и, как отмечал начальник Восточного района Службы связи флота Б. П. Дудоров, "…насколько я знаю, первые кавалеры знака военного ордена Св[ятого] Георгия в Балтийском флоте в эту войну вышли из рядов Службы связи".[3]

---

[1] РГА ВМФ Ф. 736. Оп. 2. Д. 243. Л. 17.

[2] Протоколы заседаний чрезвычайной следственной комиссии по делу Колчака. – В кн.: *Кларов Ю.* Арестант пятой камеры. М., 1994, с. 406.

[3] *Дудоров Б. П.* Указ. соч., с. 137, 156.